

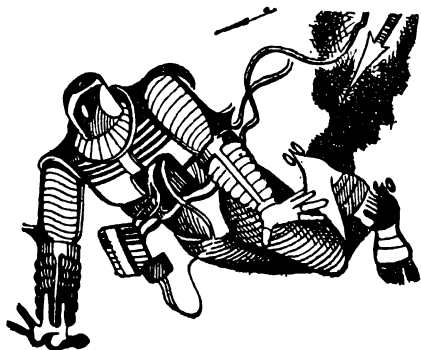
В. ПИЩЕНКО БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО
БАЛЛАДА
О ВСТРЕЧНОМ
ВЕТРЕ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО
БАЛЛАДА
О ВСТРЕЧНОМ
ВЕТРЕ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1989

ББК 84Р7
П 36

П $\frac{4702010201-186}{078(02)-89}$ 146-89

**© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.**

ISBN 5-235-00512-0

МИРОВ ДВУХ МЕЖДУ...

1. Фрагмент «Общей информации»

...Предварительный розыск не принес результатов. В настоящее время в исследуемый район направлено восемь усиленных групп наиболее опытных поисковиков. Специалисты заканчивают обработку полученных данных...

2. Юрий Старадымов, спасатель

Никак не могу привыкнуть. Все здесь, как на Земле, даже лучше, привольней, но что-то тревожит. Особенно, когда я, как сейчас, в воздухе. Наверное, последствия травмы, которых не смогли предусмотреть даже земные эскулапы вкупе со своими электронными диагностами. Вот уже год прошел после моего возвращения из Дальнего космоса, а память нет-нет да и воскресит тот день на Криме...

Чтобы отвлечься от нахлынувших воспоминаний, смотрю вниз. Тайга, над которой я пролетаю, — словно ошетинившийся дикобраз, рассерженный непрошеным вторжением на его территорию. Змеящиеся полосы речушек, проплешины лесных пожаров на склонах сопок...

Над Даваном-2 низкая облачность... Что ж, поднимемся повыше. Коснувшись теплой клавиши, заставляю бот резко вскинуть нос и устремиться вверх. Скоро покажется Байкал-2... Черт возьми, кто придумал эту терминологию?! Байкал-2! Даван-2! Ангара-2! Пицунда-2! Говорят, и Терру хотели называть Землей-2! Благо Всемирный совет не согласился... Сейчас на Терре мало кто из постоянно здесь работающих применяет в разговоре эти бесконечные двойки, призванные напомнить забывчивым о том, что это все не совсем настоящее, что все это дубли... Я и сам употребляю порядком надоевшую цифру только в официальных отчетах, которые в наше время остались как пережитки прошлых веков. Раз в полгода, а будь добр отчитайся о проделанной работе. Отчитываюсь...

Эта каменная осыпь очень похожа... Опять из подсознания выбирается Крим! Там остались Толик Утехин и Гена Бражко... Эх, ребята, ребята... Станция слежения не успела предупредить нас о надвигающейся буре. А буря на Крime это... Это буря на Крime. Град летящих с дикой скоростью камней, шквал песка, стекла скафандров, мутнеющие от мириад ударов, пробитые металлопластиковые купола палаток... Возле той осыпи мы нашли развалины, очень похожие на развалины города. Из-за них-то нам и разрешили остаться на Крime еще две недели. Никто же не знал, что весна на этой планете начинается столь бурно...

— Вы входите в Зону полной изоляции! Вы входите в зону полной изоляции! — мелодично и слегка укоряюще пропел динамик. — Следует выполнить программу I, следует выполнить программу I!

Зона полной изоляции... Забавно... Кто и от кого изолируется? Кто и кого изолирует? Это я так гадал в начале своей деятельности в качестве спасателя Заповедника. Теперь знаю, что в этой Зоне природа полностью изолирована от воздействия антропогенного фактора. Насколько мне помнится, вся история развития

рода гомо сапиенс в том и состояла, что он переделывал природу, совсем не задумываясь над тем, имеет ли право покорять ее. В далекие времена Разрозненных государств расхожими были определения: «Покорители земных недр!», «Покорители космоса!», покорители еще чего-то там!.. И покоряли. И переделывали. А природа Земли терпела... Восстанавливала как могла шаткое равновесие, пыталась сохранить естественный круговорот веществ... Но если бы он был естественным! Полимеры, синтетика, прочая химия прямо-таки запленили Землю... Пляжи стали из песчаных превращаться в полиэтиленовые и полистироловые, дождевые черви дохли от неумения совладать с попавшими в почву стеклопластиковыми, птицы задыхались от выбросов чадающих труб, морские животные и рыбы конденсировали в печени ДДТ и прочие ядохимикаты... Потом это, к счастью, прекратилось... Человек, приведя в порядок социальное хозяйство, огляделся по сторонам и ужаснулся тому, что увидел. Ужаснулся и зашелся от жалости к природе. Ведь все это сделали мы, люди! Те, кто называл себя детьми природы, ее любящими сынами!.. Порядок на родной планете был наведен. Но оставалась еще одна проблема — как сохранить все, буквально все, что производила на свет щедрая природа? Ученые предлагали различные варианты, но только открытие тайны ирия дало возможность реализовать один из самых фантастических проектов... Так появилась Терра. Копия Земли, но не Земля. Может быть, поэтому я и ощущаю постоянное напряжение, словно нахожусь на другой планете. И все же это Земля. С ее материками, морями, реками, горами и лесами. Земля, оторгнутая от своего прототипа в иное пространство и время... Людей на ней почти нет. Лишь отряды ученых, ассенизаторов, пожарников, малочисленные штаты заповедников, вездесущие киношники, снимающие фильмы о давно прошедших временах, слушатели учительских курсов, проходящие практику. Да несколько спасателей... В том числе и Юрий

Старадымов, бывший космодесантник, бывший безнадежный больной Марсианского санатория, бывший флагирующий бездельник на улицах Гаваны и пляжах Адриатики.

Медикам, конечно, виднее, но с тем, что меня зачислили в «бывшие», я не согласен категорически. Чувствую себя даже лучше, чем перед экспедицией на Крим... Только вот иногда наваливается какое-то внутреннее напряжение, словно рядом затаилась опасность и может произойти что-то, чего не в силах предугадать, и от этого становится не по себе. Чуткие приборы эскулапов никаких отклонений в деятельности моего закаленного бесконечными тренировками организма не обнаружили. Однако медки единодушно заявили, что не собираются выпускать меня в Дальний космос. Пока... Смешно, но получалось именно так — космодесантник на Земле. Спасибо Михаилу Жамбаловичу... Этот человек — истинный патриот Терры, истинный нелюбитель цивилизации «покорения» и старый, еще с нулевого цикла воспитания, друг моего отца. Он-то и предложил мне должность спасателя Заповедника. Самая работа для космодесантника. Я тогда мысленно добавил «в отставке»... Михаил Жамбалович и познакомил меня с местом моей будущей службы. Показал архитектурные памятники, сводил в музеи искусства всех времен и народов, побывать в которых мечтают многие земляне, а огромное число творцов всяческого рода: живописцев, скульпторов, архитекторов, голоционистов, киношников — стонут от счастья, когда их работы определяются для дублирования и хранения на Терре. Показал он мне и различные Зоны природы. Одни используются как питомники диких животных, другие — в качестве парков отдыха землян, многие служат базой для генетических опытов ученых, но есть и такие, как Северо-Байкальский Заповедник. Он почти полностью закрыт для доступа. Вся территория от Усть-Кута до Токсимо отдана природе в полную власть. Вмешательство допустимо только

в экстренных случаях и лишь с благими целями — придавить полчища непарного шелкопряда, готового сожрать сотни гектаров лесов, или потушить не в меру разгоревшийся пожар.

В районе Верхней Заимки размещается кордон, на котором обитают егерь-охотник Джеральд Линекер и его жена. К ним-то я и лечу.

3. Джеральд Линекер, егерь Северо-Байкальского Заповедника

Всю свою жизнь я провел на Терре. Или почти всю, если уж быть предельно точным. Родился я на Земле и ползунковое детство провел там же. А на Терру впервые попал в конце нулевого цикла обучения. Нас, маленьких и присмиривших, вывезли на экскурсию в Северо-Американский заказник. До сих пор помню, как от восторга при виде бесконечных травяных пространств и огромных стад бизонов мурашки забегали по спине. Подозреваю, что это проснулся голос предков — где-то в основании моего генеалогического древа числится небольшое количество поколений индейцев кроу. С тех пор я бредил Террой — этим гигантским двойником Земли, ее музеем и заповедником. Уроков на Терре я ждал с таким же нетерпением, как когда-то мои испанские предки-мореплаватели ждали появления полоски земли на горизонте. Родители знали, что лучшим подарком для меня будет поездка в один из бесчисленных зоопарков Терры. Особенно я любил Джерси — маленький островок в водах Ла-Манша и расположенный на нем зоопарк-питомник исчезающих и восстановленных видов. Здесь, возле вольеров и клеток с редчайшими представителями земной фауны, я проводил все выходные, праздники, каникулы... И никого — ни родителей, ни учителя Кайсонова не удивило, что после окончания школы я попросился на Терру. Поскольку желание было подкреплено

авторитетным мнением электронного педагога — интерес к биологии напрочь забивал у меня все другие склонности — я был зачислен в штат охотников Терры. Несколько необычное занятие для Земли XXII века, Земли космонавтов, ученых, творцов... Но я был счастлив, это же чувство живо и сейчас, спустя полтора десятилетия с того памятного дня.

Моя практическая деятельность на Терре началась с подавления вспышки леммингов в Таймырской тундре — в тот год эти маленькие милые зверьки размножались с угрожающей быстротой. Потом была долгая кропотливая работа по ликвидации последствий интродукции кроликов в Австралии, экспедиция по подсчету синих китов... Похоже, получалось у меня неплохо, потому что через четыре года я был включен в состав знаменитой спецгруппы «А».

Мы занимались спасением видов, занесенных в печально известную Красную книгу дикой природы. Мне посчастливилось участвовать в отлове последних тасманийских сумчатых волков. Это было чертовски трудно, зато сейчас в Мельбурнском зоопарке Терры около сотни этих животных. Вместе с Иваном Сидоровым и Джорджем Бентли мы разыскали в дебрях Амазонки следы гигантского ленивца, которого год спустя изловил-таки Жан Бертье. И вместе с тем же Бентли и Яном Шиманским мы видели и отсняли на видеокристалл до сих пор неуловимого морского змея, очень похожего на существо, которое в прошлом веке обитало в озере Лох-Несс, да так и вымерло от излишне настойчивого любопытства людей, а может, просто покончило самоубийством, не желая попадаться в руки азартным охотникам за этакой достопримечательностью.

Впрочем, о десятилетии, проведенном в спецгруппе «А», можно рассказывать бесконечно. Закончилась эта жизнь для меня совершенно неожиданно чуть больше года назад. Тогда во время попытки изловить полумифического олгой-хорхоя я не рассчитал (а за ошибки

в нашем деле приходится до сих пор платить довольно дорого) и попал под камнепад. Врачам не без труда удалось вернуть меня в прежнее «докамнепадное» состояние. В общем-то, охотникам к переломам и синякам не привыкать, но в госпитале, проснувшись ночью, я случайно увидел, как смотрела на меня — возвращенного к жизни и наново склеенного — Инга. Вот тогда и решил — все, хватит. Слишком дорого приходится платить жене за мою работу. Да и сын подрос, большую часть следующего цикла воспитания он должен провести с родителями... В общем, выйдя из больницы, профессиональный охотник Джеральд Линекер, к удивлению и радости своей семьи, переквалифицировался в егеря-охотника Северо-Байкальской заповедной зоны. С тех пор мы и живем недалеко от того места, где красавица Верхняя Ангара впадает в «славное море».

День, когда произошли события, о которых пойдет речь, начался радостно — рано утром со мной связался Юрий Старадымов и сказал, что после обеда будет у нас. Мы не встречались с ним добрых полгода, после успешного завершения операции по спасению группы Олега Свенссона. Пресса Земли об этом случае сообщала довольно скупо, так что, думаю, есть смысл остановиться на нем подробнее.

Олег Свенссон — руководитель одной из подгрупп спецгруппы «А» — работал по теме «чимпекве». Исследования, проведенные на Земле, показали, что этот динозавр, чудом сохранившийся в бассейне Конго с юрского периода, вымер совсем недавно, но сделал это, как часто случается с малочисленными видами, весьма основательно. Во всяком случае, ни останков с сохранившимся набором хромосом, ни яиц чимпекве (он, как и все приличные пресмыкающиеся, размножался яйцами) обнаружить не удалось. Чтобы динозавров Терры не постигла та же судьба, приходилось поторапливаться. Экспедиция Свенссона, получив неопровержимые данные о существовании чимпекве, предприняла попытку высле-

дить последних представителей вида. Надо сказать, что район обитания этих динозавров обладает занятными геологическими особенностями. В частности, магнитные аномалии нетрадиционного типа напрочь исключают здесь не только использование радио, но и пользование браслетами индивидуальной связи. Поэтому, когда группа Свенссона замолчала, поначалу тревожились о ней не очень сильно. Но когда прошли все контрольные сроки, Главная Диспетчерская Терры забила тревогу. Срочно была сформирована спасательная экспедиция. В ее состав включили наиболее опытных охотников Терры, в том числе и тех, кто подобно мне по различным причинам сменил работу. Прилетел даже Сергей Ткачук — член Совета Земли и Терры, один из ведущих ученых мира. Конечно, ни по возрасту, ни по состоянию здоровья непосредственного участия в работе экспедиции принять он не смог, но его опыт и советы нам очень и очень помогли... Кроме охотников, прибыло и несколько спасателей. Среди них и был Юрий Старадымов, ставший в этой экспедиции моим напарником. Симпатию к этому рослому крепкому парню я почувствовал сразу — со мной это изредка бывает, сентиментальность была основной чертой характера моей прапрапрабабки по материнской линии. Похоже, и Юрий не жалел, что ему придется работать именно со мной. Ткачук, знавший Старадымова и раньше, говорил о нем скупой, только то, что нам необходимо было знать: в прошлом космодесантник, участвовал в известной выброске на Крим, там его изрядно помяло, и врачи на некоторое время отстранили Юрия от космических полетов, профессионал высшего уровня, очень надежен... Сам Юрий о своем прошлом помалкивал, а мы не очень-то его и расспрашивали — не принято у нас насильно лезть человеку в душу. В его надежности мне довелось убедиться во время едва ли не первой совместной вылазки. Я не успел ничего предпринять, когда болотная жижа раздалась под моими ногами и я по грудь ухнул в трясину.

Чисто рефлекторно, понимая, что все равно не достану, рванулся к свисавшей неподалеку старой, покрытой растениями-паразитами лиане. Болото не пустило и вновь втянуло меня в свои липкие объятия. В этот момент веревка с петлей, ловко брошенная Старадымовым, легла мне на плечи. С трудом повернувшись к Юрию лицом, я намертво вцепился в нее. Четверть часа мы отчаянно тянули за веревку каждый в свою сторону, пока наконец болото не сдалось и с жадным всхлипом не отпустило меня. Кое-как я дополз до ствола давно рухнувшего дерева, с которого сделал едва не ставший для меня роковым шаг. И тут обнаружилось, что, вытаскивая меня, Старадымов сам завяз по пояс. Роли переменились, и теперь уже мне пришлось отбивать Юрия у трясины. Потом, когда все наконец закончилось, и мы, обессилив, сидели рядышком на берегу проклятого болота, я вдруг обратил внимание, что внешне Старадымов выглядел абсолютно спокойным, только пальцы рук мелко подрагивали. Впрочем, как и у меня...

Нам не раз еще пришлось выручать друг друга. В этих чертовых джунглях практически невозможно применять привычную для нас вспомогательную технику, боты космодесантников тоже непригодны: они хорошо защищают исследователей, но живой природе наносят непоправимый урон. Недаром ведь поется в нашей песне: «Надеемся только на крепость рук, на руку друга да вбитый крюк и молимся, чтобы страховка не подвела».

Удача была на нашей стороне. Почти одновременно с двумя другими парами спасателей мы вышли к затерянному среди болот островку твердой почвы, на котором Свенссон обнаружил кладку яиц чимпекве. Мы и нашли Олега и его спутников на этом островке. С упорством обреченных они отстреливались парализующими иглами от нападавших со всех сторон полчищ крокодилов. Парализатор оглушал крокодила, в которого попала

игла, на несколько часов, потом бестия приходила в себя и вновь упорно лезла на запах яиц чимпекве.

Позднее было выяснено, что между крокодилами и динозаврами царит вековая вражда, и именно крокодилы были главной причиной исчезновения чимпекве с лица Земли. Может быть, кому-то поведение Свенссо-на покажется, мягко говоря, странным. Для меня же оно выглядит вполне естественно, и было очень приятно, когда Старадымов понимающе кивнул в ответ на пылкую тираду Олега, который, поблагодарив нас за «своевременность прибытия», заявил, что скорее согласился бы на то, чтобы крокодилы сожрали его самого, чем позволил им уничтожить последних, может быть, динозавров Терры.

После этого Юрий участвовал в тушении лесных пожаров в Пиренеях, потом был в группе, укрощавшей не в меру разбушевавшийся вулкан Стромболи. В этих делах, горячих и в прямом и в переносном смысле слова, Старадымов, как говорили, проявил себя очень неплохо.

Но ни встретиться с Юрием, ни даже поговорить как следует нам не удавалось. После того, как какой-то умник из института физической биологии предположил, что радиоволны влияют на мутационный процесс некоторых микроорганизмов, радиосвязь на Терре жестко лимитировали. И вот наконец сегодня Старадымов сумел вырваться ко мне.

А утром на «заимку Линекера» (так не без юмора прозвали жилую зону Северо-Байкальского заповедника мои коллеги-егеря) прибыл еще один гость. Я с удивлением смотрел, как на посадочную площадку опустилась пассажирская капсула, и из нее выбрался среднего роста рыжебородый человек. Мне доводилось видеть его фотопортреты, поэтому, когда он в невероятно вежливых выражениях стал извиняться за неожиданное вторжение, я уже знал, с кем имею дело. Богомил Геров, ученый-филолог, крупный специалист в области мифа, сказки, фантастической литературы и т. д. и т. п., учитель моего

сына Сергея. Я хотел было сразу же вызвать Сережку, который еще до рассвета улетел с матерью на остров Ольхон, но Геров в изысканных выражениях заявил, что нужды в этом нет, пусть мальчик занимается делом, а он вполне может встретиться с ним вечером, да и вообще он хотел бы прожить у нас несколько дней, если, конечно, я не возражаю. Разумеется, возражать я не стал. Во-первых, Геров приехал к нам не развлекаться, а заниматься своим, достойным всяческого уважения делом, во-вторых, я слышал о нем много интересного, да и Сережка был от Герова без ума, как, впрочем, каждый ученик от своего учителя.

До приезда Старадымова время еще оставалось, и я решил, что нет никаких оснований откладывать контрольный вылет по заповедной территории. Учитель с благодарностью принял предложение составить мне компанию и без лишних слов занял место пассажира в двухместном боте. Чувствовалось, что ему действительно интересно. Я тоже был не против поближе познакомиться с человеком, от которого много зависело в судьбе моего сына. Так что единственный, кто проявил недовольство приездом Герова, была моя лайка Бой. Бой обожает во время облетов Заповедника занимать правое сиденье и, прижавшись влажным носом к силовому полю, образующему колпак кабины, чутко ловить запахи тайги. Сегодня он этого удовольствия был лишен и тихо повизгивал, лежа в грузовом отсеке. Я знал, что весь день Бой будет дуться на меня, а вечером демонстративно потребует, чтобы его кормили Инга или Сергей. Впрочем, я так же точно знал, что к утру обида Боя пройдет, и мы снова станем лучшими друзьями.

Обычно при передвижении по территории заповедной зоны я включаю оптическую невидимость бота. Этого требует инструкция. Обитателям заповедника ни к чему лишние стрессовые ситуации. Отступать от этого правила егерям приходится не часто, в тех случаях, когда того требует обстановка. Например, когда нужно

спугнуть байкальских нерп. Эти очаровательные существа обожают греться на солнце, причем меры в наслаждении не знают и частенько становятся жертвами солнечного удара. Поэтому в жаркие дни нам приходится регулярно пролетать над лежбищами нерп и спугивать их в воду.

В течение, пожалуй, часа я рассказывал учителю Герову об этом и других случаях из жизни моих подопечных. Полет проходил спокойно, в Заповеднике все было в полном порядке. От Дзелиндинских источников, куда частенько забредают животные, я повел бот на запад. Скоро мы углубились в тайгу, и приходилось быть очень осторожным, чтобы не зацепиться за дерево. Солнце поднялось высоко, я уже подумывал о том, что пора возвращаться, как вдруг Бой напряженно и глухо зарычал, и в следующее мгновение я увидел на небольшой полянке растерзанного лося.

4. Богомил Геров

Почему мир устроен таким нескладным образом? Только собрался включить фон, послушать рассказ деда, как подошел этот здоровяк Линекер и предложил совершить увлекательнейшую поездку. Нет, разумеется, он хороший парень, иначе бы у него не было такого замечательного сына, как Сережка. Наверняка он хотел оказать мне своим предложением гостеприимство. И поездка наверняка из числа тех, отказываться от которых попросту глупо. Особенно мне — учителю, ведь в нашей профессии личные ощущения и воспоминания — жизненный, так сказать, опыт — «томов премногих» поважней... Однако так можно никогда и не услышать того, что с таким интересом, как они говорят, слушали мои родители. Вот уже полторы недели, как мама прислала мне запись. Сколько раз порывался сесть спокойно, чтобы никто не отрывал, дослушать до конца эту

несуразную и неправдоподобную по нынешним временам историю, но то одно, то другое. Честно говоря, в этом никто, кроме моей несобранности, не виноват, но страдаю-то я. Обидно.

Сидеть и слушать, что рассказывает, размахивая своими длинными руками, Джерри, и в самом деле занимательно. Бывает же так, все или почти все тебе известно, пусть и теоретически, но все равно интересно. Наверное, Линекер просто умелый рассказчик. Мешало только короткое жаркое дыхание здоровенного пса за спиной. Когда я уселся в бот, он так на меня посмотрел... Должно быть, я занял его место. Одним словом, не очень воспитанный пес.

— Послушайте, Богомил, как у вас хватает терпения довести до пятнадцатилетнего возраста целую кучу сорванцов? — внезапно ошарашил меня вопросом Линекер и, не дожидаясь ответа, пояснил свою мысль: — У меня, например, порою от одного Сережки голова кругом идет.

— В моей группе всего семеро ребят, в том числе три очень спокойных девочки, — не очень логично ответил я.

— И вы с ними бесшумно с той поры, когда им исполнилось по три года? — уточнил Линекер.

Он прекрасно знал, что это на самом деле так, но восхитился совсем, как мои воспитанники, когда они были в возрасте десяти-двенадцати лет. В голосе Линекера не было ни грамма лжи, и это меня окончательно подкупило. Мне не очень по душе люди, которые воспринимают мир бесстрастно, они чем-то напоминают мне самого себя, а общаться со своим двойником не самое лучшее времяпрепровождение. С собой я борюсь и, как видно, не без успеха, иначе мне попросту не разрешили бы стать учителем. Бесстрастность в вопросах воспитания абсолютно противопоказана. Вот и ломаешь порой голову над вопросами, которые непосредственно тебя совсем вроде бы не касаются. Например, хотя это и дела

давно минувших дней, я почему-то никак не могу согласиться с тем, что принятое когда-то решение о создании Терры было абсолютно безгрешно. Конечно, не мне судить, ведь об этом столько десятилетий размышляли такие авторитеты... Но, попадая на Терру, я всегда испытываю какое-то неясное ощущение нарушения естества. Бесспорно, что здесь и воздух чище, чем на Земле, и природа, какой на Земле не найдешь, и зверье всякое. Но ведь предлагал же в свое время Диего Санчес переселить человечество на другую планету и попытаться восстановить природный баланс на самой Земле, а он в этом кое-что понимал, тем более все равно получилось так, что на Земле сейчас осталась лишь треть человечества, а остальные, кто здесь — на Терре, кто в космосе.

Но я отвлекся. Линекер ждал ответа.

— Бессменно, — вздохнул я. — Но, к сожалению, ребятишки скоро разбегутся, и я останусь один...

— Еще класс наберете, — оптимистично бросил Джерри.

Легко ему говорить. А я просто не представляю, что будет, когда в нашей маленькой школе прозвенит последний звонок. Наутро я проснусь, выйду в холл, а в доме будет тихо-тихо. Никто не крикнет, не заспорит, не раздастся веселый смех в бассейне.

— Когда тебе сорок пять, не каждый решится набирать учеников, — уныло изрек я.

Линекер расхохотался:

— Будет вам, учитель! Это же только четверть жизни!

Не хотелось выглядеть нытиком, и я, чтобы не выдать своих чувств, возразил:

— Но ведь надо будет проходить новый курс обучения, залезать в дебри последних открытий в области педагогики, держать ответ перед высокой комиссией.

— Вы меня удивляете! Учителю — опасаться комиссии?! — невольно похвастал мне Джерри и добавил то, о чем, вероятно, уже проболтался Сережка: — Говорят,

вы уже даже познакомились с группой голопузых кандидатов в ученики?

— Беседовал с некоторыми родителями, — уклончиво отозвался я.

Месяц назад по рекомендации Высшего педагогического совета мне и в самом деле пришлось совершить небольшой вояж, знакомясь с очень милыми малышами. Самый дальний из полетов был не так уж долг — на Сатурн, но это меня так утомило! Потом-то я понял чем — оторванностью от ребятишек, ведь незадолго до командировки я по их просьбе распустил свою гвардию на двухнедельные каникулы, а тут еще этот месяц. В общем, я настолько устал, что допустил самый непростительный из педагогических промахов — на уроках был вял, скучен и зануден. Но самое удивительное, ребятишки сделали вид, что не заметили этого, и стойко терпели мои нравоучения. Взрослеют...

Внезапно над самым ухом заворчал пес, и бот резко замер. Я посмотрел на Линекера. Всю его веселость как рукой сняло. Егерь был сосредоточен, будто готовился к встрече с метеоритным дождем, а до укрытия оставалось больше мили.

— Что такое, Джерри? — всполошился я.

Он показал глазами на ярко-зеленую уютную полянку. Я вгляделся, но снова ничего не понял.

— Лось, — негромко пояснил Линекер.

Бот так резко пошел вниз, что мне стало не очень уютно. Пес, вероятно, испытывал те же ощущения. Оглянувшись, я увидел, как он замер в напряженном ожидании.

— Все нормально, Бой, — как бы про себя произнес Линекер.

Я с благодарностью покосился на него, Джерри с равным основанием мог сказать это и мне, но воздержался. Бот тем временем завис в полутора метрах над землей.

— Богомил, вы пока не торопитесь выходить, — Ли-

некер ловко перенес свое достаточно громоздкое тело через бортик.

Пес посмотрел на меня, словно желая сказать: тебе-то хорошо, ты гость, а мне придется последовать примеру хозяина, работа такая. Потом отвернулся и прыгнул на пушистую, совсем, как во дворе моей школы, траву. Мне стало стыдно, и я окликнул Линекера:

— Джерри, я с вами!

Он обернулся:

— Хорошо, только опустите бот пониже, а то назад не залезем, и, пожалуйста, пока оставайтесь на одном месте, я хочу осмотреть следы.

Рост Линекера позволял ему без труда дотянуться до пульта управления, если бы бот оставался на прежней высоте, и я воспринял его совет как некоторое ко мне снисхождение. Этого я терпеть не могу, поэтому с изяществом носорога перевалился через бортик и оказался на земле. Приземлился я довольно удачно, если не считать легкого прикосновения ладонями к траве, и даже успел подумать о том, как бы мне распрямиться с полным сохранением достоинства, но в это мгновение встретился глазами со взглядом лося, мертвого лося, и застыл все в той же неуклюжей позе. Карие, с голубоватыми белками глаза лося были влажны и печальны. Такие глаза я встречал только у людей и то лишь несколько раз за всю жизнь, когда из Дальнего космоса не возвращались корабли... Могучее, красивое тело лося было безжалостно изорвано.

— Кто это его? — выдохнул я.

— Волки.

Голос Линекера прозвучал неожиданно сухо. Я распрямился, непонимающе посмотрел на него. Лицо егеря было задумчивым и серьезным.

5. Джеральд Линекер

Сначала я приблизился к лосю. В том, что он стал жертвой волков, сомнений не возникало, слишком характерен почерк этих хищников. Но это-то и было непонятно. Убитый лось был великолепным, полным сил самцом. Нападать на такое животное волки рискуют нечасто, разве что зимой, когда хищники сбиваются в стаи, а голод сводит их с ума. Но в июне... Да и, судя по всему, у туши кормилась только пара волков. Правда, съели много, очень много... Может быть, у них большой выводок? Волчата прожорливы... Но я хорошо знаю пару, в охотничий участок которых входит эта поляна. У них в этом году всего три щенка... Кроме того, не верится, чтобы решились они атаковать лося. Возраст у моих волков не тот, силы уже не те... Значит, что же получается? Пришлые? Откуда они? Почему вторглись на чужой охотничий участок? И почему хозяева не дали им острастки? И тут я обратил внимание на поведение Боя. Собака, глухо рыча, прижималась ко мне. Это было невероятно. Только раз мне довелось увидеть испугавшегося Боя. Три года назад, в Африке, когда из зарослей тростника на нас вывалился разъяренный гиппопотам. Но тогда Бой был совсем молодым, почти щенком... А теперь... Чтобы Бой испугался волка?! Я притянул собаку к себе, успокаивающе потрепал по загривку. Ничего, сейчас он придет в себя. Посмотрел на бот. Учитель молча стоял рядом с ним. Это мне понравилось, терпеть не могу, когда пристают с нелепыми вопросами. Однако пора браться за дело. Бой, кажется, готов к работе. Ищи, собачка, ищи. Мне очень нужны следы... Хотя бы один след...

И Бой нашел этот след. Недалеко от поляны струился прозрачный ручей. Кончив пиршество, волки спускались к нему, чтобы напиться. На влажном песке след лапы был виден очень четко. Но что это была за лапа?!

Самые крупные на Земле и на Терре волки водятся

на северо-западе Америки. Не уступают им в размерах и восточноевропейские. Но даже у них средний размер лапы редко превышает пятнадцать сантиметров. Максимум восемнадцать. Отпечаток, который был передо мной, наверняка превышал два дециметра. О таких огромных волках слышать мне не доводилось. У меня в заповеднике таких, во всяком случае, не было. Наверняка. Да и чтобы соседи не заметили этих гигантов, что-то не верится. Откуда же они пришли? Это нужно было узнать.

Я вернулся на поляну и спросил учителя, умеет ли он водить бот? Геров утвердительно кивнул. Я сунул пистолет в кобуру, вытащил из бота карабин и снова пустил Боя по следу. Геров медленно вел бот, шагах в двадцати позади меня. Честно говоря, я был уверен, что догнать волков не удастся. Этот зверь редко охотится вблизи от своего логова. Особенно если в логове волчата. А волчата у них обязательно есть — время такое. Лося, судя по всему, они свалили еще ночью. С поляны ушли с рассветом. А теперь уже три часа. Значит, они успели уйти далеко. Вдобавок ветер дует от нас к ним... Три часа... Черт, Старадымов наверняка приехал. Но и возвращаться нельзя. Хотя бы предположительно нужно определить, куда они ушли...

Меня спасла годами отработанная реакция охотника да отчаянный бросок Боя. Уловив краем глаза какое-то движение слева, я успел повернуться и всадить парализующую иглу в грудь огромному серому зверю, бросившемуся на меня. В то же мгновение Бой молча сшибся с волчицей, которая нападала, также не издав ни звука, и теперь, хрипя от ярости, они катались по усыпанной прошлогодними сосновыми иглами земле. Изловчившись, я прижал ствол карабина к серому боку волчицы и спустил курок. Потом с трудом оттащил разъяренного Боя от поверженного врага. Собака не пострадала, зато на шее у волчицы была солидная рана.

Успокоив Боя, я благодарно потрепал его рукой — что ни говори, он сегодня спас меня от серьезных непри-

ятностей. Потом осмотрел волков. В жизни не доводилось мне видеть таких гигантов. Да еще эта непонятная свирепость. Ведь они легко могли уйти от нас... Нет, предпочли напасть на человека. Может, бешеные? Чушь... На Terre бешенство не наблюдалось лет двадцать. Бешеный зверь всегда одинок, да и внешних признаков заболевания нет. Однако лучше перестраховаться.

Я подошел к боту, достал ампулы с сывороткой. Одну ввел себе, вторую прижал к шее Боя, третью протянул учителю. Ни слова не говоря, он сделал себе инъекцию. Определенно, он нравился мне больше и больше. Но нужно было закончить с волками. Быстро стянув лапы и челюсти зверей капроновыми вязками, я обработал рану волчицы, потом попросил учителя помочь мне погрузить волков в бот. Один бы я не справился: самец весил наверняка больше центнера, да и волчица немногим ему уступала. Страшно предположить, что они могли натворить в заповеднике...

Пока мы грузили волков, я замечал все новые и новые несуразности. Непохоже было, что у волчицы есть щенята. Скорее она только собиралась стать матерью. И это в июне? Смутил меня и цвет шерсти хищников. Она была дымчато-серой, без охряно-рыжих тонов, свойственных летнему наряду волка. Непонятно...

Но решение этих вопросов я решил отложить на завтра. Действие парализатора скоро кончится, и лучше к тому времени запереть волков в надежную клетку. Кроме того, дело к вечеру, а выслеживать волка в тайге ночью может только безумец. Среди моих многочисленных предков свихнувшихся не было, а становиться первым сумасшедшим в роду мне что-то не хотелось...

6. Юрий Старадимов

Ослепительно прозрачная гладь воды проносится под ботом. Тени от него нет. Бот спецназначения — невидимый в видимом спектре, не улавливаемый для локации,

бесшумный и прикрытый силовым полем. И хотя мне еще ни разу за год работы не приходилось использовать многие из его возможностей (разве что включать силовое поле для защиты от слишком уж распоясавшихся комаров), обилие их внушает чувство спокойствия и самоуважения. А таких ботов требует инструкция... Поскольку на Терру, хотя она и рукотворная копия Земли, распространяется правовой статус иной планеты.

Выбравшись из бота, на секунду замираю рядом с ним. К плотному, состоящему из моря запахов воздуху нужно привыкнуть, так сказать, пройти период адаптации. Адаптируюсь и шагаю по тропинке к воротам кордона.

— Привет, — улыбается Инга.

— Привет, — говорю я.

Мне нравится эта женщина. Она всегда в движении, всегда всем довольна. Мужем, бытом, работой. Сейчас она искрится от гостеприимства.

— Хочешь есть?

— Жутко, — отвечаю я и делаю зверскую физиономию.

Она проворно выбегает, на кухне что-то звенит и брякает, потом доносится умопомрачительный запах печеного мяса...

— Юра! Иди.

На столе красовалось блюдо с чем-то невозможно аппетитным. Лицо Инги светилось довольством, как у всякой женщины, кормящей голодного мужчину.

— Это из чего? — обнюхав блюдо, интересуюсь я.

— Из кабарги. Джерри отстрелял несколько самцов, а то их стало слишком много. Ешь.

— А где супруг? — спрашиваю я, ощущая на языке терпкий привкус неизвестных таежных специй.

— Они в тайге.

Удивленно приподнимаю брови:

— Они?

Инга смеется:

— Вот, что значит сваливаться как снег на голову! Ничего не знаешь! У нас же сынуля приехал, у него трудовой цикл. Работает со мной, вместе занимаемся омулем. А сегодня прилетел его учитель. Джерри не может, чтобы не похвастаться своим хозяйством, вот они и отправились в тайгу. На Горячие ключи повел.

Туристский бот, программа передвижения которого устанавливается в Диспетчерской, я заметил. Знал и о том, что для учителей делают исключение и дают им пропуск в заповедные зоны, но не надеялся встретить одного из этих людей здесь, на кордоне. К ним я всегда, еще с нулевого цикла, относился с уважением. Как правило, это были люди с очень интересным прошлым, заслужившие прожитыми годами право передавать свой жизненный опыт и опыт всего человечества подрастающему поколению.

— Кто он?

— Богомил Геров.

— Нуль-пространственник? — обрадовался я.

— Нет, он филолог, — покачала головой Инга, потом почему-то покраснела и призналась, что у нее эксперимент и ей необходимо в озеро.

Она так и сказала — «в озеро» и, увидев на моем лице легкое недоумение, добавила:

— Садки с мальками размещены на глубине, поэтому там и моя временная база... Это ненадолго. Сниму показания приборов, заберу Сережу...

— Он-то где? — поинтересовался я.

— Изучает прибрежных ракообразных, — нарочито важно подчеркнула Инга. Похоже, ее одновременно и радовало, и забавляло, что сын как-то незаметно вырос. Обычная история...

— Ракообразных так ракообразных, — сказал я. — Надеюсь, остальная часть обеда не из них?

Инга оценила шутку:

— Из других видов. Парное молоко и лепешки. Сама пекла.

— Ну тогда... — развел я руками.

— Не грусти, Юрочка, — засмеялась Инга, — твое одиночество будет непродолжительным. Надумаешь скучать, послушай кассету. Геров привез. Я, правда, краем уха слушала, боялась тебя пропустить. Но что-то очень интересное, какая-то жуткая история из времен Объединения... Когда еще не все было закончено... Кто-то кого-то догоняет, ловит... Кто-то кого-то убивает и убегает...

— Детектив! — блеснул эрудицией я.

— Нет, тут другое — хроника реальных событий. Рассказывает кто-то из родственников Герова.

— Иди, Инга, — покладисто согласился я, косясь на остывающее жаркое. — Мне скучно не будет...

— Джентльмен! — насмешливо фыркнула жена Линекера и выбежала из дома.

7. Богомил Геров

Сверху кордон Линекера очень напоминал избушку Бабы Яги, разве что стоял не на куриной ноге, да еще был окружен бревенчатым забором. В общем, неплохо сработано под архаику. Правда, создатели этого чуда соорудили забор несколько на североамериканский манер, с островерхим частоколом, хотя в этих местах, если мне не изменяет моя надежная память, заборы в древности были несколько иными. Они делались из бревен, положенных горизонтально, и назывались заплотами. На кордоне забор выполнял чисто декоративные функции — все хозяйство Линекера накрыто колпаком силового поля, достаточно мощного, чтобы «непуганое зверье», населяющее окружающую «девственную природу», не докучало людям.

Но насколько несовременен и ненадежен на вид кор-

дон снаружи, настолько он оснащен всеми новшествами и уютен изнутри. Я уже предвкушал тихое одиночество в какой-нибудь отдаленной комнатке вместительной избушки, как восклицание Линекера дало мне знать, что сделать это в ближайшее время вряд ли удастся:

— Старадымов!!

Жест егеря был так красноречив, что я машинально проследил за его рукой, словно это была стрелка гигантского компаса. На крыльце, сдержанно улыбаясь, стоял рослый, хотя ему было и далеко до Линекера, парень, этакий Геракл в миниатюре.

— Юра! — выпрыгнув чуть ли не на ходу, завопил Джерри.

Бой, заражаясь восторгом хозяина, вылетел следом и с радостным лаем бросился к избушке. Я снизил бот и, аккуратно завесив его в установленном месте, приблизился к крыльцу. Незнакомый мне Старадымов и Джерри, кажется, хотели удавить друг друга в объятьях. Особенно усердствовал Линекер. Я вспомнил, как он лихо расправился с весьма несимпатичными тварями, которые теперь мирно посапывали в грузовом отсеке, и пожалел гостя. По моим расчетам, жить ему оставалось секунд двадцать. Но неожиданно взмолился Линекер:

— Юрка! Ты что делаешь?! Пожалей!

Они со смехом разжали объятья и устались друг на друга, будто в каждом было нечто восхитительное. Джерри даже отступил на шаг:

— Ну, Юрка!.. Медведь!!

Вышла Инга. Прекрасная женщина! Почему так бывает? Везет же Линекеру! Жена — Афродита, сын — будущий Сократ, друг — Геракл. Одним — все, другим, то есть мне, — тоже все. От этой неожиданной мысли разулыбался и я.

Одним словом, со стороны была довольно идиллическая картинка.

Глаза Инги по-прежнему искрились, но она нагнала

на себя суровый вид, посмотрела на Старадымова, потом на мужа:

— Не стыдно? Во-первых, задержался, во-вторых, даже не удосужился гостей между собой познакомить, а еще потомок какого-то лорда!

Линекер в поддельном отчаянии воздел руки и принялся, на все лады расхваливая нас друг другу, знакомить меня и Старадымова. И только тут я сообразил, откуда мне известна эта фамилия. Сообразить-то я сообразил, но все равно не верилось. Неужели тот самый?! Вот так опростоволосился. Столько раз рассказывал ребятишкам об этой экспедиции, вместе с ними смотрел голофильм, привезенный с Крима, восхищался героями Дальнего космоса, влюблялся в их мужественные лица, и на тебе... Тушуясь, я украдкой приглядывался к Юрию и наконец понял, почему не узнал его. Лицо стало не таким улыбчивым и беззаботным, как в том фильме. Глубоко-глубоко в серых, мягких, как старинная ткань, глазах пряталось что-то такое... Или это ощущение пришло ко мне, чтобы оправдать оплошность, которую я допустил, не признав в этом простом парне героя космоса?

— Будет тебе, Джерри! Наговорил бог весть что! — рассердился Юрий, но тут же рассеял тон своих слов улыбкой: — Спасатель я, рядовой спасатель. А Крим... Это было так давно, что я уже начал забывать, где он находится. Вот быть учителем...

Старадымов чутко уловил мое смущение, оборвал себя на полуслове и, кажется, смутился сам. Я пришел ему на выручку, а заодно и «отомстил» Линекеру:

— Это гораздо интереснее, чем быть егерем.

Джерри на секунду опешил от такого нахальства. Однако он обладал отменной реакцией. В этом я убедился во время его короткой схватки с волками. Чувством юмора природа Линекера тоже не обделила, об этом свидетельствовал громогласный смех, которым он откликнулся на мое высказывание. Думаю, теперь силовую

защиту можно будет убрать за ненадобностью, зверье просто-напросто будет обходить кордон и передаст своим потомкам вызывающую трепет память о хохоте егеря Линекера.

Джерри — догадливый парень. Он не стал просить меня оказать помощь в переноске из бота в вольеры все еще спящих волков, вероятно, заметил, как вздрагивали мои ноздри от запаха их мокрой шерсти.

— Мы с Юрием займемся нашей добычей, — сказал Джерри, — а вы, учитель, если не возражаете, вместе с Ингой позаботитесь об ушнице.

Догадливый-то он догадливый, но пора было бы понять, что мне вовсе не по душе, когда обращаются на «вы» и называют учителем. Вот Юрий как-то сразу перешел к дружескому «ты», хотя мы с ним успели обменяться лишь несколькими фразами, и Инга не говорит «учитель».

— Вот что, егерь, — нахмурился я. — Давай на «ты» и без «учителей». Конечно, если ты не считаешь меня мудрым старцем... Не то придется сообщить нашему Совету, что не помешает тебе провести месяц-другой в стенах Родительской академии, дабы восстановить некоторые правила приличия, утраченные в этих дебрях.

— Сдаюсь!.. — с присущими ему жизнерадостностью и умением мгновенно перестроиться воскликнул Джерри и для убедительности покорно склонил голову.

— То-то! — погрозил я пальцем, потом подмигнул Инге. — Идем рыбку ловить для этих лоботрясов.

Это архаичное русское слово, которое я слышал от моей бабушки, сказанное к тому же в доступном переводе на интерлинг, заставило Старадымова и Линекера надолго задуматься. Пока они стояли у грузового отсека бота, мы с Ингой гордо прошествовали к воротам, причем для большего эффекта я придерживал, и очень бережно, свою даму под локоток.

8. Джеральд Линекер

Старадымов встретил нас на крыльце. Мы обнялись, потом я познакомил их с учителем. Инга укоризненно покачала головой — она ведь не знала, из-за чего мы задержались. Сережка уже спал, он не хуже нерпы перегрелся на солнце, и электронный эскулап уложил его в постель.

Юрий помог мне перетащить волков в клетку. Произвели они на него впечатление или нет, сказать не берусь — бывший космодесантник по-прежнему превосходно владел собой. Еще раз обработав рану волчице, я взял пробу мышечной ткани на хромосомный анализ и крови на бешенство. Потом освободил зверей от пут. При этом самец чуть пошевелился, значит, действие парализатора подходило к концу.

Старадымов, понимающе посмотрев на меня, спросил, не нужна ли помощь, и ушел на берег, туда, где Инга и Геров разжигали костер. Мне чертовски хотелось присоединиться к ним, но нужно было закончить анализы. Никакого бешенства у волков, естественно, не оказалось, хищники были абсолютно здоровы. Хромосомный анализ требует больше времени, и пока машина готовилась выдать результат, я прикидывал в уме, где вероятнее всего ожидать мутаций. Поэтому, когда на экране появились хромосомные карты, поначалу не поверил своим глазам. Потом заставил машину вновь провести анализ... Результат был тот же. Запертые в клетке хищники принадлежали к виду не известному ни на Земле, ни на Терре!..

9. Юрий Старадымов

Я не хотел мешать Линекеру. По себе знаю, как мешают посторонние, когда находишься на пороге открытия, пусть даже совсем маленького. Поэтому, оставив

Джеральда наедине с дорогими его сердцу хищниками, я неспешно отправился к берегу, ориентируясь на звонкий голос Инги. День догорал, хороший день. Славно, что я выбрался к Джерри, славно, что можно поболтать и посмеяться с Ингой. Да и Геров, похоже, из тех людей, которые компании не портят. Любопытную запись он привез... Вообще-то на Земле давно стало хорошей традицией хранить фонокристаллы — своеобразную эстафету поколений. На них наговаривается самое дорогое — то, к чему люди приходят обычно к концу жизни. А дед Герова, судя по всему, был личностью неординарной. И рассказчик неплохой... Как там у него? «Даже спустя полвека после того, как человечество объединилось и слилось в единую семью, эта история не подлежала огласке. Я молчал, молчали члены моей группы, молчал Совет. Не было упоминаний об этом деле ни в научной литературе, ни в художественной, хотя даю в заклад руку, многие из представителей пишущей братии за такой материал продали бы, как говорили в старину, душу дьяволу. И были бы правы. Даже для меня, к тому времени уже одного из старейших работников Отдела по борьбе с преступностью, все происшедшее было в диковинку. Еще бы! Почти два десятка лет шло Объединение, сопряженное с уничтожением всех запасов накопленного в чудовищной гонке вооружения оружия, почти все предприниматели или добровольно передали свои капиталы народам, или были вынуждены сделать это на основании принятых Советом и действующей еще Организации Объединенных Наций законов. Преступления совершались крайне редко и если и удивляли чем-нибудь, то лишь своей нелепостью. Так, один очумевший экс-миллионер, чтобы не отдавать народу свою коллекцию змей, открыл террариум и выпустил его обитателей не куда-нибудь, а в свою же спальню. В итоге едва не пострадала его супруга, оставшаяся в живых лишь благодаря вакцине и своевременно оказанной помощи, но с мужем-герпетологом расставшаяся беспово-

роотно, да на несколько часов лишилась речи перепуганная горничная. Любитель пресмыкающихся был предан суду и по его постановлению помещен в клинику, где вскоре и выздоровел, но, как говорят, до конца дней своих не мог видеть даже дождевых червей — они напоминали ему тот террариум и вызывали нервные припадки.

Можно было бы перечислять и другие нелепости, на которые пускались обезумевшие от страха бездельники, привыкшие жить за чужой счет. Но подробнее, даже может быть и более информативно, чем в моем изложении, любопытствующие могут познакомиться с этими случаями маниакально-депрессивных психозов у последних представителей паразитирующего класса в монографии Беш Чинора «Объединение народов и его влияние на образ мысли имущей части населения капиталистических стран». Еще могу посоветовать довольно точную книгу некоего З. С. Слободника, который анализирует все эти случаи противозаконного поведения с точки зрения латентной преступности. Но ни в той, ни в другой работе не упоминается история последнего убийства... Я называл то дело именно так... Это близко к истине. И после Объединения убийства случались, но ни одно (это я знаю достоверно) не было предумышленным и так тонко продуманным...»

10. Богомил Геров

Едва мы с Ингой покинули гостеприимный кордон, нас окружили тучи смертельно голодных, со впалыми брюшками насекомых. Прежде чем ткнуться своими острыми носами в легкую, но чрезвычайно плотную ткань одежды, они разгонялись с такой силой, будто хотели опрокинуть меня на землю. Днем этих кровососов почти не было, но стоило подкрасться синим, каким-то неземным сумеркам, а воздуху потяжелеть от влаги, они вылетели из своих укрытий в надежде полакомиться

незадачливым путником. Не тут-то было! Хотя мне на Земле и не приходилось встречаться с этими вампирчиками, я инстинктивно поспешил включить индивидуальное силовое поле. Для комаров этой слабосильной системы защиты оказалось вполне достаточно. Теперь они врезались в невидимую стену, и мне показалось, что их микроскопические глазки пучились от недоумения и негодования. Один из вампирчиков все-таки ухитрился пробраться в бороду и предпринимал отчаянные попытки добраться до моего неприспособленного для укусов подбородка. Мощности силового поля явно не хватало, чтобы вышвырнуть его вон, поэтому пришлось применить физическое воздействие. В пальцах комаришко выглядел жалким и беззащитным. Я отпустил его крылышки, и он, подхваченный неведомой для него силой, в мгновение ока очутился среди своих возмущенных собратьев.

Пока я решал эти проблемы, Инга успела уйти на довольно приличное расстояние. Она, должно быть, задумалась, поэтому спохватилась, лишь услышав за спиной мою тяжеловатую трусцу.

— Инга, у вас ИСП неисправно? — озабоченно спросил я, увидев совсем близко от ее лица с полсотни весьма агрессивных вампирчиков.

— Почему? — удивилась она.

— Они же вас съедят!

— А я их по старинке, веничком, — улыбнулась она и продемонстрировала небольшую березовую ветку, которой отбивалась от комаров. — Под одежду им не пробраться, а лицо и руки уже привыкли.

— К этому, по-моему, невозможно привыкнуть, — с сомнением сказал я.

— Богомил, можно и мне обращаться к вам на «ты»? — с лукавинкой в глазах спросила Инга, ненавязчиво давая понять, сколь я был непоследователен, говоря ей «вы».

Я с облегчением вздохнул. Инга положила конец этой глупейшей дипломатии, какую обычно затевают люди, стоит им узнать, что перед ними учитель.

Мы вышли к распадку, по дну которого вкрадчиво и говорливо струилась речушка с изумительно прозрачной водой. Я поднял голову и обмер:

— Это же Рерих!

Небо над распадком было раскаленно-багровым, словно мгновение назад здесь пронесся пращур современных космических кораблей, извергнув из своего неуклюжего тела огненное зарево, которое не рассеялось, а, наоборот, загустело и повисло над землей.

— Это Терра, — тихо отозвалась Инга.

Наверное, я простоял очень долго: до меня дошло, что небо совершенно незаметно сменило свою окраску и стало бледно-салатным, а горы налились густым пурпуром, будто впитали в себя цвета небосвода, подчеркнув их немного темной зеленью сосен.

Рыбалка оказалась занятием довольно любопытным, но несколько монотонным, если не сказать бестолковым. Мы сидели на огромных, подернутых мхом валунах и раз за разом закидывали в воду гениальные своей простотой приспособления, именуемые удочками. Рыба была так доверчива, что не могла проплыть мимо и с жадностью набрасывалась на блестящую безделушку с неказистым, незаметным в воде крючком. Были моменты, когда на блесну бросалось сразу несколько особей. Побеждал сильнейший. Но обрадоваться он не успевал, так как тотчас оказывался в положении, из которого трудно найти выход — на берегу.

Меня просто поразил восторг, с каким предавалась этой затее Инга. Если на крючок попадался какой-нибудь особенно крупный экземпляр, ее радости не было предела. Она хлопала в ладоши и так заразительно смеялась, что мой рот невольно расползлся в улыбке.

Видимо, заметив, что я быстро утратил интерес к рыбной ловле, Инга скомандовала:

— Богомил, вон под тем кустом спрятан контейнер со всем необходимым для приготовления ухи, можешь приступать. Только за ручей не заходи — это уже Заповедная зона.

Сдержав вздох, я сполз с валуна. Конечно, во всем этом есть какая-то экзотика, но я бы предпочел обыкновенную земную пищу. Пусть говорят, что синтетические белки и прочее уступают по вкусовым качествам так называемым натуральным продуктам, зато без лишней суеты, да и привычнее.

Я отыскал контейнер, мобилизовал память, чтобы восстановить в ней процесс разжигания костра, которому нас обучали на последних курсах, и сообразил, что прежде всего придется топтать за валежником.

Вскоре окружающая местность лишилась сухих веток и коряг, и возле берега выросла внушительная гора древесного происхождения.

Инга прыгнула с валуна, всплеснула руками:

— Ой! Куда же ты столько?! И за месяц не сожжем!

Насчет месяца она, разумеется, преувеличила, но, прикинув количество валежника, я сообразил, что и впрямь, пожалуй, переусердствовал.

11. Инга Линекер, сотрудник лимнологического института

Открытие, сделанное Джерри, меня ошеломило. Обычная дотошность мужа в проведении научных экспериментов исключала возможность ошибки. Но открыть здесь, в заповеднике, новый вид млекопитающих?! Я теребилась в догадках...

— Диего Санчес предостерегал, что на Терре могут возникнуть всякие непредсказуемые осложнения, — уныло проговорил Геров.

Он задел Джерри за большое место. Муж был активным сторонником образования Терры.

— На Земле все равно было невозможно восстановить первозданную природу, а забиваться всему человечеству по другим, и не самым приятным для проживания, планетам — не самый лучший выход, — довольно резко возразил Джерри.

Я укоризненно глянула на него, но ничего не сказала. Юрий тоже отмолчался. Этот спор идет со времен Объединения. Веские аргументы есть и у той, и у другой стороны. Но Терра благодаря решению большинства, причем большинства весьма авторитетного, давно существует, и в нашей ситуации не самое подходящее занятие разрешать давние, как мир, научные конфликты.

— Если мне не изменяет память, неподалеку от вашего кордона находится довольно крупное месторождение ирия? — подал голос Старадымов.

Джерри утвердительно кивнул головой:

— Да, одно из самых больших в мире...

— Так нет ли связи между ним и твоим сегодняшним открытием? — предположил Юрий.

Мы помолчали, обдумывая новую идею. Мне она, во всяком случае, показалась небезынтересной.

Ирий был обнаружен на Земле в конце двадцатого века. Отнесли его к группе редкоземельных металлов, встречался он крайне редко. Применения ирию долго не находили. Но ученые словно чувствовали, сколько загадок таит это открытие. Неожиданно появились факты, подтверждающие невероятную, казалось бы, теорию Роландо Поло о космическом происхождении ирия, вернее, его месторождений на Земле. А потом было ошеломляющее открытие Ольгерта Симонова. Именно ирий дал человечеству власть над пространством и временем. И кто знает, какие тайны он еще хранит?

— Почему ты молчишь, Джерри? — спросил Богомил.

— Извините, — потрянул головой муж, — задумался.

— Перспективная идея? — улыбнулся Юрий.

— Нет, — отозвался Джеральд. — Ты прости, Юра,

я о другом думал. Понимаешь, влияние ирия на живые существа изучалось довольно тщательно...

— И что же? — не утерпел Геров.

— Ничего, — развел руками Джерри, — ничего не выявлено. Только абсолютно чистый ирий, да и то в сочетании с целым рядом физических факторов способен влиять на генотип живых существ. Условия, необходимые для этого, ни на Земле, ни на Терре попросту невозможны...

— И все же стоит, по-моему, провести дополнительные исследования, — сказала я.

— Проведем, конечно, проведем, — покладисто согласился Джерри и... перевел разговор на другую тему. Мы поняли его нежелание походя обсуждать проблему и молча согласились. Через несколько минут все дружно смеялись над совершенно невероятной историей, которую Юра вывез откуда-то из «очень глубокого космоса». Джерри активно участвовал в разговоре, был, как и полагается хозяину, «душой компании», но... Я чувствовала, что он очень озадачен и, пожалуй, встревожен. Слишком часто Джерри вспоминал о своих мифических предках. Это для меня верный признак — муж или очень смущен, или, как говорится, находится «не в своей тарелке».

12. Богомил Геров

Уха с какими-то невероятными и известными лишь Линекерам специями вызвала всеобщее восхищение. Старადымов даже рискнул расправиться с тремя порциями. Но я на такой отчаянный шаг пойти не мог. Во-первых, возраст. А во-вторых, вес. Джерри всячески пытался меня убедить, что это предрассудки, но я был стоек.

Можно ли назвать ночь тихой, если она полна неясных шорохов, движений, отдаленных криков ночных птиц, всплесков в реке? В распадке, лежа у засыпающего

костра, я понял, что можно. Ночь была божественно тихой.

Поплотнее укутавшись в силовое поле, я включил обогрев костюма и, даже не давая себе приказа отдыхать, уплыл в сладкий таежный сон. Линекер и Старадымов еще продолжали переговариваться, но это нисколько не мешало. Их голоса убаюкивали, скользя по верхушкам подсознания.

Трепетный утренний луч ласково скользнул по моим векам, и я понял, что пора вставать. Тайга была полна деловитой возни. Суетились на ветках птицы, в зарослях травы сновали какие-то зверьки, шныряли по присыпанным хвоей камням муравьи.

— Ну, ты и спишь, Богомил! — приветствовал меня Линекер.

Я покрутил головой. Ни Старадымова, ни Инги.

— Инга ушла на кордон, а Юра еще не вернулся с пробежки, — рассеял мое недоумение Джерри.

— Уже вернулся! — раздался веселый голос Старадымова, который одним прыжком вынырнул из зарослей.

— Купаться?! — бодро и призывно осведомился Джерри, энергично переоблачаясь в костюм Адама.

Юрий радостно кивнул и последовал его примеру.

Мои ребяташки тоже страстно обожают купание в ледяной воде, и, когда мне надоедает быть для них примером во всем, я наблюдаю за ними с берега и чувствую, как по телу, презирая искусственный обогрев одежды, бегают холодные мурашки. Сейчас я испытал такое же ощущение. Однако деваться было некуда, и я, изобразив восторг, отключил силовое поле, затем обогрев и скинул костюм.

Джерри и Старадымов уже всю кувыркались в воде, а я все бегал по берегу, имитируя разминку. На самом деле мне просто не хотелось лезть в этот ледник.

После купания появился звериный аппетит. Кое-как напялив костюм, я устремился по тропинке к желан-

ному уюту кордона. Юрий попытался меня обогнать, но я не уступал ему дороги, крикнул оглянувшись:

— Чур, мне первому в тарелку накладывают!

Запасы жизненных сил у Старадымова и Линекера явно превосходили мои. Прибежав на кордон, они первым делом направились к мечущимся в клетках уникальным хищникам, один только вид которых вызывал у меня далеко не положительные эмоции. Поэтому я с огромным желанием воспринял предложение выскочившего нам навстречу Серсжи сразиться в шахматы.

Мы с ним так увлеклись, что не заметили, как проглотили поданный Ингой завтрак.

— Ну как успехи? — услышал я над головой голос Линекера.

— Плохо, — не отрывая взгляда от доски, хмуро отозвался я. — Этот недоросль ведет на два очка.

Серсжка довольно рассмеялся. Я покосился на Джерри, ожидая увидеть на его лице вполне естественное удовлетворение достижениями сына, как-никак тот играл с гроссмейстером третьей категории, но Джерри, казалось, не слышал ответа. Егерь был крайне серьезен, что совсем не вязалось с тем, каким он был какой-то час назад.

13. Юрий Старадымов

Резкий хлопок подбросил меня. Мозг обожгло: «Разгерметизация!!!» Еще не открыв глаз, я прыгнул в тот угол купола, где стоял скафандр высшей защиты. «Как там остальные?!» — крутилось в голове, прежде чем до меня дошло, что я не на Криме, а хлопок — не звук пробитого увесистой каменной плиткой покрытия купола...

Скривив губы в саркастической улыбке, я опустился на одеяло, на котором провел ночь.

Утро было холодным. Обильная роса легла на стебли травы и листву кустарников. Звук, разбудивший меня,

повторился. Я поднял голову и на стволе могучей сосны увидел обыкновенного красноголового дятла.

Пока Инга готовила завтрак, мы с Линекером прошли к клетке с волками. Звери не спали. Самец неумоимо бегал вдоль силовых линий, ограничивающих площадь клетки, волчица угрюмо лежала в углу.

— Красавцы... — Я внимательно рассматривал пленников.

— Красавцы, — согласился Джерри. — Вот только откуда они взялись? — Эта мысль по-прежнему не давала ему покоя.

— Сегодня попробуем выяснить, — отозвался я.

Но все получилось не так, как мы планировали. Ответа Главной Диспетчерской на сообщение о волках не было, и Джерри, продублировав запрос, стал собираться в тайгу. В это время и запел сигнал вызова. Короткое сообщение, появившееся на экране дисплея, нас с Линекером удивило.

«Будьте готовы через час приему общей информации».

«Общие» по Терре дают нечасто, в случаях особо важных. Но Джерри очень не хотелось откладывать вылет: над вершинами гор на противоположном берегу Верхней Ангары клубились тучи, похоже было, что собирается дождь, — и он боялся, что Бой не сможет взять след. Корректировать погоду на участке Диспетчерская тоже вряд ли разрешит.

— Что будем делать? — Я понимал состояние Джеральда.

— Нужно идти. И здесь быть тоже необходимо.

— Сигнал может принять и Инга.

— Но она не может принимать решений. Ты прекрасно знаешь, что «общие» предназначены для охотников, спасателей, егерей и только потом для научных сотрудников.

— Если что-нибудь экстренное, она проинформирует нас через браслет связи.

— Время потеряем... Выход только один. — Джерри

помолчал. — Полечу я. А ты примешь информацию и либо догонишь меня, либо срочно отзовешь.

— Одному лететь слишком рискованно. — Зверюги произвели на меня сильное впечатление.

— Ну, риск не так велик. Я вчера внимательно осмотрел поляну. Больше там волков не было.

— Одному рискованно, — повторил я. — Вот что... Поговорим с учителем. Возьмете мой бот.

— У Герова наверняка свои планы на день...

— Поговорим, — подвел я итог разговору. — Не брать же тебе в напарники Ингу...

14. Богомил Геров

Ситуация складывалась непривычная. Я еще не мог до конца уяснить происходящего, но то, что Старадымов пригнал для нашей поездки свой спасательный бот, кое о чем говорило.

Когда Линекер вручил мне ружье, я обратил внимание, как по его губам скользнула словно бы извиняющаяся улыбка, а глаза скосились куда-то вбок. Это меня немножко позабавило. Можно подумать, что я сплю и вижу, как бы побродить по лесу с парализатором. Конечно, пользоваться этой штукой приходилось, обучали. Но на Земле парализатор мне так же необходим, как Бою пятая нога.

Ружье пришлось взять, чтобы успокоить Джерри. Он, вероятно, решил, что я буду чувствовать себя увереннее с этим музейным экспонатом. А зря. Вот уж из чего никогда не стрелял, так это из ружей. Имею о них чисто теоретическое представление. С равным успехом он мог вручить мне скалку. Как будто у меня поднимется рука палить из ружья!

Тем не менее, чтобы придать себе вид воинственный и бесстрашный, я демонстративно уложил ствол на бортик и повел бот на небольшой высоте. Джерри то те-

рялся в чаще, то снова неожиданно показывался из-за какого-нибудь упавшего дерева. Хотя локатор исправно следил за каждым шагом Линекера и его верного друга, я напрягал зрение, боясь потерять их из виду. Как-то спокойнее, когда видишь все собственными глазами. Моя рука чутко лежала на пульте. В случае чего я должен был мгновенно прикрыть их силовым полем.

15. Юрий Старадимов

Я направился к дому, но почувствовал сигнальное покалывание в кисти. Взглянул на браслет связи. Горела рубиновая капелька экстренной.

— Слушаю, — отозвался я.

— Юра? — раздалось в ответ.

Это был голос Михаила Жамбаловича. Он всегда так спрашивал, по старинке, когда браслеты еще были не биоточные, а номерные, что создавало массу неудобств. Биоточные ввели во время моих скитаний по Дальнему космосу, и, вернувшись, я оценил их по достоинству. Стоило подумать о собеседнике, коснуться кнопочки, и вы могли услышать его голос. Только его, и никого иного. Тем не менее Намшиев всегда уточнял.

— Слушаю, Михаил Жамбалович.

— Ты на кордоне у Линекера?

— Да, — коротко ответил я, как всегда старался говорить с начальством.

— Он дома?

— Нет, в тайге.

— Та-ак, — раздумчиво протянул Михаил Жамбалович.

— Что-нибудь случилось? — Я решил прервать затянувшееся молчание.

— Большой Мозг зафиксировал в этом районе про-

странственно-временную аномалию. Объяснений никаких не выдал. Мы здесь в Диспетчерской тревожимся.

— Раньше подобное происходило? — быстро спросил я.

— В том-то и дело, что нет, хотя теоретически подобные явления возможны, ведь мы сами в 2080-м именно путем аномалии создали Терру...

— Может, какие-нибудь вторичные или остаточные явления?

— Через восемьдесят лет? — переспросил Намшиев. — Не думаю... Мы связались с Землей, ученые предполагают, что по параметрам изменений гравитационного и магнитного полей это похоже на прорыв параллельности.

— Где это конкретно?

— Вот здесь, — ответил шеф Заповедника, и над моим браслетом возникла голокарта района со светящейся «кляксой» аномалии.

Это рядом с квадратом, в котором, по словам Линекера, он наткнулся на волков. Сообщаю об этом Михаилу Жамбаловичу. Слышу, как он связывается с диспетчером, потом вздыхает:

— Джерри с учителем сейчас за пределами аномалии, но тем не менее мы отзовем их. Ты жди на кордоне.

— А что с волками? — спросил я.

— Машина пока не выдала никаких предположений. Случай уникальный. А в сочетании с тем, что я тебе раньше сказал, — тревожный. Сегодня к вам вылетит спецгруппа.

— Поэтому и «общую» объявили?

— Да, — коротко ответил Намшиев.

— Понял, — сказал я и по старой привычке добавил: — Конец.

Легко сказать — жди! Друзья бродят где-то рядом с опасностью, а я — жди. Но приказ есть приказ. Покорно иду к дому.

16. Джеральд Линекер

Бой на сей раз без возражений забрался в грузовой отсек. Учитель опять сидел справа. Я вручил ему старинное пороховое ружье, и он очень решительно положил его перед собой. Давать Герову карабин-парализатор я не рискнул, для пользования им нужно иметь опыт, которого у учителя не было. Ружье для него самое подходящее оружие — грохот выстрела любого зверя ошеломит. То, что ружье заряжено холостыми патронами, говорить Герову я не стал.

Мы быстро нашли знакомую поляну с растерзанным лосем. Внимательный осмотр туши ничего интересного не дал. За ночь около нее побывало немало любителей полакомиться, но волков среди них не было. На всякий случай я снова пустил Боя по следу, но он уверенно прошел вчерашним путем к тому месту, где хищники подкараулили нас. Дальше начиналась невероятная чащоба, и Герову то и дело приходилось поднимать бот выше деревьев. В такие минуты он очень беспокоился и пристально вглядывался в окружающие нас дебри. Выглядело это довольно забавно, похоже, учитель считал, что без его прикрытия мы с Боем останемся совершенно беззащитными. Разок я даже улыбнулся, но тут же опомнился и хорошенько выругал себя. Беспокоился-то Геров обо мне, и еще неизвестно, как бы вел себя, окажись на его месте.

Так прошло около часа, и я подумал, что скоро мы услышим голос Старадымова. Бой спокойно бежал впереди, со следа он не сбился ни разу. Я даже позволил себе чуть расслабиться и зафиксировал в памяти место, на котором росли лесные лилии с несколько необычной формой лепестков. Куда мы выйдем в результате этой гонки, я тоже примерно догадывался. К району месторождения ирия, и это работало на невероятную догадку Старадымова. Скорее всего волки прошли распадком между лысыми сопками, а значит, они перешли болото.

Справа его берег после прошлогоднего пала стал совершенно непроходим, слева вьется узенькая тропочка, но тоже не очень верится, что они шли тем путем — там дальше озеро, которое почему-то предпочитают обходить и звери, и птицы, даже рыба в нем не водится. Остается болото. Я недавно наметил вешками проход через него. Хотя волки вряд ли шли по моим рекомендациям, скорее полагались на чутье. А вот за болотом есть несколько вариантов их пути...

Продумать эти варианты я не успел. Бой вывел нас на берег болота. Было совершенно ясно, что я не ошибся, и волки пришли из-за него.

Дождь так и не собрался, и яркое солнце хорошо освещало ровную поверхность топи. Видимость была отличная, и я ясно видел и редкие засохшие лиственницы, торчащие из болота, и даже расставленные мною вешки. Вот только противоположный берег словно растворялся в струях прогретого солнцем воздуха.

Идти по болоту не хотелось, да и необходимости в этом никакой не было — следы Бой и на том берегу без труда найдет. Поэтому я, посадив Боя в бот, занял место водителя. Места эти я знал хорошо и, подняв бот чуть выше, бросил его через болото.

17. Диспетчерская Заповедника

Худошавая девушка с копной рыжих волос, откинувшись в кресле, внимательно следила за неторопливым передвижением ботов на карте Заповедника. Карта-экран, разбитая на квадраты, занимала всю стену. Зеленые огоньки сигналов светлячками ползли по ее почти рельефной поверхности.

День стоял жаркий. Солнце пекло всюду, пробивая лучами густые кроны кедров. Гудели пчелы. Ветер чуть заметно шевелил верхушки деревьев. Через открытое окно доносился беспрестанный птичий гомон.

Девушка на секунду закрыла глаза, а когда открыла, то почувствовала что-то неладное. Она быстро окинула взглядом всю карту и не нашла на ней сигнала бота Линекера. Диспетчер протянула руку к пульту, но не успела ничего предпринять — в комнату быстрыми шагами вошел начальник Заповедника.

— Вызовите Линекера! — с порога бросил он.

— Он... — начала девушка и глазами показала на экран. — Только что...

Михаил Жамбалович нахмурился, надавил клавишу связи:

— Джерри!

Ответа не было.

Намшиев нажал кнопку экстренной связи с Линекером.

— Джерри! Линекер! Почему не отвечаешь?

Девушка стряхнула с себя растерянность и тоже стала вызывать егеря:

— Линекер! Линекер! Отвечай!

Тот не откликался. Не появлялся на экране и сигнал бота.

— Может, маячок испортился? — еще на что-то надеясь, предположила девушка.

— Исключено.

— Но...

— Их просто не может быть, этих «но»! — чуть резче, чем следовало, ответил Михаил Жамбалович.

— Что же с ними случилось? — тревожно вглядываясь в экран, всхлипнула девушка.

На экране все так же мерно вспыхивали голубоватые полосы квадратов, зеленела условная тайга, мерцали синие воды Байкала-2...

Намшиев снова утопил клавишу, потом устало опустился в кресло и дотронулся до браслета.

— Юра?

— Слушаю, — послышался голос Старадымова.

— Юра, это снова я, — растягивая слова, повторил

Михаил Жамбалович. — На экране слежения пропал сигнал маячка линейкеровского бота. На вызов они не отвечают.

— Сейчас попробую...

Слышно было, как Старадымов монотонным голосом, в котором улавливалась скрытая тревога, повторяет: «Джерри, отзовись! Джерри, отзовись!..»

— Тоже не могу с ними связаться, — наконец оставил свои попытки спасатель. — Я пошел.

— Иди, — Михаил Жамбалович кивнул, как будто Старадымов мог его видеть. — Старайся быть осторожным... Мне кажется, мы столкнулись с чем-то...

— Понял, — прервал Старадымов. — В непосредственной близости от района аномалии выйду на связь.

— Ни пуха... — негромко ответил Михаил Жамбалович и смущенно покосился на диспетчера.

Но она не слышала этой его фразы. Девушка во все глаза смотрела на экран слежения, на котором появилась звездочка бота спасателя.

18. Юрий Старадымов

Я резко бросил бот вверх. Ввел координаты того места, где исчез сигнал Джерри. Хочется надеяться, что исчез только сигнал маячка, а с парнями ничего плохого не случилось. В конце концов, что может случиться на этой уютной копии Земли? Раньше мне приходилось вылетать по экстренным сигналам, но все это были случаи достойные войти в историю Терры в качестве анекдотов. Не более... Если бы не волки, я бы не волновался...

Пропищал сигнал автопилота. Внизу район, откуда я решил начать поиски. Лезть сразу в ту «кляксу» с ее аномалиями мне не хотелось. Не вызвала она у меня доверия.

...Воздух здесь пряный и пропитанный ароматами

трав, чьи названия затруднился бы, наверное, определить даже всезнающий Линекер.

Начинаю обследование окрестности. Натыкаюсь на семейство лосей, которые удивленно таращат на меня красные от мошки глаза. Обхожу их стороной, чтобы не тревожить. Из-под ног то и дело вспархивают птицы...

На поляне нахожу разодранную тушу лося. Рядом следы волков. Не те ли это? Похоже, что те, так как здесь же нахожу следы мокасин Джерри и ботинок на рубчатой подошве, в которых щеголяет Богомил. Какой-то он не от мира сего... Встреть я его раньше и не знай, что он — учитель, принял бы за обыкновенного книжного червя, который, кроме какой-нибудь буквы в писании литератора XX века, и не видел ничего. Впрочем, Геров и был филологом, до того, как окончил Учительские курсы. Но он мне понравился. Своим нестандартным взглядом на мир, каким-то непосредственным и беззащитным. Так могут судить о жизни лишь очень хорошие и добрые люди...

Присаживаюсь на поваленное бурей дерево, оглядываюсь. Буйствующая вокруг природа хранит тайну. Следов бота не видно. Пойдем дальше...

Обследовав квадрат, не уступающий по размерам знаменитой площади Тяньаньмынь в Пекине, возвращаюсь к боту, приподнимаю его над землей и медленно перебираюсь через речушку. Краем глаза замечаю играющих на быстрине харнусов.

Река остается позади. Миную каменистый распадок с густыми зарослями золотого корня. От «аномальной кляксы» меня отделяет метров пятьсот. Выбираюсь из бота и почти сразу натыкаюсь на следы пребывания друзей. Видимо, они тоже покидали бот и топтались на этой поляне. Кто-то из них, скорее всего Геров, сломал сухую веточку и, размочалив, выбросил. Наверное, что-то обсуждали между собой. Что могло их насторожить? Волки?

Двигаюсь вперед медленно, взглядываясь в кусты

и деревья... Что это за пятно на траве? Наклоняюсь и... Что-то тяжелое ударяет в плечо. Прыжок в сторону, и, перекувырнувшись через себя, я снова на ногах. Парализатор уже зажат в руке... Довольно милая кошечка... Кисточки на ушах, когти пушистых лап яростно скоблят землю, разрывают дерн... Рысь мягко приседает и, откинув в сторону всяческие сомнения, решает немного разнообразить свое меню... В мои планы подобное знакомство не входит. Поэтому, едва она взлетает в воздух, прыгаю под нее и вперед, успев вскользь коснуться розового брюха. Как и следовало ожидать, рысь расслабленно шмякается на землю и лежит неподвижно.

— Старадымов, что там у тебя? — напоминает о своем существовании Михаил Жамбалович.

— Киска.

— Какая киска? — бурчит он.

Перехожу на серьезный тон:

— Рысь.

— Рысь? — почему-то удивленно тянет Намшиев. — Откуда ей там взяться? Они в этом районе не водятся... Линекер ни одного появления не зафиксировал.

— Значит, мне повезло! — констатирую я и тут же мрачней от догадки. — Волки! Рысь! Не одно ли это звено? И все увязывается с аномалией.

Но если эта «клякса» каким-либо образом связана, как это предполагают ученые, с прорывом параллельности, то откуда пришли волки? На Земле же нет таких! И рыси там на людей не бросаются...

Разглядываю кису. Рысь как рысь... Черт ее знает, что там у нее на генном уровне?..

— Вхожу в «кляксу»! — бросаю я и падаю в кресло бота.

— В «кляксу»? — переспрашивает Михаил Жамбалович.

— В зону аномалии, похоже, парни именно туда попали, — сухо отвечаю я.

— Старадымов! Юра! Подожди! — взывает начальник Заповедника.

«Нет», — про себя говорю я. С Джерри и этим недотепой Богомилом что-то случилось. И случилось именно в этой кляксе — они явно ушли туда. Поэтому ждать нечего.

— Следите по маячку! — говорю я и выключаю связь.

Бот послушно ползет к воображаемой границе зоны. Солнце уже в зените. Высоко в небе пищит какая-то пичуга.

— Юра! — снова оживает динамик связи. — Через час будет группа спасателей. Дождись их.

Час — это слишком долго. Слишком. За это время многое может произойти и многое можно сделать. Говорю об этих совершенно понятных вещах Намшиеву. Заодно напоминаю о том, что спасатель имеет право в экстренных ситуациях принимать решение самостоятельно. Чувствую при этом неприятный осадок — все же поступаю я по отношению к Михаилу Жамбаловичу не совсем этично. Но иного выхода у меня просто нет. Ребятам явно нужна помощь. Намшиев понимает это тоже и больше не возражает, хотя по его покашливанию чувствую, что он недоволен. Наконец вновь слышу его голос:

— Хорошо. Поосторожнее там. И вот еще что, давай-ка продублируем систему слежения. Маячок — маячком, а связь — связью.

— Мне что же, истории вам космические рассказывать? — усмехаюсь я.

Михаил Жамбалович сердито ворчит:

— Что хочешь, но чтобы мы тебя слышали!

— Вас понял, — официальным тоном откликаюсь я. — Пошел.

Ничего тревожного не вижу, но напряжены все мускулы и все нервы. На экранчике автопилота сигнал мое-

го бота пересек границу противной кляксы. И ничего. Продолжает мерцать. Надо сказать об этом Михаилу Жамбаловичу...

19. Диспетчерская Заповедника

Начальник Заповедника напряженно следил, как сигнальная звездочка бота приближалась к границе зоны аномалии. Из динамика связи доносилось дыхание спасателя, но Юрий молчал. Намшиев нажал клавишу связи.

— Спасатель Старадымов, почему не исполняете приказ?

— Простите, — смущенно отозвался тот, — задумался, — и громко запел гимн космодесантников: — На каждой планете, вдали от Земли, мы помним о том, для чего рождены!..

Михаил Жамбалович улыбнулся: наличием музыкального слуха Юрка никогда не отличался, зато пел громко и с чувством.

— Юра! — прерывает пение спасателя девушка-диспетчер. — Вы в точке, где исчез бот Линекера! Слышите меня?

— Вас понял, — тут же отвечает Старадымов, — бот не вижу.

— Куда же они пропали? — негромко произнес кто-то за спиной Намшиева, и, оглянувшись, начальник Заповедника убедился, что в комнате собрались все сотрудники Диспетчерской. А из динамика снова раздался голос Старадымова.

— Вижу следы Линекера. Уходят вдоль берега болота. Боюсь, что на боте не пройти...

Намшиев хотел что-то сказать, но сдержался. Мамфе — высокий строгий негр, сменный диспетчер Заповедника, негромко пояснил кому-то:

— У него же усиленная индивидуальная система защиты. Чуть-что — и в капсулу...

Звездочка на экране раздвоилась. Одна — бот — осталась на месте, другая — спасатель — медленно двинулась в глубь мерцающей «кляксы» аномалии.

— Черт, — донеслось из динамика, и тут же сконфуженно: — Извините... Чашоба здесь. Не понимаю, как Джерри через нее продрался. И вообще...

Голос Старадымова оборвался на полуслове. В тот же момент с экрана исчез сигнал маячка спасателя. Сдавленно вскрикнула диспетчер.

— Юра! Юрка! — закричал Намшиев, но ответа не последовало. Тогда начальник Заповедника снова стал начальником. Он резко поднялся из кресла, сказал властным голосом: — Вызовите всех спасателей Терры. Сообщите о случившемся на Землю. Дайте им запись всех событий. Все по экстренной связи. Я на кордон. Там осталась жена Линекера и его сын.

Закусив губу, чтобы не расплакаться, рыжеволосая девушка утопила клавишу:

— Всем спасателям Терры... Всем спасателям Терры..

20. Джеральд Линекер

Легкое головокружение, возникшее при ускорении, я отнес на счет особенностей спасательного бота Старадымова. Эта техника раза в два помощнее нашей егерской. Неприятное чувство исчезло почти моментально, но бот тем временем успел скользнуть под кроны деревьев. Удаляться от берега болота не было никакого резона, и я притормозил недалеко от того места, где, по моим расчетам, волки начали переправу. Бой сразу же взял след, но я медлил. Место, где мы находились, было мне совершенно незнакомо, и это настораживало. Разумеется, я не говорю, что знаю каждый уголок заповедника, такое попросту невозможно. Но на берегу этого болота я раньше бывал и думал, что ориентируюсь здесь неплохо...

Что-то было не так. Я не чувствовал окружающего нас леса. Это особое ощущение, у меня оно появилось не сразу... Нужно, чтобы прошло какое-то время, чтобы привычки и заботы окружающего мира стали твоими... В заповеднике я свой, у его обитателей нет от меня секретов. Этот же лес был чужим... и непонятным. Судя по деревьям, можно было подумать, что сейчас не разгар лета, а конец апреля — слишком уж по-весеннему они выглядели. Зона микроклимата? Почему мой предшественник не оставил никакой информации о ней? Правда, теперь понятно, почему у волков зимний наряд — в этом климатическом оазисе так и должно быть. Забавно — «оазис», если верить словарю, — это не только зона повышенного плодородия, но и место, явление или событие, представляющее отрадное исключение... Можно ли считать отрадными открытия двух последних дней? Интересными, бесспорно... А еще, пожалуй, тревожными, особенно если учесть, что все это как-то связано с месторождением ирия...

Я нажал кнопку вызова диспетчерской. Ответа не было. Хотел было повторить вызов, но вспомнил об «общей информации». Во время передачи «общей» обычные системы связи отключаются. Давать же экстренный вызов не хотелось, в общем-то, ничего опасного в нашем положении не было. Как раз в этот момент ветер разогнал странный туман, висевший над болотом, и я ясно увидел противоположный берег, упавшую лесину, от которой мы начали переправу... Нужно было доводить до конца дело, ради которого мы забрались сюда, поэтому я пустил Боя по следу.

Минут двадцать мы двигались вдоль берега болота. Бой вел себя спокойно, чувствовалось, что опасности рядом нет. Потом дорога пошла в гору, я стал отставать от Боя, и время от времени свистом сдерживал его. Герову тоже приходилось нелегко, лес был достаточно густой, так что управляться с ботом было наверняка не просто. В конце концов путь нам преградили заросли,

поначалу показавшиеся мне совершенно непроходимыми. Бой скользнул в лаз, которым пришли волки, а я хотел было воспользоваться ботом, но потом заметил несколько правее хорошо утоптанную звериную тропу и махнул Богомилу рукой. Бот легко перемахнул заросли, я же стал продираться через кустарник. На это ушло минут пять, а когда я выбрался наконец на свободное место, то растерялся по-настоящему — передо мной простиралась открытая тундровая равнина! Ее просто не могло быть, она не значилась ни на одной карте Заповедника!

Но это было не все. Метрах в четырехстах от меня по равнине двигалось какое-то существо. Я поднял к глазам бинокль и совершенно четко увидел ирландского большерогого оленя, точь-в-точь как на голорисунке в Лондонском центре палеонтологии. Я даже подпись под рисунком вспомнил: «Был жителем Старого Света. Могучий зверь; расстояние между концами рогов порой превышало четыре метра. Он предпочитал селиться на открытых равнинах, где было вдоволь травы и кустарников, и скорее всего избегал посещать густые леса, где разлапистые рога приносили ему массу неудобств. Большерогий олень был современником древнего человека, который, однако, охотился на него только случайно». Оставался, правда, один нюанс — большерогий олень вымер на Земле в конце плейстоцена — этак десять-двенадцать тысяч лет назад и появиться на Терре попросту не мог. Обо всем этом я думал на бегу к боту, который висел низко над землей метрах в пятидесяти от меня. Установленный на боте трансфокатор наверняка позволит лучше рассмотреть неожиданного гостя из прошлого!

Добежать я не успел. Помню, как неожиданно искажилось лицо Богомила, и в тот же миг кто-то тяжелый сбил меня с ног. Ударом локтя я сбросил нападающего, но обернуться, чтобы увидеть врага, не смог — струя удушающе-зловонной жидкости ударила мне в лицо. По-

следнее, что я, уже теряя сознание, услышал, был яростный лай Боя и бесполезный выстрел из ружья Богомила.

21. Юрий Старадымов

...Без бота передвигаться довольно сложно. То и дело путаюсь ногами в густом, устилающем землю кустарнике. Судя по голокарте, я уже изрядно забрался в глубь «кляксы». Пока все нормально...

— Михаил Жамбалович, как там у вас? — спрашиваю, вдавив кнопку браслета.

Ответа нет. Странно... Тут же ощущаю легкое головокружение, как при нуль-переходе, когда космический корабль протыкает пространство, подобно игле. Мобилизую сознание, и все становится на место. Все, кроме связи. Ее нет. Включаю аварийную. Ее можно услышать даже на Луне. Однако снова безмолвие... Оглядываюсь по сторонам. Те же деревья, та же трава, хотя...

Внимательно осматриваюсь. Тревожное чувство с новой силой поднимается во мне. Лес, небо... Но что-то не так... Стало заметно холоднее... И березка... Листочки на ней маленькие, едва распустившиеся... На ощупь клейкие... Багульник цветет... Это мне совсем не нравится... Такое ощущение, что я случайно нажал клавишу нуль-прокола и проскочил на север Заповедника. Впрочем, отсутствие связи такое перемещение не объясняет... Что же еще может быть? Иная параллельность... Но откуда? Ведь для создания Терры человечество использовало огромные энергетические ресурсы. Или все-таки верна теория Сергея Ковалева о параллельности миров? Тогда многое понятно... Ведь и Терра — не абсолютная копия Земли. Она — слепок, появившийся при мгновенной остановке планеты во времени и пространстве, с одновременным воздействием И-генераторов...

Стоп! Хватит лирики... Ясно одно — где бы я ни

был, связи с Диспетчерской нет. И где-то здесь ребята... Только сейчас обращаю внимание, что на карте мигает сигнал линейкеровского бота! Почему же тогда парни не откликаются?

Пора за дело... Включаю пеленг. Пойдем потихонечку, авось и вывезет. Во мне проснулся космодесантник. Все чувства обострились. Все как на Криме...

Выбираюсь на опушку леса и от неожиданности оставливаюсь.

Люди! Это не Джерри и Богомил, это другие!.. Высокие, белокурые... Раз, два... Восемь человек двигаются цепью. Забавные ребята, на них костюмы Адама, еще до грехопадения. Лица этих блондинов мне не очень симпатичны. Они искажены и сосредоточены, но как-то безжизненно однообразны. Если бы не застывшая мимика, я бы сказал, что на этих лицах азарт. Носы странные, начинаются без переносицы чуть ли не с середины лба... Незнакомцы резво приближаются, и мне не нравится, как выброшены вперед их руки с согнутыми в хватательном движении пальцами.

Они уже близко. Интересно...

Додумать не успеваю. Двое вырвавшихся вперед совершают фантастический прыжок, которому позавидовал бы даже Ахмеджой Кейт, побивший прошлогодний мировой рекорд по прыжкам в длину. А он взял 12 метров 45 сантиметров...

Только благодаря реакции избегаюсь от неприятностей. Силовое поле отбрасывает нападающих, но они тут же предпринимают новую попытку добраться до меня. Как они беснуются! Такого желания познакомиться давно не наблюдал... Очень негостеприимные ребята. Если они так же приняли и моих приятелей, да еще сумели застать их врасплох...

Стараясь не обращать внимания на прыгающие вокруг создания, продвигаюсь вперед, но с осторожностью, чтобы не причинить им вреда. Кто знает, может, пройдет немного времени, и мы подружимся...

Выбираюсь из зоны «кляксы». Вижу это по голокарте, и тут же мои «почитатели» отстают. Возвращаются метров на пятьдесят назад и спокойно встают в полукруг. Позы у них какие-то нечеловеческие... Будто их выключили. Лица бездушные, руки висят вдоль тела, и только изредка пробегают по мышцам дрожь, выдавая их состояние.

Вскоре замечаю бот Линекера. Он стоит с отброшенным колпаком на берегу небольшого ручья, от которого поднимается легкий парок. Понимаю, почему парни не отзываются. Голова Джерри откинута назад, широко-скулое лицо неподвижно, как у моих недавних поклонников. Богомил уткнулся бородой в его плечо, но и его глаза закрыты.

Прежде чем снять силовое поле, оглядываюсь. Нет, никого поблизости. С удивлением гляжу на борта бота. На стеклометалле — четыре царапины. И это на материале, который невозможно взять даже алмазом!

Пульс у ребят прослеживается, но они словно в состоянии анабиоза. Даже температура тела 32 градуса... Похоже, им что-то впрыснули. Видимых повреждений не нахожу. Это уже успокаивает. Аккуратно укладываю свисающую с борта руку Джерри ему на колени, занимаю место пилота. Перед тем, как покинуть негостеприимное место, решаю провести маленький эксперимент.

Как и предполагал, светловолосые хозяева начинают обращать на меня внимание, только когда я оказываюсь в непосредственной близости от «кляксы». Позы их угрожающе меняются, лица снова искажаются в азартной гримасе, пальцы хищно скрючиваются. Пробовать на силовой капсуле прочность их когтей не хочется. Не нравится мне все это... Мне здесь вообще не нравится...

Решаю лететь на кордон Линекера. Бот, к счастью, в полной исправности и послушно выполняет мои команды. Но когда я устанавливаю по карте, что завис над территорией кордона, внизу ничего похожего не обнаруживаю. Нет ни дома, ни векового кедра, шишками ко-

того Джерри любит угощать своих редких гостей. Частокол тоже отсутствует. На знакомом месте шумит незнакомая тайга.

Что ж, уподобимся предкам. Они жили в единстве с природой. Те предки, которые еще не успели изобрести машин...

Парни находятся все в том же состоянии прострации. Анализатор моего браслета, после того, как я обследовал Линекера, выдает информацию. Состав, введенный ему в кровь, соответствует препарату браназин, применяемому для кратковременного погружения в анабиоз. У Богомила то же самое... Достāju коробочку аптечки, прикладываю по очереди к щеке Джерри, потом Богомила.

Линекер открывает глаза, смотрит мутно, шевелит пересохшими губами:

— Салют, Юра!

— Привет, — говорю. — Чего это ты разлегся?

Силы к Джерри возвращаются быстро, и он рывком выпрыгивает из бота. Настороженно оглядывается, спрашивает вполголоса:

— А эти... где?

— Хозяева? — уточняю я.

— Да-а, — протяжно подтверждает очнувшийся Геров. — Они такие жуткие... Они так набросились... А потом... я не помню...

— Подъем! — команду я, и Богомил приподнимается в кресле, а затем неуклюже выбирается из бота.

— Рассказывайте! — почти заставляю их я и уже мягче говорю: — Я после вас.

22. Богомил Геров

Линекер рассказывал так оживленно, а Старадымов с таким вниманием его слушал, будто они были без ума от радости из-за истории, в которую мы попали. Конеч-

но, впечатлений предостаточно, но я предпочел бы лучше навсегда остаться темным и невежественным, чем еще разок испытать все эти ощущения.

Все-таки природа неплохо потрудились над созданием человека. Когда мне показалось, что мозг вот-вот взорвется от боли и адского напряжения, сработала какая-то предохранительная система, и сознание тихо, даже без щелчка, отключилось. А до этого было чувство, будто я со сверхъестественной скоростью, спиной лечу в жуткую яму, имя которой — бесконечность. Самое забавное, что после этого падения я очутился там, где и был, — в боте, рядом с Линекером, вот только бедняжки Боя не было с нами. Что он сделал плохого этим бестиям?! Выполнял свою работу — защищал хозяина. Ага... Защищал! Выходит, он раньше нас распознал их намерения? Какой-то бред! Ведь собаки обучены ни в коем случае не нападать на человека, пусть даже тот замыслил что-нибудь не очень порядочное. На Терре, насколько мне помнится, их задача оберегать хозяина от случайного нападения животных. Животных? Но ведь нас... Но ведь на нас напали люди... И почему в моей голове возникло это странное слово «бестии»? В каких тайниках памяти я откопал его? Это что-то из старой философии, от которой исходят весьма дурные запахи. Откуда возникла такая ассоциация? Да, разумеется, вид у них не очень приглядный, но зачем же сразу навешивать ярлыки? Кроме того, винить нужно прежде всего самого себя. Находиться под защитой систем спасательного бота и попасть в такую переделку! Растяпа... Надо было послушаться Линекера и не высовываться из бота. Накрыл бы их с Боем силовым полем, и пусть бы попробовали эти мерзавцы приблизиться! Я мысленно одернул себя: нельзя же распускаться до такой степени. Докатился до употребления бранных слов!! Но, с другой стороны, что плохого им сделала наша собака?! Тоже мне — люди! Будто звери какие-то разорвали пса!.. Вот опять сваливаю свою вину на других. Надо было оставаться в боте!

А то вздумал показать себя таким храбрецом, выполз на горе всем, стрелок несчастный! Нет, доведу своих ребятишек до выпуска и все, подам в отставку. С такими поведенческими слабостями нужно сидеть где-нибудь в тихой библиотеке. Может, наука от этого не выиграет, зато дети не попадут к кому не следует.

Словно откуда-то из подземелья раздался голос Линекера:

— Богомил, Богомил! Что с тобой?! Тебе опять плохо?!

Перед глазами возникло встревоженное лицо Юрия. Я тряхнул головой:

— Нет, все хорошо!.. Просто вспомнилось, как эти друзья лихо скрутили нас, я даже не успел дать сигнал тревоги.

Джерри вздохнул:

— К сожалению, я тоже сделал это с запозданием, в тот момент, когда стало темнеть в глазах.

— А я еще удивился, как это получилось, что вы лежите, можно сказать, бездыханные, а бот висит целехонек, — невесело улыбнулся Юрий.

— Непонятно все получается, — без свойственного ему энтузиазма проговорил Джерри.

— Терра Инкогнита, — грустно хмыкнул я.

Юрий насторожился, переспросил:

— Что ты сказал?

— Так, к слову пришлось, — смутился я, поскольку ничего определенного в свое высказывание не вкладывал.

Но Старадымов не успокаивался, видимо, какая-то не до конца осознанная, но интересная мысль крутилась в его голове.

— Терра Инкогнита, — задумчиво повторил он.

Линекер, ожидая разгадки, подался к нему:

— Ну?!

Юрий виновато пожал плечами, поднял с земли небольшую веточку:

— Что это?

— Сосновая ветка, — озадаченно ответил Линекер.

— На, поддержи.

Линекер, все еще недоумевая, протянул руку, и, едва ветка оказалась у него, ошалело вытаращил глаза:

— Не сосна.

Настала моя очередь удивляться:

— Как не сосна?!

Джерри молча передал ветку. Я ощутил непривычную тяжесть, неуклюже предположил:

— Может, набухла от влаги?

Вопреки ожиданиям, иронических замечаний не последовало, и это было не только следствием хорошего воспитания моих друзей. Похоже, у них в головах тоже бродили самые нелепые версии.

— По весу напоминает железное дерево, — наконец произнес Линекер.

— Но не по внешнему виду, — в тон ему рассудительно сказал Старадымов.

— Да, загадок многовато, — мрачно согласился Линекер, — и самая главная — где мы?

Я недоумевающе уставился на егеря:

— То есть как где? Разве не ясно...

— Совсем не ясно, — качнул головой Старадымов; — география места знакомая — верно. Но это не Терра. И не Земля.

— Как не Терра? — я указал на знакомый изгиб Верхней Ангары, небольшой остров, почти прижавшийся к противоположному берегу, горы, покрытые пятнами снежников, — разве не здесь мы вчера рыбачили? Да вон с того камня я ловил хариусов!

— Не с того, — терпеливо проговорил Юрий, — с очень похожего, не спорю. Но боюсь, что и тот камень, и Заповедник, и вообще Терра очень далеко от нас.

— Параллельное пространство? — раздумчиво протянул Линекер.

— Очень на то похоже, — Юрий покачал на руке

камушек, не глядя бросил его в воду. — Если удалось создать Терру, почему бы не существовать Терре Инкогнита? Ведь подобные гипотезы возникали на Земле уже не раз!

Я потерел бороду, но не нашелся, что сказать.

— Ну что ж... — Линекер покусывал сорванную травинку, — тогда понятно и появление неизвестных ранее науке волков, и особенности деревьев, и все прочее. Жизнь в этом мире должна развиваться по своим законам.

— Законы везде общие, — ляпнул я.

— Зато условия разные, — парировал Джерри, — вот только непонятно, как нам удался переход...

— В «общей» сообщалось о пространственно-временных нарушениях в районе Заповедника, — негромко произнес Юрий.

— Так, — крикнул Линекер, — одно к одному. Занятно!!

Старадымов охладил его пыл:

— Джерри, не надо хвататься за первую подвернувшуюся мысль, даже если она высказана мною...

Линекер, похоже, растерялся:

— А что, есть другие идеи?

— Аномалии в этом районе Терры вполне вероятны, — проговорил Юрий. — Мы же находимся в самом центре скопления ирия. Так что сам понимаешь...

Мне очень хотелось, чтобы мы оказались на вдруг ставшей мне родной Терре, чем на какой-нибудь даже невероятно любопытной с исследовательской точки зрения, параллельной планете. Поэтому я сказал:

— Это звучит уже более весело.

Но Линекер не сдавался:

— Я не первый день занимаюсь биологией, Юра! Мутагенез в районах месторождений ирия всегда был в норме. Ты, похоже, забыл, какую очистку проходит руда, содержащая этот элемент, прежде чем его начинают применять... Ну за счет чего здесь начнется изме-

нение гено типа живых существ? Радиоактивность руды близка к нулю, химическое воздействие практически исключено. А с погодой что произошло? Да посмотри сам на датчики бота. Их-то не обманешь!

Старадымов, ни слова не говоря, забрался в бот и начал манипулировать клавишами пульта. А Линекер продолжал:

— И наконец, куда девался кордон? Почему нет связи? Даже экстренная молчит. Это-то как ты объяснишь?

Старадымов выбрался из бота, молча уселся на траву рядом с нами.

— Ну что? — Джерри явно не терпелось продолжить спор.

— Нет здесь ирия, — буркнул Старадымов.

— К-как нет? — поперхнулся Линекер.

— А вот так. Нет, и все. Приборы показывают следы его присутствия, и только.

— Ты что, сделал геологическую съемку местности? — недоумевал Джерри.

— Да. Наличие ирия примерно в миллион раз ниже, чем в районе твоего кордона.

Старадымов откинулся на спину и уставился на тяжелые облака, быстро затягивающие недавно еще чистое небо. И вот тут я с пронзительной ясностью понял, что мы действительно не на Терре и не на Земле, а в чужом и, может быть, опасном мире. Как я его назвал? Терра Инкогнита — Земля неизведанная.

23. Джеральд Линекер

Гипотеза Старадымова поначалу меня даже обрадовала. Действительно, существовало только два варианта объяснения происходящих с нами странностей. Первый — что-то произошло с Террой, а значит, и со всем, что я любил, с близкими и дорогими мне людьми. И второй — с Террой все в порядке, просто мы попали в эпи-

центр какого-то катаклизма. То, что все происходит в другом пространстве и времени, меня не особенно удивило. Слишком много необычного выпадает на долю человечества. Многие из того, что мои предки сочли бы сказкой, и я, и мои друзья, и знакомые принимаем как должное. Хотя это отнюдь не значит, что нам не свойственно чувство любознательности и интереса к происходящему. Станные загадки, представшие перед нами, наиболее просто и логично объяснялись идеей Старадымова, и мы взяли ее на вооружение, как рабочую гипотезу.

Основная проблема, которую нам нужно решить, заключалась в трех словах: «Что делать дальше?» Было бы чертовски интересно поближе познакомиться с миром, в который мы попали, но я ясно представлял, что творится сейчас на Терре, сколько забот наше исчезновение доставило многим и многим людям, не говоря уж о Инге и Сережке... Юрий с Богомилом рассуждали примерно так же, так что дело оставалось, как говорится, за малым — вернуться на Терру.

— Если сюда есть вход, то должен быть и выход, — очень логично рассудил Геров.

Оставалось, правда, неизвестным, где этот вход-выход находится. Переходы с Земли на Терру постоянны, для поддержания их стабильности расходуется немало энергии. Здесь все могло обстоять по-иному... Была одна совершенно непонятная загвоздка. Я отчетливо помнил, что связь с Диспетчерской оборвалась, едва мы переправились через болото. Старадымов переговаривался с Намшиевым гораздо дольше, причем использовал не аварийный, а обыкновенный канал связи...

Поляну, на которой Юра схватился с рысью, мы нашли без труда, но толку от этого было — нуль. Дверь, пропустившая Старадымова в Терру Инкогнита, то ли больше не существовала, то ли мы не знали, как ее открыть. Так же безрезультатно окончилась попытка выбраться путем, которым пришли мы с Богомилом.

Автопилот точнехонько вывел нас к болоту, бросил бот через трясину, но метрах в семи от берега затормозил так резко, что не ожидавший остановки Геров стукнулся лбом об колпак. И все. Моторы машины натужно гудели, но бот оставался на месте, словно автоматика забыла путь, которым мы пришли на это место. Попытка Юрия взять управление на себя привела к тому, что мы переправились через топь, попали в совершенно незнакомый лес, откуда вновь вернулись к болоту. Вот тут-то я впервые подумал, что нам, пожалуй, поневоле придется здесь задержаться.

24. Юрий Старадымов

Все это время меня гложет одна мысль — как-то там на Терре и Земле отнеслись к нашему исчезновению? Шутка ли, пропали три человека! Переполох всеземельный!

— Каким угодно образом, но надо прорываться на Терру.

Линекер смотрит на меня застывшим взглядом. Видно, опять вспомнил Ингу и Сережку. Геров неодобрительно почесывает бородку, шевелит губами, потом произносит:

— Как ты это себе представляешь?

Мне нечего сказать ему. А Богомил продолжает:

— Мы можем до бесконечности метаться по этой планете. Переход подчиняется каким-то законам...

Линекер недовольно морщится, кладет ему на плечо большую ладонь:

— Ты уверен, что нам хватит остатка жизни, чтобы узнать их? А там. — Он неопределенно мотнул головой. — Там нас ищут, тревожатся.

— Я понимаю, — соглашается Богомил, — но действовать надо все же продуманно, а не уподобляться герою старинной сказки...

— Какому? — спрашиваю я скорее для того, чтобы оттянуть момент решения. Богомил, бесспорно, прав, но что-то подсказывает мне, что, если мы хотим вернуться на Терру, времени терять нельзя.

— Которому для выхода из пещеры нужно было произнести: «Сим-сим, открой дверь!» — поясняет Богомил. — А он забыл заклятие и бессмысленно перебирал названия всех известных ему растений.

— Богомил прав, Юра, — устало соглашается Линекер. — По всей вероятности, переход как-то связан с ирием. Ты обратил внимание, что эти несимпатичные создания явно тяготеют к границам месторождения? Проведи-ка еще разок анализ. Здесь результаты могут быть иными, чем в районе кордона...

Возразить нечего, и начинаем тщательное исследование «кляксы». Чтобы не подвергать стеклопластик бота лишним испытаниям, прохожу над «бестиями» (так их окрестил Геров), поднявшись повыше. Им это явно не по душе — мечутся, подпрыгивают вверх, и кажется, вот-вот дотянутся своими длинными руками-хваталами до днища бота. Включаю оптическую невидимость, но они не успокаиваются. Линекер, заметивший, какую клавишу я нажал, качает головой:

— Они нас все равно видят...

— Не видят, но каким-то образом могут следить за нашим передвижением, — спокойно говорю я, хотя удивлен не менее, чем приятель. — Мне это не нравится...

— Мне тоже, — мрачно говорит Линекер. — Не могу забыть, что они сделали с Боем... Какая собака была, какая собака...

Геров, поглядывая вниз, но, услышав слова Линекера, сочувственно поддакивает:

— Да... Жалко Боя...

Облет не приносит ничего нового, если не считать того, что мы примерно определяем количество бестий. Их десятка четыре, и держатся они строго по границам месторождения. Точнее, там, где должно быть место-

рождение, ибо приборы по-прежнему отмечают лишь следы присутствия ирия. И никаких следов входа в этот загадочный мир.

— Все, парни, хватит! — вырывается у меня, когда я вижу, что бот в очередной раз вошел в самую середину осточертевшей «кляксы». — Попробую разные режимы движения. Вдруг получится...

Бот швыряет вправо. Ничего. Резко вниз... Вверх!.. Лицо Герова слегка зеленеет. Если бы кто-нибудь со стороны посмотрел на бот, он решил бы, что с пилотом не все в порядке. Он, то есть я, выделял самые замысловатые фигуры высшего пилотажа, мчался в любую точку, в которой возмущения аномалии были чуть сильнее, чтобы нащупать прорыв...

Магнитные поля пляшут, гравитационные дергаются, датчики безумствуют. Теперь уже позеленел и Линекер. Все-таки егери тоже не проходили спецподготовки, которая дается космодесантникам... Но все безрезультатно. Выхода нет.

— Хватит, Юра, — произносит Линекер.

25. Богомил Геров

Все попытки выйти из этого заколдованного круга оказались безрезультатными. Ни кордона. Ни пути назад, на Терру.

— Неудачи преследовали нас, — печально констатировал я.

Вот тут-то Старадымов и предложил выйти на контакт с нашими воинственными братьями по крови, попросту говоря, поймать одного из них, чтобы получить минимальную информацию о Терре Инкогнита. Линекер воспринял его задумку с воодушевлением. Он моментально высказал кучу идей о том, как это сделать. Я был категорически против. Если они сделали нам плохо, почему, собственно, мы должны уподобляться людям,

которые находятся на более низкой ступени развития?

— А как ты думаешь отсюда выбираться? — поинтересовался Юрий и, поскольку я отмолчался, продолжил:

— Переход, которым мы сюда попали, может иметь либо естественную природу, либо его создают люди. Так?..

Я кивнул.

— При любом из вариантов обитатели Терры Инкогнита должны знать об этом. Недаром ведь они так упорно вертятся вокруг места перехода.

— А может быть, их все же привлекает месторождение ирида? — попытался возразить я.

— Исключено, — вступил в разговор Джерри, — месторождения здесь нет.

— Могут же они ощущать его в момент, когда переход открыт, — начал импровизировать я. — Предположим, что ирида им жизненно необходим. Например, от него исходит не осязаемое нами излучение. А они его чувствуют.

— Что же они в «кляксу» не лезут? — ехидно осведомился Джерри.

— Ну, там излучение слишком сильное. Как сквозняк при открытой двери, — растерялся я.

— А что, интересная гипотеза, — подмигнул Линекеру Старадымов, — и главное — на нас работает. Если эти бестии чуют сквозняк из двери, значит, и дверь нам показать смогут, а?

Но и эти вполне разумные доводы оказались бессильны сломить мое упрямство. Тогда Линекер хитровато улыбнулся:

— Давайте проголосуем.

Идея прибегнуть к этому древнему способу разрешения разногласий развеселила меня. Нет, с ним надо держать ухо востро. Надо же, как повернул. Беспроигрышный вариант — их двое, я — один.

— Хорошо, — хмуро согласился я, — вот только

будет ли толк? Нетрудно убедиться, что между собой они не общаются. Наш звукоулавливатель передает только их дыхание.

— Вот ты и разговоришь!

Друзья рассмеялись. Это было добрым признаком. Когда на душе тоска зеленая, трудно надеяться на благоприятный выход из экстремальной ситуации.

Мы забрались в бот. Юрий сел за пульт управления, Джерри — рядом с ним, я устроился на месте бедняжки Боя.

Едва бот попал в поле зрения аборигенов, их движения стали отрывистыми, я бы даже сказал, нервными. Они высоко подпрыгивали вверх, как бы давая понять, что если мы попробуем вторгнуться в их владения, они будут вынуждены применить силу и достанут бот, на какой бы высоте он ни летел.

Линекер восторженно наблюдал за прыжками:

— Вот это да! Ни одно из животных Терры, не говоря уж о человеке, не способно на такие полеты!

— Юрий, — попросил я. — Мне кажется, им совсем не обязательно видеть нас.

— Да они и не видят, — раздраженно отозвался Старадымов. — Невидимость включена. И все равно как-то чувт. Не представляю, как к ним подобраться...

— Включи противолокаторное устройство, — коротко посоветовал Джерри.

Юрий с удивлением посмотрел на него, но протянул руку к пулту. И тут же аборигены смешно закрутили головами.

Бот круто пошел на снижение. Джерри неторопливо вытянул парализатор, переключил на самый слабый импульс. Я невольно, увлеченный происходящим, подался к Старадымову, показал глазами:

— Вон того, он, по-моему, самый сообразительный.

Юрий повел бот к одиноко сидящему на поваленном дереве аборигену, который сосредоточенно ловил муравьев и быстрыми движениями размазывал их по стволу.

Мощный луч узконаправленного силового поля придавил его к земле, но на лице не показалось даже признака недоумения, какой непременно бывает у людей, когда с ними происходит нечто непонятное, лишь рот, обнажив острые желтые клыки, исказился в злобной гримасе. А когда Джерри, откинув колпак, свесился через борт и абориген узрел прямо над собой сосредоточенную физиономию нашего друга, его взгляд зажегся почти человеческой ненавистью, а мощные мышцы, пытаясь преодолеть силовое поле, напряглись так, что вот-вот готовы были со звоном лопнуть. Впечатление было такое, будто испытываются на прочность металлопластиковые тросы.

— Быстрее! — не выдержав, сдавленно шепнул я.

Это было вызвано не только боязнью, что тело аборигена разорвется на части от злобы. Я видел, что, заметив Джерри, к нам со всех сторон несутся его соплеменники. Их физиономии напрочь вышибли у меня веру во всемогущество техники. Я резко повернулся к Юрию. Взгляд Старадымова оставался спокойным, будто он находился не на Терре Инкогнита, а сидел за пультом тренажера где-нибудь в Центре подготовки космодесантников под тихим земным городком с таким волшебным названием Иволгинск.

Аборигены, не добежав метров десяти до бота, внезапно отлетели назад, словно разом ткнулись лбами в невидимую стену. Линекер, не обращая на них внимания, нажал кнопку парализатора, и наш будущий собеседник разом обмяк. В Музее игрушки мне приходилось видеть надувных резиновых осликов. Когда из них выпускали воздух, они становились такими же скучными.

— Юра, можешь выключить узконаправленный луч, — сказал Джерри и со смешком добавил: — Только не перепутай кнопки, а то по оплошности уберешь круговое поле... Я, пожалуй, с этой стойкой не справлюсь.

Он спрыгнул на землю, а я боязливо покосился по

сторонам. Аборигены, свирепея все больше и больше, продолжали настырно биться о силовое поле.

— Джерри, поторапливайся, — произнес Старадымов. — А то эти субчики чего доброго погибнут от стресса.

Линекер открыл грузовой отсек, аккуратно перенес туда аборигена. Затем перемахнул через борт, а Старадымов практически одновременно выключил силовое поле и нажал кнопку подъема. Бот стал резко набирать высоту.

Аборигены рванулись туда, где только что был их собрат, замерли и, сообразив, что перед ними пустое место, разбежались.

Когда мы приземлились за чертой интересов наших негостеприимных соседей и выбрались из бота, Джерри посмотрел на меня:

— Богомил, кажется, по твоей части беседовать с малышами?

— Неизвестно, по чьей больше, — буркнул я, не испытывая особого желания искать общий язык с таким малопривлекательным созданием природы.

— Попытаюсь побыстрее разблокировать датчик уровня интеллекта, — произнес Юрий, обращаясь к Линекеру, — а ты, Джерри, подготовь свои биоприборы.

Сказано это было безо всякого нажима, без малейшего намека на командирские интонации, но мне стало сразу понятно, насколько он прав. Наступило то время, когда Старадымов в силу своей профессиональной подготовки был просто обязан взять руководство нашей стихийно возникшей маленькой группой на себя. Я кивнул и направился к грузовому отсеку.

— Постой, Богомил, — окликнул Линекер. — Сейчас помещу нашего «малыша» в силовой кокон.

Он подошел к пульту, нажал соответствующую кнопку. Я распахнул люк. Действие парализатора закончилось, и теперь «малыш», плотно спеленутый силовым полем, злобно скалился. Пошевелиться он не мог, и в

глубине глаз я различил безысходность и отчаяние. Джерри нагнулся и подхватил его на руки, но тут же резко отдернул голову:

— Эй! Не кусайся!

Абориген каким-то невероятным усилием попытался цапнуть Линекера за нос. Однако реакция спасла Джерри, и мощные клыки звучно клацнули в воздухе.

— Хорошенькое дело, — пробормотал я, с опаской приближаясь к уложенному на траву потенциальному собеседнику.

На лице моем играла самая отеческая улыбка. Еще учась на курсах, я как-то испытывал ее чарующую силу на взбешенном мустанге — такое было домашнее задание. Представьте, лошадь присмирела и спокойно проследовала в загон, а я получил положительную оценку от самого строгого из наших профессоров. Однако абориген продолжал смотреть на меня, мягко говоря, неприязненно.

Я подключил ретранслятор речи, который позволял проникать моему голосу прямо в скромное сознание нашего «малыша». Можно было просто думать, и мысли так же, как и слова, должны были пробиться в его мозг, но я чувствовал себя увереннее, слыша собственный ласковый голос.

— Ну, зачем же так сердиться? Мы не причиним тебе ничего плохого. У нас самые добрые намерения. Я просто хочу поболтать с тобой о том о сем... Улыбнись, покажи, что ты меня понимаешь...

Но в ответ на мою улыбку раздалось воинственное рычание, а ретранслятор, который должен был передать, о чем думает собеседник, молчал.

— Может, мы причинили тебе неудобство? — продолжал я. — Нет, тебе не должно быть больно. Пойми, ты просто не можешь пошевелиться. Ведь правда, кокон несколько не давит?.. Скажи, сколько тебе лет? Не знаешь? Ну и ладно... У тебя есть мама? А папа?.. Ты

живешь где-нибудь рядом? В пещере? Или у вас есть шалаш? Может, на деревьях?

Ретранслятор молчал. Вопросы бесцельно повисали в воздухе, и от этого становилось жутковато. Я чувствовал себя убитым горем родственником, который пытается вести беседу с тем, кто никогда не встанет со смертного одра. Но мой собеседник был полон жизненных соков и яросто вращал глазами, пытаясь добраться до меня. Из последних сил удерживая на лице приветливую улыбку, я нес совершеннейшую уж ахинею:

— Может, тебе просто не нравится моя внешность? Может, ты хочешь поговорить с моим другом, он очень симпатичный и добрый. Ты же помнишь, как хотел укусить его, а он даже на тебя не обиделся. Он очень хороший, его зовут Джерри, и у него в лесу живет много знакомых зверушек. Они все очень любят его. Когда у кого-нибудь заболит лапка, он лечит...

Никаких ответных эмоций. Точнее, эмоции были, но все те же — архизлобные. Помучившись еще минут двадцать, я отключил ретранслятор, обессиленно повернулся к Линекеру и простонал:

— Джерри! Попробуй, что ли, ты с ним! Ничего не получается!

Линекер, слышавший весь разговор, обреченно вздохнул:

— Попытка не пытка.. Если не удастся, хоть произведи биозамеры...

Я на подкашивающихся ногах направился к возившемуся у бота Старадымову.

26. Юрий Старадымов

Бестия спеленута силовым коконом и пошевелиться не имеет возможности. Да он вроде и не сильно желает этого. Хотя черт их поймет. Возле него крутятся Богомил с Линекером. Главенствует Богомил, как гуманитарий

и специалист по человеческим душам... По-моему, это ошибка, бестия больше по части егеря и охотника.

Снимаю блокировку датчика УИ... Кто бы мог подумать, что он вдруг понадобится!.. Подобными датчиками уровня интеллекта, а проще — устройством поиска цивилизаций, оборудованы все космоботы, потому что человечество, выйдя в космос, целенаправленно ищет себе подобных во всех точках Вселенной. Я и сам занимался этим на Крими и, кажется, преуспел бы, потому что сейчас там, по слухам (официального сообщения еще не было), разрыли-таки тот город, где я чуть было не остался вместе с Геной Бражкой и Толей Утехиным... На Терре, естественно, датчик УИ не нужен, потому что, кто дурак, а кто умный определять было бы бестактно, а больше ни для каких целей он не пригоден.

Богомил, по-моему, выбился из сил. Напрасно он применял к бестии всевозможные приемы общения, тот только крутил глазами и подавался в ту сторону, где остались сородичи, которых, кстати, мало тронуло его исчезновение.

— Скоро закончишь? — поинтересовался Богомил, передав Линекеру право общения с бестией.

Мне осталось совсем немного, но последний шплинт блокировки размещен не в очень удобном месте, поэтому, склонившись, я кряхчу:

— С-скоро...

— Может, помочь? — не отступает Богомил.

— Не надо...

Наконец блокировка снята... Сажусь в свое кресло, регулировка датчика — дело не простое... Ну вот, кажется, все... Крутнул верньер, луч упал на бестию и... Ничего, почти ничего...

— Джерри, оставь свои усилия, — оборачиваюсь к Линекеру.

Он удивленно смотрит на меня, потом соображает, что к чему, и мрачнеет.

— Ничего? — озадаченно выдыхает Геров.

— Почти.

Линекер уточняет:

— Какой уровень?

— Хорошо обученной собаки, — сказал я и тут же пожалел о сказанном, ведь невольно я задел больное место, Линекер сильно переживает гибель Боя.

— Странно... — Джерри задумчиво смотрит на пленника, — по всем данным он должен быть разумным...

— Может, они образовались в результате мутации? — выдвигает очередную идею Богомил.

И они с Джерри ввязываются в глубоко теоретический спор, в котором упоминаются такие имена, каких я и слыхом не слыхивал... Вот что значит провести вдали от Земли много лет... Чувствуешь себя малограмотным индивидом... Обидно... Размышляя таким образом, я машинально шарил лучом датчика по сторонам и вдруг замер. На шкале вырос красный столбик уровня интеллекта. Соответствовал он примерно цивилизации второго типа. Красный столбик теплился, а вместе с ним теплилась и надежда, хотя... Патриархально-родовой уровень — это, конечно, не сахар, но все-таки...

— Джерри! Богомил! — окликаю я. — Оставьте это чудище в покое и идите сюда!

Заинтригованные моим голосом, они подошли и тоже уставились на красный столбик.

Наконец Богомил обрел дар речи:

— Это же необыкновенно интересно! Летим!

Только приподняв бот на безопасное расстояние, снимаю с бестии силовую кокон. Существо даже не смотрит в нашу сторону, а огромными скачками несется к границе аномалии и занимает свое место в цепочке. Соплеменники даже не замечают его появления.

27. Джеральд Линекер

Прежде чем лететь на поиски людей, Юрий вполне логично предложил оставить какой-нибудь знак в том примерно месте, где мы появились на Терре Инкогнита. Кто знает, может быть, спасателям Терры повезет больше, чем нам, и удастся пробиться в этот мир... В том, что такие попытки усиленно предпринимаются, мы не сомневались ни на секунду.

Для того чтобы наговорить на фонокристалл информацию, времени понадобилось немного. Старадымов закрепил кристалл на самом конце ветки, далеко отходящей от ствола могучей сосны — бестии до него не доберутся, да и не собирались они, судя по всему, лезть в глубь «кляксы»; спасатели же нашу весточку разыщут без труда, и не тому обучены.

Юрий медленно вел бот вдоль северной оконечности Байкала. Судя по всему, поселение, обнаруженное датчиком УИ, находилось где-то в районе Нижнеангарска (не сговариваясь, мы приняли для Терры Инкогнита привычную на Земле географическую терминологию). Спор о биологической природе бестии возобновился сам собой. Никак не мог я примириться с результатами исследований! По всем признакам должны бестии быть разумными. Да что там — должны, просто обязаны! Объем головного мозга, анатомические особенности — все абсолютно идентично показателям гомо сапиенс. И при этом ни малейшего признака интеллекта! Скрывалась за этим какая-то загадка...

Богомил упорно отстранял свою точку зрения — бестий-де — тупиковая ветвь эволюции, одна из необъяснимых шуток мутационного процесса. Он и именовал их не иначе как «мутантами», словно стеснялся слова «бестия», хотя сам окрестил так эти злобные создания. Пришлось напомнить, что «бестия» в переводе с латыни означает «зверь», так что ничего оскорбительного в нем для животных, хотя и не отличимых внешне от человека,

попросту нет. Наоборот, очень даже неплохое родовое название...

Гипотезу Герова принять я не мог, слишком уж она казалась невероятной, своей же попросту не имел. Не хватало у меня для этого данных. Поэтому спорил с Богомилем довольно лениво. Юрий, молча управлявший ботом, подождал, пока спор окончательно выдохнется, и лишь потом подал голос:

— А не ответят ли многоуважаемые теоретики, — не без ехидства осведомился он, — на три вопроса?

— Сразу на три? — без особого энтузиазма отозвался Богомил. — Прямо как в сказке: ответь, добрый молодец, не то жизни лишу!

— Ну, я не такой кровожадный! — рассмеялся Юрий. — Но вопросы, по-моему, серьезные.

— Спрашивай, — поощрил я друга.

— Ладно. Вопрос первый: каким образом бестии сумели усыпить вас, да еще бранaziном? Вопрос второй: зачем они это сделали? Ну, и третий, он же последний: захватили они вас, насколько я понял, вне бота. Так?

— Так! — разом отозвались мы.

— Каким же образом вы снова оказались в нем?

Богомил растерянно уставился на нас, и я понял, что ответы на вопросы Старадымова он не найдет, хотя, в общем-то, «зоологическая» гипотеза их давала.

— На первый вопрос ответить несложно, — начал я...

— Ну-ну, — подбодрил Юра.

— В мире животных химические средства защиты довольно широко распространены, — пояснил я, — обычный жук-плавунец в минуты опасности выбрасывает струйку остропахнувшей жидкости и отпугивает врага. Я уж не говорю об американском скунсе. Его так и называют «вонючкой». Не очень благозвучно, зато точно. А ведь скунс тоже относится к млекопитающим, как и наши бестии.

— Но животные Земли используют это свойство для защиты? — уточнил Старадымов.

— Защита, нападение — какая разница, — отозвался я, — принцип тот же. А браназин... Ты же не сделал абсолютно точного анализа... Подобное вещество, точнее, группа веществ существует и в живой природе. Удовлетворен ответом?

— А остальные вопросы? — спросил Юрий.

— Помню, помню, — успокоил я его. — Итак, почему они нас не растерзали вместе с Боем? — Голос мой предательски дрогнул, и я не очень ловко попытался перейти на шутливый тон: — Может быть, решили про запас отложить, впрок, на голодный период. Или планировали отнести детенышам — заметил небось, среди бестий одни самцы были. Надеялись, поди, наследников накормить, законсервировали продукт браназинчиком, чтобы не испортился. Тоже, кстати, распространенное явление среди «братьев меньших». А ты им все планы сорвал.

— Что-то незаметно, чтобы вы очень расстроились, — рассмеялся Юрий.

— Что делать? — в тон ему ответил я. — Не можем же мы лишать тебя своего общества. А вот зачем они нас в бот засунули, можно только гадать. Может, чтобы на травке не подмокли.

— Шутник... — вздохнул Старадымов.

— А что, не удовлетворяют ответы? — спросил я.

— В логике не откажешь, — повел плечами Юрий, — только никак не могу от мысли одной избавиться...

— Какой такой мысли? — заинтересовался Богомил.

Юрий помедлил, словно не решался высказать свою идею, но все же ответил:

— Бестии ведут себя так, словно выполняют заданную программу...

Мне в голову тоже приходила подобная мысль, но высказать ее вслух я не решился — слишком уж все это фантастично. Недаром Богомил так удивлен.

— Ты что, подозреваешь, что это киборги?

— Может быть, биороботы, — неохотно произнес Юрий.

— Нет, — решительно возразил я, — исключено полностью. Не знаю, смогу ли я распознать киборга, но отличить биоробота от живого существа сумею при любых условиях.

— Не обижайся, — вздохнул Юрий, словно я мог обидеться.

— Да вы что, ребята! — не выдержал Богомил. — Вы что?! На Земле производство человекоподобных биороботов запрещено чуть не сто лет назад! О киборгах вообще не может быть речи: кто же пойдет на то, чтобы уродовать людей!!

Истина была прописная. Но в жизни довольно часто возникают ситуации, когда не лишне бывает напомнить банальные вещи... А Богомил продолжал:

— Да и кто будет создавать таких страшилищ со зверскими физиономиями?!

— Ну и критерии у тебя, — саркастически хмыкнул Юрий.

— Я к тому, что люди, создавая биологические машины, не стали бы программировать их на убийство, на захват подобных себе...

Возразить нечего, и мы со Старадымовым молча киваем в ответ на тираду Герова. На некоторое время устанавливается молчание, потом Юрий говорит:

— А я видел биороботов...

— Где? — удивляется Богомил.

— В Дальнем космосе. Там еще используются экземпляры последней серии. Те, что уцелели. Отличные ребята...

— Вот-вот, — подхватывает Геров, — слишком многие относились к ним так же, как ты. Было даже несколько случаев, когда люди гибли, пытаясь спасти биороботов. Слишком уж они похожи на человека. Во многом именно из-за этого человекоподобные биомашины и были запрещены.

— Откуда ты все это знаешь, Богомил? — спрашиваю я.

— Из рассказа деда, — откликается Геров. — Я привез с собой кристаллозапись. Да ты, кажется, ее слышал, Юра?

— Не до конца, — покачивает головой Старадымов.

— Вот и мне никак не удастся прослушать ее как следует, — говорит Богомил, — остались кое-какие воспоминания с детства. Стыд-позор... Но с тем решением я согласен полностью. Будь моя воля, я бы вообще не пошел на создание человекообразных машин. Лучше соорудить нечто неопределенное, а то как-то неприятно видеть красивое, вполне по-человечески выполненное лицо и знать, что вместо мозгов голова его начинена электроникой, как голова Страшилы Мудрого — соломой.

Это сравнение, почерпнутое из незабываемых книжек детства, несколько сгладило напряженность спора. По губам Юрия скользнула улыбка, я тоже рассмеялся. Тем не менее Старадымов, рискуя вызвать новую дискуссию, мягко возразил:

— Почему же, создание биороботов было шагом вперед, и я не думаю, что до конца правы те, кто против их использования в мирах, населенных людьми. А что касается облика... у природы есть чему поучиться...

28. Богомил Геров

Спор со Старадымовым напомнил мне о фонокристалле с записью рассказа деда, и неожиданно захотелось вновь услышать его спокойный размеренный голос. Кристалл лежал у меня в кармане куртки, но ситуация была неподходящая, и я в который уже раз пообещал себе заняться им в первую же свободную минуту. При этом мелькнула, правда, мысль, что в обозримом будущем для этого вряд ли представится возможность.

Тем временем Юрий, размышляя о чем-то своем, вел

бот по пеленгу, взятому датчиком УИ. Джерри тоже помалкивал, сосредоточив внимание на осмотре местности, над которой мы пролетали. Время от времени он включал трансфокатор и разглядывал изображение, появляющееся на экранчике. Один раз он попросил Стардымова остановить бот, внимательно всмотрелся в очередной видеотрофей и удовлетворенно хмыкнул:

— Взгляните-ка, ребята! Это интересно...

Я перегнулся через плечо Линекера к трансфокатору. Внизу, ловко перебираясь через упавшие стволы, двигалась огромная кошка. Видывал я в зоопарках африканских львов, так они, на мой взгляд, уступали ей в размерах раза в полтора.

— Что еще за чудо? — заинтересовался Юрий.

— Пещерный лев, — ответил Линекер, сидевший с таким гордым видом, точно именно он возродил к жизни это ископаемое.

— Тот самый? — удивился я.

Джерри молча кивнул, не отрывая глаз от экрана.

— Какой же это лев? — недоверчиво протянул Стардымов. — Ни гривы, ни кисточки на хвосте...

— И тем не менее это — пещерный лев, пантера слепа, собственной персоной, — ответил егерь, — гривы у него, кстати, отродясь не было.

Юрий промолчал, и мы еще минут пять наблюдали за хищником. Потом бот снова двинулся с места. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Почти сразу в ушах зазвучал голос деда. Неизвестно почему на память пришел кусок его рассказа:

«Вот говорю, говорю, а может, это никому никогда не будет интересно? Рассекретят запись, прослушают ее специалисты и закинут на дальнюю полку...

Чтобы больше не возвращаться к этим сомнениям, обращаюсь к тебе, мой маленький Богомил. Я знаю, ты смывленный мальчик, тебе будет любопытно послушать своего деда. Всегда смотри на мир наивно, как ты смотришь сейчас своими голубыми глазенками, но иногда

задумываясь над тем, через что прошло человечество, прежде чем наступило наше время, время людей, не знающих зла.

Меня в шутку называли Последним Опером. Это имя придумали весельчаки из нашего отдела еще в ту пору, когда я, окончив Юридическую Школу, на вопрос шефа, почему выбрал такую отживающую профессию, заявил, что надеюсь стать последним оперативником, чем окончательно склонил его в пользу моей кандидатуры. Разумеется, последним оперативником я не стал, не так просто избавиться от отживающих профессий, однако прозвище заработал...»

Юрий негромко кашлянул, и я вернулся к действительности. Бот плыл над какой-то речушкой, а вокруг, насколько хватало чувствительности локатора, простирались сопки, тайга, снова сопки и снова тайга. Ребята молчали.

По лицам друзей нетрудно было понять, что угнетает их. Я испытывал те же чувства. На Терре да наверняка уже и на Земле сбились с ног в поисках нашей троицы, а мы не только не можем вернуться, но и не в состоянии даже подать знать о себе. Случай прямо-таки анекдотичный. Печально анекдотичный, и очень напоминает тот, который произошел лет семьдесят назад, когда трое подростков, начитавшись о подвигах первых экспедиций в Дальний космос, тайком ото всех соорудили нечто подобное космическому кораблю шестого поколения (применив, кстати, одно конструктивное новшество, признанное впоследствии открытием) и отправились навстречу неизвестности. В стенах Учительских курсов исследованию и анализу этого прецедента, как примера вопиющих недоработок воспитательного процесса, был посвящен целый семестр, а бывшие беглецы, ставшие к тому времени почтенными учеными, тушуясь, рассказывали нам мельчайшие подробности побудительных мотивов своего детского поступка.

Подростков-то тогда сумели поймать, а вот как найти

путь к нам? Ведь мы для землян исчезли бесследно, словно растворились, затерялись на бесконечных ступенях параллельных миров и времен.

Ничего особенного не было в том, что мы гораздо сильнее ощущали боль тех, кто безуспешно пытался вызволить нас из, нельзя сказать, чтобы плохого, но все-таки чужого мира, чем переживали свою невозможность вернуться назад. Мысли невольно сосредоточивались на душевных страданиях близких.

Джерри постоянно думал об Инге и Сереже.

Я, помимо родных, — о своих ребяташках. У них такой трудный возраст, а тут еще пропажа, может, и не очень любимого, но как-никак учителя.

О ком думал Старадымов, я не знал. Днем мелькнули в разговоре имена какой-то девушки с Терры и неизвестного мне Михаила Жамбаловича, но я был так углублен в себя, что толком ничего не понял...

— Приехали! — вывел меня из задумчивости бодрый, несмотря на все треволения, голос Джерри.

29. Юрий Старадымов

Тренированный глаз охотника не подвел Линекера. Впрочем, «рыбак рыбака видит издалека». В том, что люди, фигуры которых мелькали на склоне байкальского берега, являются в какой-то мере «коллегами» егеря, сомнений не было. Внешне они очень напоминали народности, населявшие лет триста назад наш Север. Тот Север, который остался на Земле. Такие же проклятые на морозе и солнце бронзовые лица, такие же продуманные и выверенные в борьбе с дикой природой движения, такое же рациональное снаряжение.

Охотники углубились в тайгу, я повел бот за ними. Линекер не возражал, на его скуластом лице появилось заинтересованное выражение. А вот Геров поначалу смотрел довольно кисло и теребил свою рыже-соломенную

бороду, явно унесшись уже в мыслях туда, где «должно быть чуть-чуть поцивилизованнее».

Пока я продвигал бот, стараясь не задеть разлапистые кедры, охотники не теряли времени даром. По обе стороны тропы, которую скорее всего использовало все звериное население, стремящееся утолить жажду, они уже сооружали плетеную загородку. Просто-напросто два небольших щита из веток. Один из охотников с ровным шрамом, тянущимся через все лицо от лба до подбородка, присев на корточки, вбивал небольшой колышек прямо посередине тропы, другой, укрепив два кола за изгородью, прилаживал к ним что-то много раз виденное мною, но тем не менее незнакомое.

— Что за механика? — спросил я у Герова.

— На арбалет похоже, из которого Вильгельм Телль стрелял, — неуверенно пожал плечами Богомил.

— Самострел это, — авторитетно пояснил Джерри.

— Похоже! — согласился я, снова сосредоточив внимание на действиях охотников. — Джерри, кто это его разукрасил?

Линекер посмотрел на изуродованное шрамом лицо охотника, пожал плечами:

— Скорее всего медведь... Видишь, глаз чудом уцелел...

— Трудная здесь жизнь, — поддакнул Богомил.

Тем временем молодой охотник, во всем слушавшийся своих старших родичей, вложил в самострел длинную стрелу с широким наконечником. Это не ускользнуло от взгляда Герова. Он взволнованно задышал мне в ухо:

— Наконечник-то металлический!

— Причем не бронзовый, — отозвался Линекер.

— Народы Забайкалья применяли железо еще в конце второго тысячелетия до нашей эры, много раньше, чем в Китае и Корее, — скороговоркой проговорил Богомил.

Я тоже заметил холодный блеск наконечника грозного оружия и не позавидовал животному, которое заденет

сплетенную из жил веревку, протянутую от вбитого на тропе колышка к спусковому крючку самострела. По тому, с каким усилием, применяя упорную палку, два охотника сгибали луковище, было ясно, что сорвавшаяся стрела вряд ли оставит возможность для спасения даже огромному пещерному медведю, если он еще не вымер в этом уголке Терры Инкогнита.

Осмотрев самострел, охотник со шрамом жестом указал родичам в сторону озера, а сам замаскировал изгороди ветками, замел следы, посыпал каким-то зеленым порошком землю и, отпрыгнув далеко в сторону, поспешил за товарищами.

И вновь охотники беззвучными тенями заскользили между деревьев, а мы осторожно продвигались за ними.

— Смотрите, — луки усиленные, — подметил очередную особенность снаряжения аборигенов Геров.

— Не понял, — отозвался я.

За Богомила ответил Линекер:

— Видишь, костяные накладки поверх деревянной основы? Такие луки мощнее, чем просто деревянные. Усвоил?

— Благодарю, профессор, — шутливо сказал я, — а то мы, знаете ли, охотничьих академий не кончали. Нам как-то бластер привычнее.

Охотники явно двигались в сторону поселения, на которое и отреагировал датчик УИ. Ползти следом за ними черепашью шагом мне не хотелось, и, когда сквозь просвет в деревьях заблестела гладь озера, я решил было, что здесь мы с новыми знакомцами и расстанемся. Но не тут-то было.

Первым огромного зверя заметил, конечно, Линекер.

— Медведь!

— Пещерный? — тут же осведомился Геров, словно Терра Инкогнита была огромным музеем, в каждом зале которого непременно должно находиться что-нибудь совершенно невероятное.

— Нет, обычный бурый. Но чертовски крупный.

Зверь возился на мелководе — не то ловя рыбу, не то купаясь, — и так увлекся своим занятием, что явно прозевал приближение людей. Охотники, заметив громадину, скатились на берег. Теперь за спиной зверя было озеро, впереди, выставив перед собой острые жала копий, стояли люди. Недовольно зарывав, медведь поднялся на задние лапы. Вода стекала с его шерсти.

— Почему они не стреляют? — теребил меня Богомил, но, не дождавшись ответа, замолчал — видно, сам сообразил, что стрелой из лука такое чудовище не свалить, а раненый медведь опаснее в сто крат.

Зверь замахал передними лапами, словно отгонял назойливый гнус, и двинулся к людям. Охотник со шрамом оказался на его пути. Широко расставив ноги и изломившись в позе вратаря футбольной команды, он внимательно следил за каждым движением врага, и во всем его напрягшемся теле была видна готовность при первой же возможности вонзить наконечник копья туда, где под спутавшейся лохматой шерстью бухало медвежье сердце, считавшееся у многих народов лакомым блюдом, способным передать охотнику отвагу убитого зверя. Его товарищи тем временем пытались отрезать зверю дорогу к воде и одновременно подобраться к нему сзади. Казалось, медведь в раздумье разглядывает этих невысоких коренастых двуногих, но в то же мгновение, под наш дружный вздох, он бросился на людей. Отбитое гигантской лапой копьё отлетело в сторону, сам охотник с побледневшим лицом, на котором алел трехполосный шрам, кубарем откатился и, тут же вскочив на ноги, взмахнул ножом.

Мягко откинулась крышка бота, и краем глаза я увидел, как ловким, до автоматизма отработанным движением Джерри вскинул к плечу карабин. Но стрелять не пришлось.

Два копья, воткнувшись в жирный загривок медведя, заставили зверя издать страшный, слышный, наверное, за десятки верст рев, подскочить в воздух, отбросить

в сторону молодого охотника, пытавшегося воткнуть нож в просвечивающее сквозь шерсть розоватое брюхо, и броситься в воду. Зверь почти тотчас показался на поверхности и, не обращая внимания на азартные крики метавшихся по берегу охотников, поплыл от берега.

Я так резко взметнул бот вверх, что Геров был вынужден ухватиться за Джерри, и тот укоризненно посмотрел на меня. Улыбнувшись извиняющейся улыбкой, я сказал:

— Пора, други мои, пора...

Геров, недовольный, что его оторвали от захватывающего зрелища, глядел на меня так, как смотрел бы, наверное, на ученика, еще не прошедшего первый цикл воспитания, но уже принимающего самостоятельные решения наперекор советам учителя:

— Снять бы все это на голо...

Линекер поддакнул:

— Да... Цены таким кадрам нет...

— Друзья. — Я оглядел их нарочито непонимающим взглядом. — Вы что, в киношники решили податься после возвращения? Если так, то могу вас успокоить, придете не с голыми руками. Могли бы и припомнить, что спасательный бот оснащен записывающей аппаратурой, которая с момента визуального контакта с аборигенами работала на полную мощность.

— Bravo! — изобразил аплодисменты Геров.

Я скромно потупился, как и полагается неизбалованному вниманием публики отставному космодесантнику.

30. Джеральд Линекер

Порой мне казалось, что я сплю. Не прошло еще и десяти часов после нашего пробуждения у меня на кордоне. И вот на тебе: Терра Инкогнита, бестии, гибель Боя, пещерный лев, охотники... Вечером мы собирались на радоновые источники... Впрочем, источники наверняка

и здесь имеются, только разыскивать их что-то не хочется — и так голова от избытка впечатлений раскалывается.

Стойбище показалось минут через двадцать после того, как мы оставили охотников — индикатор УИ уверенно вывел нас к цели. Впереди, за излучиной ручья, который на Земле именовался Сырой Молокан, поднималась вершина, соединяющаяся седловиной с горным хребтом. Высоко в небо уходил дым одинокого костра. Погода была безветренной, и казалось, подплыви бот к столбу дыма, его можно будет потрогать руками и почувствовать, какой он мягкий и теплый.

Я вгляделся вниз и увидел очаровательную сценку из учебного голофильма, призванного наглядно показать школярам быт и обычаи наших далеких предков. Дома в поселке, разместившемся на сопке, располагались без какого-либо определенного порядка, то вплотную друг к другу, то на расстоянии трех-четырех метров. Внешне они здорово смахивали на усеченные пирамиды с отверстиям в верхней части. Судя по всему, эти отверстия совмещали функции дымохода и входа в помещение. Кроме этих «капитальных» строений, на площадке было немало чумов, каркасом которых служили жерди, покрытые шкурами диких животных.

— Летние дачи? — поинтересовался, кивнув на них, Старадымов.

— Примерно так, — улыбнулся Богомил, — невелико удовольствие жить в дождливую погоду в сырых землянках. Это Лысая сопка? — спросил он меня.

Кивком головы я подтвердил догадку друга.

— Читал я отчеты археологов о раскопках этого поселения, — пояснил Геров и тут же поправился, — не этого конечно, а там, на Земле.

— И что же, все точно? — заинтересовался Юрий.

— Не совсем, — покачал головой Богомил, — там, помнится, полуподземных помещений не было. Они бо-

лее характерны для племен, обитавших по берегам Верхней Ангары...

— Ну а чем жили наши предки? — не успокаивался Старадымов.

— В основном охотой, били лосей, медведей, изюбрей, коз. Рыбачили, конечно, — Байкал-то под боком.

Бот, надежно укрытый средствами маскировки, висел прямо над становищем, и мы с интересом следили за жизнью его обитателей. Впрочем, их было немного — в основном женщины, дети, старики.

— К вечеру вернутся охотники, рыбаки, — пояснил Богомил.

— Начнется обсуждение итогов дня, охотничьи байки, — в тон ему продолжил Юрий.

Мое внимание привлек хромоногий старик, возившийся на склоне сопки. Он вырыл в земле овальное углубление, тщательно уложил в него сеть и теперь обмазывал ее глиной.

— Гончар, — пояснил заметивший направление моего взгляда Богомил. — Самый древний способ изготовления глиняной посуды еще до изобретения гончарного круга. Подсохнет глина, сосуд вместе с сетью вытащат, сеть отделят, и горшок можно обжигать.

Юрий спросил еще что-то, но я не слушал. Опять разболелась голова. Богомил, судя по зеленоватому цвету лица, тоже чувствовал себя неважно, но крепился. Явно стесняется, боится показать слабость. Придется брать инициативу на себя, да заодно и Герову урок преподать.

— Юра, включи, пожалуйста, нашего эскулапа, — попросил я Старадымова.

— А что такое? — встревожился тот, оборвав себя на полуслове.

— Что-то неважно себя чувствую, — пояснил я, — да и Богомил, по-моему, тоже не в форме.

— Тошнит, — признался Геров.

— Что же ты молчишь? — рассердился Старадымов.

Пока электронный эскулап обследовал нас, Юрий крепко отчитал Богомила за «проявление ложной стыдливости», как несколько высокопарно выразился наш командир. Геров поначалу надулся, но быстро отошел, видно, понял, что слишком многое сейчас зависит от состояния каждого из нас, ведь в случае опасности даже невольная слабость может обойтись очень дорого. Обследование не принесло ничего тревожного — просто сказывались последствия отравления бранaziном, и нужно было отдохнуть. Поэтому Старадымов, не обращая внимания на горестные вздохи Богомила, отогнал бот на приличное расстояние от стойбища, опустил его прямо на небольшую лужайку, оставив работающими только локатор и слабое силовое поле для защиты от тотчас окруживших нас несметных полчищ таежного гнуса, который вполне вольготно чувствовал себя и на Терре Инкогнита.

— Спать, — приказал Старадымов, его веки потяжелели, и он тут же заснул.

У меня не было ни малейшего желания спать, но я отдал себе жесткий приказ и последовал примеру Юрия, успев заметить, что Геров тоже устраивается поудобнее.

Ровно через три часа я открыл глаза. Через несколько минут проснулись сначала Старадымов, потом Богомил. Уже стемнело, поэтому, поздравив друг друга с пробуждением, мы вылетели к стойбищу.

31. Богомил Геров

Бот невидимым облачком скользил над притихшими перед закатом верхушками сосен. Юрий и Джерри были рядом, но меня не покидало ощущение одиночества. Одиночество это не было тоскливым, не несло в себе отчаяния. Скорее это был некий синтез легкой грусти и умиротворения. На Терре я всегда утрачивал чувство

времени, оно как бы растворялось в таких маленьких по вселенским масштабам, но таких необъятных, если посмотреть обыкновенным человеческим глазом, просторах девственных лесов, пустынь, океанов. Здесь же эти ощущения словно возводились в степень N, в степень неизведанности, непредсказуемости, недоговоренности.

Желание вернуться домой не исчезло, что, впрочем, и не удивительно, ведь куда бы ни забросило человека, его всегда тянет к родным пенатам. Но любопытство, жажда увидеть то, что никто из землян не мог видеть, взглянуть на некое подобие исторического прошлого нашей планеты собственными глазами помимо воли приглушали стремление воротиться на круги своя. Должно быть, я испытывал то, через что прошли Магеллан, участники экспедиций на другие планеты, через что прошел Юрий на Криме.

Стойбище появилось неожиданно, и я нагнулся к Стардымову:

— Невидимость включена?

Юрий ответил улыбкой. Джерри с шутливой строгостью успокоил меня:

— Богомил, ты же знаешь, кто сидит рядом с ним. Промашки исключены.

Я посмотрел вниз и тихо порадовался тому, что мои предположения сбывались. Стойбище действительно готовилось отужинать. А, как известно, прием пищи с древних времен сопровождался непринужденной беседой. Именно поэтому я и предложил друзьям посетить аборигенов в этот вечерний час.

— Жаркое несут, — сообщил Юрий.

Из тайги показалась группа охотников, вооруженных луками и копьями. Несколько человек несли на длинных шестах олени туши. Поступь охотников была неторопливой, головы гордо приподняты. По всему чувствовалось, сегодня им сопутствовала удача. Первыми в стойбище прибежали сопровождавшие охотников собаки.

— Хорошие песики, — грустно проговорил Джерри, и стало ясно, как ему не хватало Боя.

Юрий, очевидно, стараясь отвлечь его, рассмеялся:

— Смотри! Словно экспедицию из Дальнего космоса встречают!

Разновозрастные ребята с радостными возгласами окружили охотников. Из жилищ спешили женщины. Привстали с бревна, лежащего неподалеку от кострища, седобородые старики.

— Для них возвращение охотников, пожалуй, имеет большее значение, —отреагировал я. — Добыча, которую принесут мужчины, для племени вопрос жизни в самом утилитарном смысле этого слова.

Тем временем возле большого камня с выдолбленной посередине лункой уже сновал низкорослый абориген. Его подручный, безусый юноша, который, наверное, еще не достиг того возраста, когда можно просить старейшин назначить испытание, чтобы доказать, что ты достоин высокого звания охотника, безропотно выполнял все приказания. Вот они принесли из жилища мелкие древесные стружки, вот юноша подал длинную тонкую палочку, затем, так же почтительно, большой лук.

— Кажется, идет подготовка к разжиганию костра, — пригляделся к ним Джерри.

— М-да, и безо всяких технических премудростей, — согласился я. — Главное, чтобы стружки были сухие.

— А руки ловкие, — добавил Юрий.

Абориген сделал на тетиве лука петлю, вставил туда палочку.

Юрий включил ретранслятор речи, направил его на кострище.

— Повтори мысленно семь раз имя Великого духа Огня, и начнем, — перевел ретранслятор обращенные к юноше слова.

Тот замер с неподвижным взглядом и вышел из забытья, лишь когда его учитель быстрыми пилящими движениями стал добывать огонь с помощью своего нехит-

рого приспособления. Из лунки потянулся едва заметный дымок, затем вспыхнул крошечный язычок пламени и побежал по стружкам. Юноша торопливо подал приготовленный хворост, и огонь, освещая одухотворенные лица ученика и учителя, нервно взметнулся вверх. Потом пламя чуть осело, стало ровным и уверенным.

Когда пища была готова, все аборигены разом повернулись в одну сторону. Линекер, ожидая разъяснений, глянул на меня.

— Перед трапезой полагается речь, — сказал я, показывая на весьма странного субъекта. — По-видимому, шаман.

К костру, плавно приплясывая, приближался старик в кожаной куртке, таких же штанах и огромной шапке, увенчанной оленьими рогами. Рога чутко поворачивались то налево, то направо, словно их обладатель ждал, что из окружающей стойбище чащи вот-вот выскочит беспощадная волчья стая. В руках шамана вздрагивал от ударов разукрашенный красными зверями и птицами бубен. Каждый шаг сопровождался мерным бряканьем костяных погремушек, свисавших с темной морщинистой шеи шамана. Остановившись в нескольких шагах от костра, он замер, прислушался. Соплеменники затаили дыхание, на лицах читался священный трепет. Шаман словно забыл о их существовании. Он закружился в танце. Слились в один круг полы куртки. Внезапно, когда вращения достигли предела, шаман рухнул на землю, его тело конвульсивно дрогнуло и вытянулось в полном изнеможении. Немного придя в себя, он приложил ухо к земле.

— С богами беседует, — прокомментировал я. — Все считают, будто сейчас его душа гостит у великих духов.

— Юра, настрой-ка ретранслятор получше, — попросил Джерри. — Что-то плохо слышно, о чем говорят духи.

Старадымов усмехнулся:

— Не стоит зря энергию расходовать. Сейчас шаман сообщает.

В этот момент старик с трудом поднялся и торжественно возгласил:

— Великий дух Неба и Земли даст нам хорошую охоту, а когда придет время, ниспошлет богатый урожай плодов небесных и плодов земных!..

Джерри подозрительно покосился на меня.

— Вероятно, имеются в виду кедровые орехи и грибы, — торопливо сказал я и приложил палец к губам, боясь пропустить хоть слово прорицания.

Шаман, выдержав торжественную паузу, продолжал:

— Будем все сыты. Плодов хватит и людям, и животным. Животные станут ленивыми, и охотникам легко будет догнать их и убить. И когда на небе покажется лицо младшего брата Великого духа, будет большой праздник, праздник урожая.

Соплеменники облегченно вздохнули и приступили к трапезе.

Но вот последние кости брошены собакам, люди, сидящие у костра, стали переговариваться.

— Если бы зверь не ушел в озеро, мы бы добыли его, — ретранслятор выхватил из невнятного гула фразу, произнесенную знакомым нам молодым охотником.

— Никогда не нужно говорить об упущенной добыче, — недовольно заметил охотник со шрамом. — Мы ошиблись, поэтому зверь ушел. Он понимал, что в воде люди ничего не смогут ему сделать. Так было всегда...

— Не всегда...

Это сказал сухой сгорбленный старик. Люди, сидящие вокруг него, почтительно замолчали. Тогда старик внимательно осмотрел соплеменников и заговорил тихим, словно издалека идущим голосом:

— Давно это было. Тогда дерево было легким, как перья птиц, копыта и стрелы наших предков могли летать и поражать добычу, дерево не тонуло в воде, лю-

ди делали из него лодки и плавали по Великому озеру и по рекам, ловили с лодок большую рыбу, и зверю не было спасения от хорошего охотника. Хорошо жили люди... Увидел это злой дух и рассердился. Обернулся он огненным шаром, поднялся над землей. Смерть и опустошение приходили туда, где пролетал страшный шар. Заплакали люди. Слабые духом ложились на землю и ждали смерти, хитрые пытались спрятаться в темных подземных пещерах. И кто знает, может быть, и уничтожил бы злой дух род человеческий, но нашелся среди многих слабых людей один сильный, среди многих трусливых — один смелый...

Жила в те времена на берегу озера женщина. Муж ее был знаменитым охотником. Но сгубил охотника злой дух. Остался у женщины сын. Отважная душа была у мальчика. Понял он, что погибнут люди, если не осмелятся победить злого духа. Взял мальчик отцовское копье, пошел злого духа искать. Долго шел. Видит, на самом краю земли на крутом скалистом мысу лосиные кости лежат. Совсем древние кости, истлели наполовину. Собрал мальчик кость к кости, ударил три раза по черепу между рогами. После первого удара все кости до единого сухожилия связались, соединились между собой. Когда второй раз ударил, мясом кости обросли, шерстью оделись и вздулись, костяк в тело зверя превратился. После третьего удара, четырьмя ногами опираясь, подобно быку дикого оленя, шеей потягиваясь, лось тот вскочил. Рогами до туч достал, вздохнул — камни с дальних гор посыпались. Ударил лось копытом — в том месте горячий родник забил. Напился мальчик воды из него, богатырем стал. Между глаз стадо оленей легко пройдет, между лопаток сто медведей охотиться смогут, щеки стали подобны большим холмам, нос — крутому хребту, брови — густому лесу на северном склоне горы. Вскочил богатырь на своего лося, поехал навстречу злому духу. Долго они бились. От шума и грохота горы обруши-

лись, в пыль рассыпались, реки и моря из берегов вышли, на месте холмов болота образовались, на месте равнин — горы выросли, крики богатыря и рев злого духа разнеслись от неба до подземного мира. Пыль и пар к звездам поднялись, закрыли Солнце и Месяц. Много лет так прошло. Изнемогать стали соперники. Но изловчился человек, поднял врага до синего неба и ударил об островерхую скалу. Разорвалось тело злого духа на тысячи кусков, разлетелись они по свету, маленькими духами стали, тоже злыми. Но сил мало у них, с сильным человеком не справятся. А кровь злого духа рекой текла, землю напитала. Выпили ее деревья и тяжелыми стали. Богатырь тот к матери вернулся, охотником стал, хорошо жил. Потом девушку привел, женился, детей родили. От них наш род пошел. А дерево с тех самых пор кровью злого духа напитано. Тяжелая кровь та, тонет от нее дерево в воде.

32. Юрий Старадымов

Взглянув на пульт, я убедился, что запись идет нормально. Геров бы мне не простил, если б великолепная речь старика осталась втуне. Все-таки гуманитарий есть гуманитарий, хотя подобное разделение в наш век почти не сохранилось. Но сохранилось то, чего жаждет и к чему тянется душа. Кое у кого — это педагогика и иже с ней, у других — проснувшаяся кровь предков, заставляющая отстреливать, отлавливать, убивать и спасать от гибели различные виды животных, у третьих — потребность рисковать жизнью. Скорее всего мои далекие пращуры произошли от той обезьяны, которая любопытства ради висела над пропастью, уцепившись за сук дерева самым кончиком хвоста, и ждала, чем все это кончится. Поскольку я существую, то можно прийти к выводу, что для той гоминиды все кончилось благополучно. Когда-то на Криме... Черт возьми!

Я уже говорю о Криме — когда-то... Или на меня так поразительно действуют обстоятельства, в которых мы оказались, эта неизвестность. Насколько помнится, в бытность космодесантником в подобные минуты во мне отключалось все, не имеющее отношения к текущему моменту в собственной бурной биографии, а то, что требовалось для выполнения задач, приходило как-то само собой, по наитию, что ли... Психика космодесантника, как любила говаривать Эрика, сердясь на меня. В некоторые минуты это определение звучало как ласка, а в другие...

По-видимому, старик заканчивает свой рассказ. Он уже чуть шевелится. Грудь ходит ходуном, жидкая борода трясется, голос уставший и осипший.

Геров готов выпрыгнуть из бота, только бы все лучше увидеть и услышать. Чтобы доставить Богомилу удовольствие, сдвигаю бот с места и зависаю совсем низко над слушателями этого импровизированного театра одного актера. И хотя прекрасно знаю о технических возможностях бота, все равно возникает чувство, что находящиеся под нами охотники, их жены с детьми, их волкоподобные собаки вот-вот обнаружат нас.

Старец замолчал. Тишина повисла над стойбищем. То ли его обитатели переваривали полученную информацию, то ли проявляли таким образом уважение к сказителю. Внезапно бойкий мальчишка, вертевший по сторонам головой, словно пытаюсь понять причину всеобщей задумчивости, просунул из-за спин взрослых, шмыгнул носом и совсем непочтительно выпалил:

— А мой брат ходил к Большой реке, там люди на кожаных лодках плавают!

Тишина стала еще напряженнее. Похоже, мальчишка допустил большую бестактность. Багровая краска проступила даже сквозь сажу на лице шамана, глаза которого, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Мальчишка, хоть и с испугом, но продолжал выжидательно смотреть. Взрослые втянули головы в плечи.

Рука шамана, сжимавшая раскрашенную кость, в порыве возмущения резко взметнулась вверх. Амулет вылетел из нее, как из пращи. Силовой улавливатель предотвратил удар кости о днище. Конечно, боту такое, с позволения сказать, повреждение абсолютно ничем не грозило, но неожиданный звук мог встревожить аборигенов, а отскочившая кость кого-нибудь ударить.

Эффект получился несколько иного рода. Кость зависла в воздухе, и аборигены с суеверным страхом воззрились на нее. Шаман был так возбужден, что в первое мгновение не обратил внимания на то, что амулет не возвращается. Его взгляд ошарашенно блуждал по лицам соплеменников. Но вот он вскинул голову, и в его глазах появился такой ужас, что я испугался, как бы он не лишился рассудка.

— Юрий! Верни ему кость! — выдохнул Богомил.

Как полоумный проследил старец за полетом кости к его ногам. Но природная сообразительность привела шамана в чувство. Он вскочил, воздел подрагивающие в экстазе руки:

— Слышите?!

Племя замерло в напряженном ожидании. Я тоже.

— Слышите?! — еще сильнее понизив голос, спросил шаман.

Богомил встревоженно завертел головой. Шаман перешел на свистящий шепот:

— Я слышу дыхание богов!

Я обратил наконец внимание на встревоженного Герова и рассмеялся:

— Исключено! Системы в полном порядке.

Богомил тихонько хихикнул и зачем-то приложил палец к губам. До Джерри тоже дошел смысл происходящего. Задыхаясь от смеха, он прокричал:

— Надо уходить, а то мы, похоже, начинаем способствовать зарождению новой религии!

— Бога летающих костей! — отозвался я. — А скорее всего становлению культа личности этого хитреца!

Джерри, все еще давясь от смеха, предложил:

— А может, поговорим с ним?!

Я поднял бот вверх, к проступающим на небе еще бледным и робким звездочкам.

33. Богомил Геров

Едва я заикнулся о проблеме питания, Джерри приступил к ее решению вплотную, причем с таким азартом, что можно было подумать, он жить не может без первобытной пищи. Старадымов снизил бот над берегом реки, и егерь внимательно уставился на экран видеофора в надежде высмотреть какую-нибудь дичину.

— Ага, — удовлетворенно изрек он через некоторое время, — дикие кабаны. Отлично! Однако фауна здесь изрядно отличается от Терры...

— Куда же нам целого кабана? — робко возразил я.

— Возьмем подсвинка, — успокоил Линекер.

Звуколокатор уловил характерные звуки приближающегося кабаньего стада. Глаза Линекера загорелись. Первым из зарослей вышел здоровенный секач. Он настороженно поднял голову, почувствовав над собой что-то непривычное. Невидимость, во избежание расхода запасов энергии, была отключена. Округлые формы нашего судна, похоже, озадачили вожака. Его маленькие глазки, не видя опасности для подопечных, смотрели с обезоруживающей наивностью, хотя взору нельзя было отказать в некоторой властности. Вероятно, приняв бот за пусть не обычную, но безопасную игру природы, он двинулся дальше. Под напором свиного семейства затрещали кусты.

Джерри глянул на нас с Юрием, словно прикидывая, сколько мы в состоянии съесть, а потом откинул колпак и свесился из бота. Я следил за его пальцем,

сторожко лежащим на спусковом крючке. Напряжение Линекера передалось нам, и я затаил дыхание.

Внезапно один из подсвинков ткнулся рыльцем в землю. Сородичи недоумевающе задержались около него и, вспугнутые громким окриком Джерри, бросились врассыпную. Линекер спрыгнул на землю. Что делал он дальше, я не видел, поскольку совершенно случайно загляделся на набухающее чернотой небо.

Однако, когда Джерри стал вынимать из портативной печки один за другим аппетитно пахнущие покрытые золотистой корочкой куски, мои глаза невольно возвратились на землю.

Проглотив свою порцию, я с благодарностью посмотрел на Линекера:

— Джерри, ты открыл для меня новую страницу во мне самом. Оказывается, я могу с наслаждением есть мясо убиенного животного.

— Природа оправдывает всякую необходимость, — назидательно проговорил егерь.

Старадымов был погружен в свои мысли. Казалось, он не замечал ни вкуса пищи, ни обволакивающей нас сырой прохладой ночи. Наконец он поднял глаза:

— Ну что, подведем первые итоги?.. Как ты думаешь, Богомил, легенда, рассказанная стариком, может расцениваться как источник хоть какой-то информации?

Я пожал плечами:

— Трудно сказать... Понимаешь, она во многом традиционна, переплетается с мифами народов Земли. Например, сюжет о гигантском лосе встречается и у народов нашего Забайкалья. Конечно, для специалистов она представляет огромный интерес, но что из нее можно извлечь в нашей ситуации... Любопытно, что потяжеление дерева память народа связывает с когда-то происшедшей катастрофой...

— Причем катастрофой космического характера, — ввернул Линекер. — Вспомните об огненном шаре...

— Не исключено, — согласился я, — можно и так

трактовать эту часть легенды. Тогда землетрясения, изменения ландшафта, наводнения были последствиями этой катастрофы. Но подобные мотивы очень распространены в эпосе... Вспомните хотя бы миф о непослушном Фаэтоне, библейскую легенду о Всемирном потопе. Здесь что-то очень похожее. Боюсь, Юра, что сказать что-либо более определенное пока нельзя. Нужны факты.

— Да, — сказал Старадымов, — бесспорный факт пока один — существование Терры Инкогнита. Откуда, как появился этот слепок Земли?

Джерри хмыкнул:

— Еще неизвестно, что копия, а что — оригинал.

— Предположим все-таки, что это слепок, — настаивал на своем Юрий. — Значит, для его образования было необходимо нечто похожее на то, что сделали люди, чтобы создать Терру.

— Ты хочешь сказать, что этот мир сотворен при посредничестве разума? — заинтересовался я.

Юрий покачал головой:

— Нет... Хотя и эгого я не исключаю. Я говорю о явлении природы, но явлении аналогичном тому, которое получилось в результате мгновенной остановки Земли во времени и последующем образовании Терры в параллельном пространстве.

— То есть о скачке в параллельный мир за счет самой природы? — наконец догадался я.

— Удар мощного метеорита, — безапелляционным тоном выдвинул версию Линекер.

Я подхватил:

— В результате которого произошла пространственно-временная остановка.

— Когда же произошла эта катастрофа? — задал вопрос Юрий.

Я развел руками и улыбнулся:

— «Давным-давно». Именно так утверждает легенда.

— Я, пожалуй, могу сказать более точно, — задумчиво произнес Линекер. — Думаю, порядка десяти-двенадцати тысяч лет назад.

— Откуда такая уверенность? — удивился я.

— Учитываю особенности здешней фауны, — пояснил егерь, — точнее, наличие встреченных сегодня представителей животного мира голоценового периода. Едва ли они возникли здесь в результате эволюции. Она явно идет на Терре Инкогнита своим путем, отличным от земного, вспомните волков, которых мы с Богомилом взяли на Терре. Они пришли отсюда. И они резко отличаются от земных. Значит, типично земные виды образовались в то время, когда Земля и Терра Инкогнита были одним целым.

Старадымов кивнул и тут же подкинул идею, от которой сам же сознательно ушел:

— А если Терра Инкогнита все-таки рукотворна?

— Что ты нам голову морочишь? — взмутился Линекер. — Если то, если это! Чтобы выдвигать гипотезы, нужно иметь более приличную информацию, чем басни старого дедушки, слышанные нами на стойбище.

— В этом и вопрос, — усмехнулся Юрий. — Где можно получить более достоверную информацию?

— Ну и где же? — подозрительно спросил Джерри.

Я еще не мог сообразить, куда клонит Старадымов, и, очевидно, был похож на секача, взирающего на висящий над ним бот.

— У более развитой цивилизации, — ответил Линекеру Старадымов.

Линекер мрачно усмехнулся.

— А если как раз по ней метеоритом и жажнуло?!

— Джерри, давай серьезно, — мягко упрекнул его Старадымов и обратился ко мне: — Богомил, как думаешь, здесь есть подобные цивилизации?

— Не исключено. Однако надо учитывать одну из главных особенностей этого мира — тяжелое, лишенное возможности плавать дерево. Развитие в результа-

те этого могло приостановиться, пойти другим путем. Хотя вполне вероятен и обратный эффект — отсутствие плавучей древесины могло заставить человека мыслить несколько иными категориями и привести к ускорению развития. Думаю, есть смысл поискать в тех местах, где на Земле возникали великие цивилизации древности, о которых доподлинно известно: Древняя Эллада, Египет, Крит, Месопотамия... Здесь, судя по всему, мы ничего не найдем.

— Итак, Средиземноморье, — проговорил Юрий.

— Или Юго-Восточная Азия, Япония, Китай, — добавил я.

Джерри обхватил рукой подбородок:

— Что же в таком случае молчит датчик уровня интеллекта?

— Ты забываешь о его радиусе действия, — сказал Старадымов, помолчал и решительно добавил: — Надо продвигаться на запад.

Я несмело возразил:

— Но ведь нас ищут... Могут выйти в этот район.

— А нас след простыл, — поддакнул Джерри.

— Оставим кристалл, — ответил Старадымов. — Но на месте сидеть нельзя. Нужна информация.

Выражая согласие, я кивнул. Линекер развел руками:

— Есть предложение отложить окончательное решение на завтра. Вдруг и правда, утро вечера мудренее?

34. Джеральд Линекер

Проснулся я от звериного рева. Кто именно подавал голос, разобрать не сумел. Это не удивило — фауна Терры Инкогнита, как показал вчерашний день, еще ждала своего исследователя.

Утро было серенькое, длинные полосы белесого тумана медленно ползли от реки.

— После завтрака наведемся на всякий случай в район «кляксы», — предложил Старадымов. — Если не будет ничего нового, предлагаю продвигаться на запад. Самое логичное, по-моему, начать обследование Инкогнита по классическим правилам космодесантной службы.

Мы согласились с Юрой. Да, собственно, и спорить было не о чем — опыт и знания Старадымова были, конечно, более весомыми аргументами, чем наши с Богомилом предположения.

Позавтракали быстро. Немного времени потребовалось и на дорогу до района аномалии. А вот там пришлось задержаться — Терра Инкогнита поднесла парочку очередных сюрпризов. Правда, не тех, что мы ждали...

Во-первых, исчезли бестии. След их я нашел без труда. Было похоже, что эти малосимпатичные существа выстроились цепочкой и споро удалились в сторону болота. На большом валуне, возле которого в трясину впадал довольно широкий ручей, сохранились отпечатки ног. Дальше следы терялись, словно бестии ушли вверх по течению ручья. Что заставило их лезть в холодную воду, было непонятно. Ни к чему не привели и дальнейшие поиски — бестии как в воду канули. Не в прямом, конечно, смысле — ручей едва ли был глубже, чем по колено.

Второе открытие сделал Старадымов. Внимательно изучив показания приборов, он недоуменно хмыкнул и задал мне неожиданный вопрос:

— Джерри, ты не помнишь, на какой примерно широте расположен твой кордон.

— Пятьдесят шесть градусов с минутами, — озадаченно отозвался я. — А в чем дело?

— Приборы утверждают, что мы находимся почти на тридцать градусов южнее.

— Что за ерунда? — Я не поверил Юрию, но, забравшись в бот, быстро убедился, что он не шутит.

Минут пятнадцать мы переваривали неожиданную информацию. Не верить приборам не было оснований, своим глазам — тем более. Окружающая нас природа ничем не напоминает тропики.

— Я вспомнил одну гипотезу, — подал голос Богомил, — ее выдвигал лет триста назад Отто Мук. Он предполагал, что порядка двенадцати тысяч лет назад Земля столкнулась с крупным астероидом. Катастрофа, конечно, была ужасной. Так вот, в результате этого столкновения, по Муку, земные полюса сдвинулись примерно на тридцать градусов. Как раз та разница, которую отмечают приборы...

— Занятное предположение, — протянул Юрий. — Ну что, Джерри, примем гипотезу Мука?

— В общем-то, все логично, — отозвался я, — особенно с точки зрения дилетанта вроде меня. Но почему здесь так холодно? Ведь мы находимся почти на Северном Тропике. Хотя...

— Ты, кстати, тоже вчера называл цифру двенадцать тысяч лет, — напомнил Богомил.

— Да, — согласился я. — Все совпадает. А климатические парадоксы вполне могут объясняться влиянием последнего обледенения, которое на Терре Инкогнита могло продлиться значительно дольше, чем на Земле. Но всем нашим гипотезам без фактов грош цена.

— Будут факты, — усмехнулся Юрий, — в головах, более сведущих, чем наши, тоже, думаю, недостатка не будет. Для этого нужно одно — вернуться на Терру. Поехали! Думать и в пути можно.

И вот уже несколько часов мы летим на запад. Юрий поднял бот повыше, сфокусировал силовое поле конусом, чтобы предотвратить столкновение с птицами. Богомил следил за показаниями датчика УИ. Пока ничего неожиданного — первобытнообщинный строй, раннефеодальный... Все это чертовски интересно, но не то, что нам нужно. Сколько тайн хранит эта планета! Что было в ее истории, что происходит сегодня?! Были ли

здесь битва при Фермопилах, Ледовое побоище? Может быть, именно сейчас стоят друг против друга на берегах тихой Непрядвы два войска и выезжают на смертный бой Пересвет и Челубей? Родились ли на свет Коперник и Галилей, Марко Поло и Колумб? Хотя Колумб-то как раз вряд ли. Если дерево везде такое же тяжелое, как на севере здешнего Байкала, едва ли Терра Инкогнита имеет своих мореплавателей...

Мысли мои прервало восклицание Старадымова:

— Оп! Это уже интересно!

Красный столбик датчика УИ упорно поднимался все выше и выше.

— Где это? — напряженно спросил Богомил.

— Трудно пока сказать, — отозвался Юра. — Далеко... Где-то в районе Гибралтара.

35. Юрий Старадымов

Остров показался внезапно. Конечно, чуткие приборы обнаружили его давно, но невооруженным глазам моих спутников показалось, что он вырос из океана. Весьма солидных размеров остров. Вдобавок не обозначенный на картах ни Земли, ни Терры.

Этим очередным на Терре Инкогнита открытием я и поделился с друзьями

Линекер задумчиво потер подбородок, прищмокнул губами:

— Мда...

Богомил, по своему обыкновению, глубоко задумался, и, видимо, этот процесс приносил какие-то плоды, потому что он то и дело бросал затуманенные взоры в сторону приближающегося острова.

— Геркулесовы Столпы мы пролетели, — бормотал Геров. — Океан — аналог земному Атлантическому... Климат здесь...

Его размышления породили в моей памяти какие-то смутные ассоциации с древними греками и неутомимым путешественником Одиссеем, песню про которого так хорошо пел Генка Бражко... «Ты куда, Одиссей, от жены, от детей...» Песня была такая же древняя, как и горы Крима, среди которых она звучала. Генка пел, молнии, рвавшие небо, бросали красно-багровые тени по его бородавтому лицу... Это было незадолго до той бури... Поначалу остров показался мне желтым и пустынным. Но стоило боту снизиться, как замелькали пальмовые рощи. Лесами оказались покрыты склоны горного хребта, протянувшегося с севера на юг. Широкая равнина, отгороженная от берега моря полосой кустарников («мангрового типа», — как определил Линекер), была тщательно возделана, о чем говорили ровные полосы полей. Тут и там виднелись фигурки людей, по дороге пылили какие-то массивные животные.

— Слоны! — удовлетворенно констатировал Джерри. — Но не африканские. Экие громадины! Похожи на вымерших степных тронготериевых... Э, да они, кажется, не дикие!

— Трудно представить, что вон тот малый катается на диком звере, — заметил я, указывая на смуглого аборигена, восседавшего на могучем слоне, за которым тянулись еще штук двадцать таких же гигантов.

— Конечно, это погонщик! — счастливо улыбнулся Геров. — Помедленнее, пожалуйста, Юра...

— Помедленнее так помедленнее, — пробурчал я, косясь на датчик УИ, — но мне интересно, неужели вот этот погонщик или вон те крестьяне с мотыгами... я правильно назвал эти орудия труда?

Геров кивнул.

— Так вот, мне интересно, — продолжил я, — настолько ли они мудры, чтобы заставить датчик уровня интеллекта подняться на деление, соответствующее...

— Смотрите, смотрите! — привскакивая на сиденье,

вскричал Геров. — Там же город! Кажется, я начинаю понимать! Кажется, начинаю...

— Город... и солидный... — протянул Линекер.

Я повернул влево, и друзья недоуменно завертели головами. Прежде чем они успели высказать мне какие-либо претензии, бот уже неторопливо полз над границей морских волн и каменистого берега.

— Облетим остров, осмотрим, — пояснил я. — Потом и в столицу.

— Правда, скорее всего тот большой город столица! — благодушно согласился Геров, секунду помолчав, потом обвел нас торжественным взглядом, дернул себя за рыжеватую бородку и провозгласил, ако оракул: — Столица Атлантиды!

Теперь до меня дошло, почему он бормотал про Столпы Геркулеса.

Встречал я и среди пилотов кораблей Дальней, и среди космогеологов, и даже среди своих — космоде-сантников, ребят, которые были помешаны на Атлантиде. По рассказам одних, выходило, что атланты ушли в Дальний космос; другие утверждали, что обитателями таинственного острова были не коренные жители Земли, а пришельцы, решившие возвратиться восвояси и уничтожившие свою долговременную стоянку; третьи были сторонниками Платона и говорили о высоком уровне цивилизации, о влиянии атлантов на судьбы народов мира, приводили авторитетные имена ученых прошлых и нынешних веков, массу доказательств... Слушать всех их было интересно, но, насколько я знаю (а по возвращении с Крима у меня было достаточно времени для самообразования, и я просмотрел кучу голокниг), никаких явных следов Атлантиды земные ученые так и не обнаружили... Вот уж я не предполагал, что учитель Геров один из этих тихо помешанных. Бедные его ученики...

Выслушав мое ехидное замечание, Богомил не сконфузился, а, напротив, возбужденно проговорил:

— Верно, ни на Земле, ни на Терре Атлантиду не нашли. Но здесь-то она есть. Это она! Я уверен в этом, уверен.

36. Богомил Геров

Я боялся поверить своим глазам. Неужели это была та самая таинственная Атлантида, которую Платон описал в своих диалогах «Тимэй» и «Критий», за что на него обрушился его любимый и талантливейший ученик Аристотель, обвинивший учителя ни мало ни много в обмане? Неужели легенда о непослушном Фазтоне — отзвук космической катастрофы, когда какое-то небесное тело обрушилось на Землю, вызвав пожары и наводнения, которые произошли в результате таяния ледовых панцирей планеты? Если мы видели под собой ту самую Атлантиду, значит, она не исчезла под водой, а просто-напросто осталась в параллельном пространстве? Ничего себе, просто-напросто... А может, древним было известно о существовании Атлантиды в параллельном мире? Может, выражение «За Геракловыми Столпами» означало у древних греков то же самое, что мы понимаем под параллельными пространствами?

Видимо, на моем лице появилась весьма нелепая улыбка, так как Линекер настороженно спросил:

— Богомил, что с тобой?

— Друзья, нам необычайно повезло! — все еще оставаясь в плену своих размышлений, с пафосом воскликнул я. — Мы имеем возможность увидеть то, что не видел никто из землян нашего времени!

Старадымов едва заметно пожал плечами, с сомнением в голосе проговорил:

— Мы уже вторые сутки рассматриваем то, что никто из землян не видел. Все это безумно интересно, особенно если принять во внимание показания датчика уровня интеллекта...

Я перегнулся через переднее сиденье и ахнул. Красный столбик подскочил до отметки, значительно превышающей все, что мы встречали на Терре Инкогнита. Линекер озадаченно буркнул:

— М-да... Уровень первых годов Великого Объединения.

— Что в этом удивительного?! — горячо возразил я. — Жрецы древности были хранителями гигантского объема знаний! Вспомни-ка...

Юрий сдержанно перебил:

— Богомил, но уровень слишком высок. При этом не видно ни малейших признаков хоть каких-то машин, заводов, или что там еще было сто лет назад... А датчик УИ показывает, что здесь должны быть чуть ли не космические корабли...

— Вообще-то конечно, — со вздохом согласился я.

Сносных гипотез на этот счет ни у кого из нас троих не возникло, и мы, замолчав, обратили взоры на раскинувшуюся впереди панораму огромного, конечно, не по земным, а по историческим понятиям, города.

Бот по-прежнему плыл очень медленно, прямо-таки полз черепашьям шагом над разветвленной сетью кое-где уже заросших водорослями каналов, кольцами скружавших город. Я чувствовал, что Юрию не терпится перейти на сверхзвуковую, но он, вняв моим мольбам, вел бот на самой малой скорости. Когда мы начали облет острова, именно я настоял на том, чтобы не торопиться, так как хотел вкусить впечатления, как вкушают лопающийся от распирающих его соков плод. Очень хотелось попасть в столицу поскорее, но я понимал, что для того, чтобы лучше постигнуть неведомый мир, приблизиться к его познанию, спешить нельзя. Нужно уподобиться страннику, бредущему с посохом по каменистой дороге, и впитывать глазами, слухом, обонянием, ступнями, всеми клетками тела мир, который раскрывается перед тобой во всем величии и во всей своей неприглядности. А то, что перед нами не

Золотой Век Человечества, было яснее ясного. То и дело под ботом оказывались поля, на которых трудились люди, изнуренные палящими лучами солнца и окриками надсмотрщиков. Несомненно, это были рабы. Юрий яростно втянул сквозь зубы воздух, когда палка надзирателя опустилась на блестящую от пота спину одного из невольников. Линекер скривился, словно этот удар пришелся по нему.

К сожалению, мы не имели права не только вмешиваться, но и не могли даже просто выйти из бота и пройти пешком, поскольку наш внешний вид вызвал бы ненужные толки.

Бот, закованный в оптическую невидимость, тащился над островом, скрывая наше присутствие и не давая нам забыть, кто мы, откуда и зачем сюда пришли. А мы пришли, чтобы уйти. Чтобы вернуться на Землю и передать информацию. И как бы нам ни хотелось окунуться в прошлое, мы оставались людьми из будущего.

— Послушай, Богомил, а зачем им все эти каналы? — задумчиво произнес Джерри. — Что-то не видно ни одной захудалой лодчонки. Сплошные непроезжие расходы на мосты.

— Во-первых, каналы кольцами окружают столицу, — не очень уверенно отозвался я. — Стало быть, они могут играть роль своего рода фортификационных сооружений...

— С кем тут сражаться? — хмыкнул Джерри. — Остров же, и столица одна, а значит, единое государство.

— В древности все эти объединения были основаны на силе, а следовательно, не могли являться прочными. Не исключено, что когда-то провинции уже пытались свергнуть центральную власть, чтобы занять господствующее положение в стране. Да и рабы никогда не мирились со своей участью...

Линекер резонно возразил:

— Но каналы-то шире, чем в Венеции, хоть кораб-

ли запуская. К тому же на выходе в океан имеется бухта, маяк, подобие причалов.

— Выходит, был когда-то и флот, — вмешался в разговор Юрий. — А каналы использовались как транспортные артерии.

— По свидетельству Платона, — осторожно сказал я, — атланты имели, кроме сухопутного воинства, насчитывающего десять тысяч парных упряжек и шестьдесят тысяч более легких колесниц, огромный флот: тысяча двести кораблей, на которых было двести сорок тысяч матросов.

— И куда все эти корабли исчезли? — усомнился Джерри.

Что я мог ответить? Оставалось только пожалть плечами.

— Если предположить, что изменение веса дерева имело всепланетный масштаб, то исчезновение флота объяснимо. Старые корабли истлели со временем, новые строить не из чего... И атланты попали в весьма неприятную ситуацию. Лишившись возможности общаться с внешним миром, они потеряли очень многое. Даже развитие их цивилизации могло пойти иным путем, причем очень медленными темпами. Общество законсервировалось, и последствия этого невозможно предсказать...

— Поэтому-то они и такие умные, — иронически заметил Джерри, кивнув на датчик уровня интеллекта.

Юрий категорически тряхнул головой:

— Нет, тут что-то не то.

Бот тем временем пролетел над лачугами, по всей вероятности, свободных, но нищих ремесленников, миновал крепостную стену, окружающую город, и мы снова с жадным любопытством приникли к стеклопластиковой колпаке.

Концентрические каналы разделяли остров на три неравные части. Самое широкое внешнее кольцо по архитектуре мало чем отличалось от уже виденного на-

ми. Те же лачуги, та же пыль и грязь на дорогах. Но чем ближе к центру столицы, тем величественнее становились постройки. Улицы как бы продолжали планировку всего острова: одни из них все меньшими и меньшими кругами охватывали величественную ступенчатую пирамиду, возвышающуюся в центре города, другие, разрезая первые на ровные отрезки, прямыми лучами разбегались от пирамиды, отчего сверкающее множеством золотых пластин строение на ее вершине становилось подобным самому Солнцу.

— Внушительное зрелище, — не без восторга проговорил Линекер.

Я кивнул:

— Пластины площадью никак не меньше квадратного метра.

Юрий припал к приборам, сообщил:

— Ровно пятьдесят квадратных дециметров.

— Да? — удивился я. — А мне показалось, что больше.

— Твой разум затмило их сияние, — рассмеялся Юрий.

— Интересно, настоящее это золото или нет? — поинтересовался Линекер. — Ведь когда-то оно было мерилom мерил.

— Вероятнее всего, золочение, — предположил Старадымов.

— А сами пластины могут быть из орихалка, — сказал я.

Юрий посмотрел на меня, как человек, который пытается припомнить слышанное им ранее, но никак не может. Джерри откровенно захлопал ресницами.

— Кажется, об этом металле упоминал Платон? — наконец вспомнил Юрий.

— Да. Название «орихалк» происходит от двух греческих слов: «орос», что значит гора, и «халькос», то есть медь, красный металл. Конечно, это не какой-то неизвестный науке элемент, но что понимал под ори-

халком Платон, до сих пор не установлено. Одно время считали, что это сплав золота и серебра, либо меди и алюминия, либо меди и серебра, либо меди и олова. Многие и сегодня придерживаются точки зрения атлантолога двадцатого века, по летосчислению до Великого Объединения, Жирова, полагавшего, что это была латунь, которую получали из редко встречающегося в природе минерала — аурихальцита. Этот минерал, как известно, содержит и медь, и цинк.

Юрий опустил бот ниже. Теперь мы могли без труда рассмотреть обитателей города. В массе своей это были высокие стройные светловолосые люди. Я засмотрелся на мужчину средних лет, облаченного в белоснежные одежды. С важным видом он стоял посреди неширокой улицы, так что проходим, чтобы не задеть его, приходилось обтирать стены домов собственной одеждой. Старадымов заметил, куда направлен мой взгляд.

— Богомил, тебе этот красавец никого не напоминает? — неожиданно спросил он.

— Не понял?.. — отозвался я.

— Нос... — подсказал Джерри.

Нос у атланта и вправду был необычный. Казалось, у его обладателя нет переносицы, и прямой, словно птичий клюв, нос начинается выше бровей... Характерный анатомический признак и вдобавок очень знаковый...

— Если с него, да и его собратьев снять их экзотические одеяния... Как они, кстати, называются, Богомил?

— Гиматий, — машинально ответил я.

— Так вот, если с него снять гиматий, я бы сказал, что перед нами...

— Бестии! — оборвал Юрия Линекер.

— Да! — согласно кивнул головой Старадымов.

Я растерянно уставился на атланта. В самом деле сходство было поразительное. Внешнее, во всяком слу-

чае. Представители местной цивилизации ничем не отличались от загадочного зверя, обитающего на северном берегу Байкала!

— Может быть, бестии — это потомки атлантов, — робко предположил я. Тысячи лет назад они оказались отрезанными от родины, мигрировали и наконец попали в Сибирь...

— При этом умудрились, совершенно не изменившись внешне, полностью деградировать в умственном отношении, — ехидно добавил Джерри.

Я замолчал, потому что действительно получалась ерунда. Но с идеями было явно туго не только у меня.

— Еще одна загадка, — констатировал Старадымов и, помолчав, сказал: — Ты упорно именуешь их атлантами. Почему тогда на Земле не найдено никаких следов Атлантиды?

— Потому что там их и нет, — ответил я. — Атлантида существует только в этой параллельности. Видимо, при образовании Терры Инкогнита произошел какой-то из пространственных парадоксов. Атлантида не была продублирована и осталась в единственном экземпляре. Помните, при создании Терры были отведены специальные зоны, куда собирались жители Земли? Источники И-поля избавили людей от опасности дублирования.

— Я встречал на Ганимеди парня, отец которого тогда поссорился с любимой и с горя спрятался где-то в джунглях Амазонки, — сообщил Юрий.

— Ну и что? — заинтересовался Джерри.

— Ничего особенного. Просто несчастных влюбленных стало двое — один на Земле, другой — на Терре, — пояснил Старадымов.

— Ситуация, — протянул Линекер, — как же они из нее выкрутились?

— Один женился на простившей его девушке. Их сыном, кстати, и был мой знакомый. А другому, чтобы

не пугать любимую — она-то ничего не знала, — пришлось навсегда покинуть Землю...

— Такие случаи действительно были, — подтвердил я. — Совету тогда пришлось поломать головы, чтобы устранить их последствия. Так что отсутствие следов Атлантиды на Земле вполне объяснимо.

— Хорошо, — согласился Юрий. — Но не могли же все без исключения атланты в момент катастрофы находиться на своем острове. Ты сам говорил, что у них была огромная армия, которая как раз в то время, если верить Платону, вела войну с греками.

— А ты представь себе положение этой армии. Родина исчезла неизвестно куда, кругом враги... Ясно, что долго обороняться деморализованные атланты не могли. Жестокий обычай древних времен повелевал убивать инопленников, и встречи с одинокими скитальцами кончались обычно уничтожением последних представителей некогда многочисленных и могущественных народов. История полна таких примеров. Древние римляне в свое время беспощадно расправились с жителями этрусского города Вей: перебили и продали в рабство. Вдобавок у атлантов очень характерная внешность: укрыться среди представителей других народов и племен они никак не могли. Не забывайте к тому же, что древние были убеждены: Атлантиду покарали боги, и довершить уничтожение атлантов значило исполнить волю небожителей...

Мои разглагольствования прервали звуки множества барабанов.

Если до этого население города было занято своими неотложными делами: женщины ругали детей, несли на головах кувшины с водой, корзины с фруктами; мужчины победнее торговали на рынке, крутили гончарные круги, стучали молотками, обделывали камни, из которых то тут, то там сооружались новые постройки в два, а кое-где и в три этажа; мужчины побогаче вели беседы и командовали слугами; то, заслышав ба-

рабанную дробь, все замерли, как по команде повернули головы в сторону храма. Даже белокурые ребята прекратили беготню, притихли.

По радостным лицам стало видно, что все ждали этого сигнала и выполняли повседневную работу, постоянно помня, что он вот-вот должен прозвучать. Теперь мне было понятно, почему женщины облачены в праздничные одежды, почему они, ругая детей, только делали вид, что сердятся, а их глаза лучились ожиданием восторга, почему мужчины были столь сосредоточены, суровы и то и дело поглядывали в сторону северо-восточной части города — туда, где на склоне одинокой горы темнела громада странного здания — по всей вероятности, храма. Рядом с ним воинственно упирал в небо трезубец огромный взлохмаченно-грозный каменный идол с гипертрофированными мускулами атлета и характерным для атлантов могучим носом, начинающимся чуть выше бровей.

Барабанная дробь смолкла, и внезапно все пришло в движение. Дети наперегонки бросились к центру площади. За ними бежали женщины. Едва сдерживались, чтобы не рвануться вперед, мужчины. На улицах появились темнолицые от прожитых лет старики.

— Кажется, что-то намечается, — довольно потер руки Линекер и повернулся к Старадымову: — Юра, прибавь-ка ходу, а то поспеем только к шапочному разбору.

Юрий с улыбкой взглянул на меня:

— Может, не будем спешить, Богомил?

— Теперь не тот случай, — обиженно отозвался я, но тут же, укорив себя за тон высказывания, оживился: — Джерри прав, пора прибавить ходу!

Старадымов мгновенно переместил нас к храму, и бот завис над стоящими возле метровых ступней каменного божества глашатаями. Пока те собирались с духом, Линекер покосился на шарообразный бицепс идо-

ла, до которого было не больше нескольких метров, неприязненно любопытствовал:

— А это что за тип?

— Греки называли его Посейдоном, — улыбнулся я. — Этот тип повелевает морской стихией.

— Вы поосторожней с оскорблениями, — со смехом сказал Старадымов. — А то обидится да ка-ак жажнет по боту своими вилами, никакая силовая защита не спасет.

Я посмотрел на плотно сжатые губы идола, на каменный блеск его глаз:

— За ним такое водилось.

Джерри проследил за моим взглядом и шутливо передернул плечами:

— М-да... С него станется...

Глашатаи разом выставили правые ноги вперед, вобрали в себя побольше воздуха. Заметив это, Старадымов утопил клавишу ретранслятора речи, негромко произнес:

— Внимание.

Все три глашатая хором выкрикнули что-то вроде:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте!

Всякое шевеление в толпе прекратилось. Выдержав ораторскую паузу, глашатаи продолжили:

— Завтра, как только взойдет Светило, все мы по велению Детей Владыки Океана и по зову наших сердец соберемся здесь, чтобы просить Великого Бога принять наших избранных.

Не успели они договорить, как от стены храма отделился сухонький старец в белом одеянии и едва слышно произнес:

— Я, Верховный жрец, именем Детей Владыки Океана повелеваю: возвращайтесь в свои дома и до восхода Светила не смейте покидать их. Каждый, осмелившийся нарушить запрет, будет казнен стражей, а тело его выброшено на поругание.

Было так тихо, что слышалось дыхание толпы, будто это был единый живой организм. Вероятно, не все различили, что прошепелявил старец, но люди молча заспешили с площади.

— Вот это слух, — сыронизировал Джерри.

— Похоже, традиционный ритуал, поэтому все знают, что нужно делать, — отозвался Юрий. — Не пора ли и нам об отдыхе подумать?

Я согласился:

— До утра, пожалуй, никаких событий не предвидится.

— Трудно сказать, — серьезно произнес Линекер. — Может, они специально загоняют людей по домам, чтобы никто им не мешал, ведь речь, насколько я понимаю, идет о жертвоприношении.

— Скорее всего жертвы уже приготовлены, а это ночное сидение нечто вроде комендантского часа, который в старые времена вводился в самые тревожные моменты для властей предержащих, — сказал я. — Дабы в корне пресечь всякие волнения.

— Но принесение жертв у древних, кажется, считалось чем-то вроде радостного события, не так ли? — возразил Юрий.

— Для кого радость, для кого горе, — со вздохом ответил я. — Особенно, если речь идет о человеческих жертвах, на что очень похоже. Так что, если волнений раньше не было, то они не исключены, а жрецы и правители наверняка это понимают... Но в целом, Юра, ты прав...

— Ладно, надо найти себе жилище, подкрепиться и обдумать все хорошенько, — решительно бросая бот за город, произнес Старадымов. — Джерри, где предлагаешь остановиться, чтобы не попасть на глаза местному населению?

После недолгого обсуждения мы пришли к выводу, что самым подходящим для нас местом будет какая-

нибудь пещера в горах, где можно не только выбраться наконец из бота и пройтись по твердой земле, но и наблюдать за тем, что происходит в столице.

37. Джеральд Линекер

Пещера, которую заметил Старадымов, была сухой и достаточно просторной. Бот, во всяком случае, вошел в нее без труда. Маленькие летучие мыши с недовольным писком вылетели наружу, больше никого наше появление не встревожило.

Старадымов, на аппетите которого происходящие с нами события никак не сказались, занялся приготовлением ужина из остатков мяса вчерашнего поросенка. Богомил помогал ему. Я вышел из пещеры.

Солнце опускалось, цепляясь за вершины горной гряды. Я дождался, пока сумрак, таившийся под кронами банановых деревьев, не слился с поднимающейся из долины волной мрака. Ночь размыла темные силуэты деревьев, протянувших к пещере узловатые ветви, черные листья сомкнулись над головой. Выстраиваясь незнакомыми созвездиями, поплыли немигающие огоньки светлячков. Было тихо. Только время от времени взлаивали собаки, да где-то надсадно орал одинокий осел. Больше ничто не говорило о том, что недалеко от нас раскинулся огромный город. Редкие огни, зажженные, должно быть, в храмах, были едва различимы.

— Любуешься? — голос Старадымова вернул меня к действительности.

Юрий подошел ко мне, встал рядом. Отсвет узкого серпика месяца, подвешенного вверх рожками на звездном полотне неба, высветил спокойное лицо Старадымова, его уверенный чуть насмешливый взгляд, и я в который раз подумал, как нам с Богомилом повезло, что Юрий оказался рядом.

— Интересно, есть с этой планетки выход в кос-

мос? — Старадымов смотрел на перевернутый вверх дном ковшик Большой Медведицы.

— Думаешь, так дорога к дому ближе? — отшутился я, хотя прекрасно понял вопрос друга. Юрий имел в виду один из не объяснимых пока парадоксов параллельных миров. Терра, например, имеет и атмосферу, и небо с облаками, и солнце, которое обогревает ее. А выхода в космос с нее нет. На высоте примерно сорока километров образуются пространственно-временные искажения, и летательный аппарат уничтожается, как при аннигиляции. На Терру никогда не падают метеориты. А звезды над ней светят. И созвездия аналогичны земным...

— Куда вы пропали? Кушать подано! — Богомил шутиливо раскланялся, стоя у входа в пещеру.

Поужинали молча и довольно быстро. Первым заговорил Юрий.

— Завтра идем в город, — сказал он.

— Идем? — удивленно поднял брови Богомил.

— Вернее, я иду, — поправился Юрий, — вы следуете за мной на боте. Необходимо разобраться, почему датчик УИ зафиксировал такой высокий уровень. Попробую проникнуть в храм.

— Это опасно, Юра, — сказал Богомил.

— А вы можете предложить что-нибудь другое? — спросил Старадымов. — Да и опасности особой нет. Честно говоря, я боюсь другого.

— Чего именно, — поинтересовался я.

— Того, что здешние обитатели узнают о нашем появлении. Мы на чужой планете, ребята. Жизнь здесь развивается по своим законам, и мы не имеем права их нарушать. Более того, согласно требованиям Устава космодесантников мы обязаны держаться как можно дальше от очагов здешней цивилизации. Таков закон Земли.

— Этот мир отстал в развитии от нашего на тысячи лет и несколько общественно-экономических форма-

ций, — раздумчиво протянул Богомил. — Даже невольно мы можем нанести ему непоправимый удар.

— Верно, все верно, — согласился Юрий, — но, не познав тайны Инкогнита, мы вряд ли вернемся домой. И выход у нас один: действовать предельно осторожно. Мы разведчики, и догадываться о нашем присутствии не должна ни одна живая душа. А ты почему молчишь, Джерри? Не согласен?

— Согласен, — отозвался я, — настолько согласен, что не могу ничего добавить к сказанному вами. Только как со всем этим увязывается предложенная тобой авантюра?

— Это не авантюра, Джерри, — Юрий говорил очень спокойно, тщательно подбирая аргументы, — просто нет иного выхода. Тайны этого мира наверняка скрыты от посторонних глаз. Так просто никто нам их не откроет. Информация, которую мы можем получить с бота, достаточно ограничена...

— Хорошо, — согласился я, — но меня очень смущают три момента. Первый: по внешнему виду ты резко отличаешься от жителей города. Второй: ты не знаешь их языка. Третий: в чем ты собираешься идти — в роскошном костюме спасателя?

— Загримироваться не так уж трудно, — сказал Юрий, — обрить голову, мягкий пластик поможет изменить форму носа... Языковая проблема тоже разрешима — отвечать будете вы из бота, а я захвачу с собой микротранслятор. Ну а одежду... одежду нужно достать.

— Каким интересно образом? Раздеть кого-нибудь?

— Ну вот, сразу уж раздеть! Джерри, среди твоих предков разбойники с большой дороги не водились? — засмеялся Юрий. — Предлагаю слетать в город, авось что-нибудь и найдем.

Старадымов не ошибся. Жители города оказались людьми чистоплотными — то и дело на крышах домов светлели пятна свежевывстиранного одеяния, разложен-

ного для просушки. Лачуги бедняков мы обходили стороной — не верилось, что у их обитателей есть сменная одежда. Роскошные одеяния богатеев тоже не подходили, выделяться в толпе Юре было ни к чему. Наконец он облюбывал крышу, на которой сохли несколько полотен разного цвета.

— Какая лучше? — растерянно прошептал Старадымов.

— Бери белую, — прошипел Богомил, — она навсряка самая дешевая.

— А это не простыня? — усомнился Юрий.

— Какая еще простыня, — разозлился Геров, которому было очень не по себе — увидели бы ученики, чем занимается любимый учитель.

Старадымов перегнулся через борт бота и потянул к себе влажное еще белое полотнище. Увы, воистину в любом деле нужны навыки! Юрий не заметил, что одеяние было придавлено несколькими булыжниками. Камни, гремя, покатались по крыше, один из них свалился во двор. Яростно залаяла собака, в доме раздались тревожные голоса...

— Удираем! — сдавленно выкрикнул Богомил, и бот рванулся с места так резко, словно выходил из-под метеоритной атаки.

Всю обратную дорогу мы подтрунивали над Юрием, интересуясь, что говорит Устав космодесантной службы о мелких кражах.

38. Юрий Старадымов

Процесс облачения в такую, казалось бы, простую одежду, как гиматий, оказался довольно сложным. За то время, что мы потратили, возясь с осточертевшим куском ткани, я мог бы, наверное, раз тридцать войти в скафандр высшей защиты для работы в старых атомных реакторах. Довелось мне увидеть такой на кораб-

ле начала ХХI века, дрейфовавшем возле тусклой звездочки из сектора Ц в созвездии Плеяд. И не только увидеть, но и демонтировать его, чтобы какой-нибудь любопытный абориген, появившись они на одной из восьми вращающихся вокруг этой звездочки планет, не порвался бы ненароком. Таков закон космоса. Ты насорил, ты и убери.

Не знаю, как справлялись со своим одеянием наши дальние предки (если, конечно, кто-то из моих предков мог быть древним греком), но и мы в конце концов освоили это искусство не хуже их. Правда, как мне думается, ни те, ни другие не применяли для скрепления ткани синтетический клей.

Линекер, помогавший мне одеваться, все время прятал глаза и сдавленно хрюкал. Геров же, напротив, отдался этому процессу с увлечением мальчишки, получившего в полное свое распоряжение комплект миниагюрных планет из набора «Построй сам Галактику»... Он то и дело отступал на шаг, ощупывал меня критическим взглядом, укладывал то одну складку, то другую, поправлял ткань на моем плече, снова отходил и снова пристально осматривал.

В шортах мне приходилось ходить, но вот в юбках... Поэтому вид голых ног несколько смущал меня, а Линекера, так и не прекратившего весело похрюкивать, забавлял.

— Слушай, Юр, — давась от смеха, проговорил он. — С этим искусственным загаром ты бы в Адриатике был первым парнем на пляже...

Загар действительно получился приличным, отличить его от цвета кожи местных жителей невооруженным глазом было нельзя.

Так же трудно было бы опознать в моем гордо изломанном, начинающемся в дюйме над бровями носе нос бывшего космодесантника Старадымова. Я попробовал морщить его, получалось, но не очень. Рожи, ко-

торые я корчил, не остались без внимания Линекера, которого опять разобрал почти нервический смех.

— Джерри, — позвал я и показал ему указательный палец.

Ответом был оглушительный взрыв хохота.

Богомил, укоризненно взглянув на отца своего ученика, похоже хотел сказать что-то поучительное, но не стал.

Я еще раз оглядел себя со всех сторон, припомнил виденных вчера аборигенов и остался доволен. Теперь я один из них.

И в эту минуту я вновь ощутил себя космодесантником.

Ведь это была другая планета.

Это была не Земля. А значит, здесь нужно было действовать так же осторожно, как на чужих, враждебных человеку планетах. Думать так не хотелось, потому что я видел здешних людей, почти ничем не отличавшихся от нас, разве что укладом жизни да излишней экзотической внешностью, видел, как они смеются, когда радуются, видел, как скорбят, как пьют, едят, заботятся о детях.. Все, как у нас. И все иначе...

— Я готов, ребята, — сказал я.

Голос мой прозвучал сухо. Богомил и Джерри почувствовали серьезность момента, тоже поскущели, внутренне напряглись. Я видел, что им хуже, чем мне. И знал это. Тем, кто остается, всегда хуже. Всю ответственность за судьбу уходящего они добровольно возлагают на себя, и потом, если что-нибудь случится... Старик метеоролог, неправильно рассчитавший скорость ветра при бурях на Крime, не смог простить себе гибели двух космодесантников, ушел в отставку и посвятил остаток жизни попыткам развести хлореллу на безлюдном и безжизненном Дэлькуноре.

...До города бот вел я сам.

Друзья молчали, рассеянно поглядывая вниз, где по улицам уже вовсю сновали люди.

Выбрав пустынный уголок во Внутреннем кольце города, я хлопнул Джерри по плечу:

— Занимай мое место, да будь повнимательней.

— Понял, — излишне серьезно сказал Линекер.

— Конечно, конечно, — поспешил Геров. — Мы будем рядом.

Я встал и снова присел:

— По старому обычаю...

Секунду мы снова молчали, потом я огляделся, убедился в том, что поблизости нет аборигенов и никто не заметит, как я свалюсь с неба, нажал кнопку люка, скользнул вниз:

— Пока!

Наверное, если бы кто-то из местных жителей наблюдал мое появление, это оставило бы у него самые глубокие и неизгладимые впечатления на всю жизнь. Представьте, вдруг в воздухе, совершенно из ничего возникают ступни, обутые в самодельные сандалии, потом лодыжки и так далее, пока наконец не появляется крепкий мужчина в белом одеянии. Заметьте, все это происходит метрах в полутора над булыжниками мостовой. Мужчина приземляется, быстро оглядывается, удовлетворенно вздыхает, и топают по улице, задумчиво поправляя складки гиматия.

К счастью, появления моего никто не видел. Я бы не пережил, если какой-нибудь абориген, а не дай бог, прекрасная аборигенка, лишились после этой картины разума или стали религиозными фанатиками и бегали по городу, крича: «Бог родился из воздуха! Бог родился!» А потом бы их сожгли, как еретиков, или что там у них, у атлантов, делают с еретиками...

Поймав себя на внутреннем балагурстве, я понял, что нервничаю. Что ж, даже космодесантники не привыкли быть разведчиками на населенных планетах по той простой причине, что пока таких планет им не попадалось. Значит, я первый! Можно гордиться.

Горжусь и иду дальше. С трудом уворачиваюсь от

несущегося с огромной скоростью и такой же огромной корзиной на голове рослого белокурого мужчины. Уже задним умом понимаю, что это не атлант, потому что нос у него обыкновенный, как у всех людей на Земле.

Задираю голову вверх, но естественно не вижу бота. Зато они меня видят.

— Мы здесь, Юра...

Голос Линекера сосредоточен и строг.

Негромко делюсь своим открытием. Геров отвечает почти сразу:

— Скорее всего это раб. У атлантов рабы были из военнопленных — греков, финикийцев, этрусков, египтян... Так что рабы здесь не атланты... Хотя может иметь место и долговое рабство, такое бывало на Земле...

Движение на улице весьма оживленное. Люди лавируют между себе подобными, сталкиваются, ругаются, жуют что-то зеленое, красящее губы в мертвенно-коричневый цвет. То и дело воздух оглашается криками возниц и грохотом большеколесных колесниц. Народ собирается группами, что-то обсуждает, указывает в сторону храма.

Пристраиваюсь к небольшой компании неторопливо двигающихся мужчин в таких же белых одеждах, как и моя, глазею... Попутчики мои оживленно переговариваются, к вящей радости Богомила, неустанно впитывающего информацию. Поскольку крохами знаний Геров время от времени делится со мной, узнаю, что храм, к которому мы направляемся, называется «Жертвенным», гора, на склоне которой он выстроен — «Священной», горный хребет — «Горами Трезубца», а на вершине пирамиды блестит ни много ни мало дворец Детей Владыки Океана. Столица же именуется и Посейдонией и Священным городом. В общем, сплошная святость...

Стены домов, мимо которых я неспешно дефилирую,

покрыты надписями. Но, к огорчению Богомила, атланты не обращают на них никакого внимания, вслух, во всяком случае, не читают. Не может Геров понять и того, что же происходит в городе, хотя явно что-то должно произойти, и скорее всего не очень плохое «что-то», иначе лица мужчин и женщин не были бы радостно-ожидательными. Хотя, если припомнить историю, для наших предков, прозябавших в средние века, казнь на площади была своего рода развлечением...

Украдкой сравниваю свою внешность с внешностью прохожих, успокаиваюсь — все добротное, все по-атлантски.

Тем временем улица приводит меня к округлой площади.

— Юра, там отряд воинов, — предупреждает Линекер.

Теперь и я вижу вооруженных людей. Это крепкие плечистые и горбоносые парни, с копьями в руках и непроницаемыми лицами. Шагают они так, словно улица перед ними совершенно пустынная, и ничто не мешает им идти куда вздумается. Воины останавливаются посреди площади, выстраиваются в несколько кругов, подобных каналам, которые окружают столицу Атлантиды.

За этой живой изгородью появляется бритоголовый худощавый старик в ярко-красной с синими полосами одежде. Его подхватывают несколько пар рук, и через мгновение старик уже возвышается над толпой, прочно опираясь на плечи солдат.

— Жрец, — коротко информирует всезнающий Геров.

— Похоже, сейчас выступать будет, — предполагает Линекер, и оказывается прав.

Голос у старикана совсем неподходящий для такого сухопарого тела. Он гремит над площадью, заставляет народ замереть в каком-то суеверном экзальтированном ожидании.

— Жрец говорит, что сейчас состоится мероприятие по принесению жертв Великому Богу, — информирует меня Геров.

— Так и сказал: «мероприятие»? — тихо спрашиваю я.

— Нашел время острить! — сердится Геров.

— Будь осторожен, Юра, — просит Линекер. — Черт их знает, что у них на уме.

— Ладно, — соглашаюсь я, а согласившись, подхожу ближе к толпе, окружающей живую цепь воинов.

Толпа всколыхнулась, загомонила, потекла в сторону храма.

И я поплыл вместе с ней. Мне наступали на ноги, и наступали больно.

В конце концов удастся выбрать место, откуда виден вход в храм. Взгляды присутствующих устремлены на него, лица — искривлены радостным возбуждением.

Где-то справа (мне было плохо видно из-за голов) толпа раздвинулась, теснимая стражниками, не стеснявшимися пускать в ход древки копий, чтобы освободить проход. Я думал, там появятся какие-нибудь властители, но это оказались всего-навсего юноши. Их было пятнадцать. Все рослые, широкоплечие, красивые, даже по нашим земным меркам. Кстати, я поймал себя на мысли, что эти немыслимые носы никак не портят внешности атлантов, а даже, напротив, придают им определенный шарм и горделивое выражение.

Юноши шли следом за бритоголовым жрецом. Казалось, они не видят людского моря, колышущегося рядом, не слышат сдавленного шепота, не замечают жаркого солнца.

Они смотрели только вперед и так же медленно, как и шагающий впереди жрец, стали подниматься по ступеням к темному проему входа в храм.

Жрец остановился, повернулся к толпе, распростер руки и гортанно выкрикнул:

— Мы пришли!

Так же гортанно воскликнули юноши:

— Мы пришли!

Толпа хранила молчание. Казалось, все живое в городе вымерло. Не было слышно даже отдаленного лая собак и крика ишаков.

Под это молчание юноши упали на колени, снова крикнули:

— Мы пришли! Мы пришли! Мы пришли!

Откуда-то из темных внутренностей храма пополз низкий вибрирующий гул. По толпе пробежала дрожь, я с удивлением осознал, что тоже дрожу, глянул на brasлет, шепнул далеким друзьям:

— Инфразвук...

— Да, да, — отозвался Геров, — на наших приборах это тоже видно.

Тем временем жрец шагнул к проему, замер, взмахнул руками, что-то скомандовал.

Солдаты отступили на несколько шагов. На удивление легко подалась назад толпа. Юноши поднялись с колен, встали. Лица их были бледны, но решительны.

— Слушай, Богомил, их в жертву приносят, да? — шепнул Джерри.

Геров ответил без промедления:

— Похоже на то...

Снова последовала гортанная команда.

Юноши, не оглядываясь, один за другим скрывались в сумраке проема. Наконец у входа остался только бритоголовый жрец.

— Они уже на пути к Великому! — провозгласил он.

Толпа отозвалась восторженными возгласами. Мне тоже пришлось имитировать восторг, потому что стоящий рядом перепачканный глиной атлант как-то подозрительно покосился на мое безучастное лицо наблюдателя. То, что произошло дальше, повергло толпу в ужас, меня же — в крайнее изумление.

Едва узкая спина жреца исчезла из виду, весь входной проем залило яркое, слепящее глаза и превосходящее по силе даже солнце свечение. Оно было красным, синим, бьющим по нервам. Свечение пульсировало, словно живое, лилось свободным потоком, клубились облачка пара над каменным полом. Эффект был красивый. А когда все исчезло, входа не стало. Проем словно заплывился, слился со стеной.

Дружный вопль пронесся по толпе.

— Плазма! — казалось, в самое мое ухо выдохнули Джерри и Богомил.

Им с висящего где-то надо мной бота зрелище было видно гораздо лучше.

Плазменный занавес... Плазма... И это при таком-то уровне развития?! Хотя, с другой стороны, датчик УИ!.. Но ведь нужна аппаратура, нужна энергия, нужны, наконец, люди, умеющие управлять этой аппаратурой и этой энергией? Кто они? Где они?

— Может, это жрецы? — будто читая мои мысли, спросил Геров и сам же ответил: — В древности они демонстрировали множество поразительных эффектов...

— Вряд ли, — забывшись, довольно громко сказал я и вновь заметил зоркий взгляд местного гончара.

Я улыбнулся ему, и, видимо, подозрения атланта слегка рассеялись. И совсем уж он забыл про мою персону, когда вновь раздался зычный голос жреца:

— Они пришли! Они ждут тебя, Великий!

Воспользовавшись тем, что внимание бдительного соседа отвлечено, я осторожно передвинулся в сторону, наступив при этом на ногу толстой тетке, но она не заметила этого.

На самом краю крыши ровным полукругом выстроились приготовленные в жертву неизвестному Великому богу юноши.

При их виде по толпе пронесся крик, а когда жрец распростер над толпой руки и заговорил гортанным ре-

читативом, толпа и вовсе рухнула на колени, принялась исступленно выкрикивать:

— Прими, Великий!

— Великий, прими!

В столь неудобном положении мне пришлось находиться по меньшей мере полчаса. Представляю, как веселились друзья, наблюдая за моими телодвижениями. Надо отдать им должное, вслух они восторгов не высказывали. Боялись помешать моим молитвам.

— На восходе светила Великий бог решит, принять наш дар или нет, — наконец сообщил жрец. — Дети Владыки Океана будут просить Великого о милости. Радуйтесь!

— Радуйтесь!

— Радуйтесь!

— Смилуйся, Великий!

Понеслись над площадью крики. Воспользовавшись всеобщим энтузиазмом, незаметно выбираюсь из ликующей толпы.

— Иди к воротам, выйдешь из города, мы тебя подберем, — шепчет Линекер.

— Все высыпали из домов, и нет ни одного уголка, где бы мы могли сделать это незаметно, — извиняющимся тоном пояснил Богомил.

— Хорошо, — говорю я и быстро шагаю в сторону городских ворот.

Не могу сказать, чтобы моя вылазка была совсем уж бесполезной, но к попыткам понять жизнь этого мира, а так же, почему датчик УИ дает такие результаты, она ничего не прибавила. Скорее наоборот — плазменная завеса над исчезнувшим входом в храм поставила меня в тупик. Никакого более или менее приемлемого объяснения этому явно рукотворному явлению я придумать не мог.

Мои друзья тоже.

39. Богомил Геров

Группу стражников, наливавшихся какой-то дурманящей жидкостью из вместительных кубков, мы с Джерри заметили неожиданно. Старадымова от них отделяла только каменная кладка стены караульного помещения. Однако при виде раскрасневшихся, довольных лиц стражей порядка нам и в голову не пришло предупредить Юрия об их присутствии.

Мы были убеждены, что стражники находятся в таком состоянии, когда напрочь забывается, ради чего они поставлены коротать ночь.

Как один из них среди общего гама услышал легкие шаги Юрия, для меня по сей день остается загадкой. Но едва Старадымов оказался вблизи ворот, стражники оголтелой толпой сорвались с места и в мгновение ока обступили его со всех сторон.

— Юра! Сейчас мы их даванем силовым полем! — гневно выкрикнул Линекер, увидев, как наконечник копья замер буквально в нескольких сантиметрах от невозмутимого лица спасателя.

Рука Джерри, пока я раздумывал, что делать и как быть, рванулась к пульту управления, но его остановил негромкий голос Старадымова:

— Не надо.

Джерри растерянно посмотрел на меня. Я, охваченный внутренней дрожью, со всей твердостью, на которую только был способен, произнес:

— Подождем развития событий.

Между тем из толпы, раздвинув стражников широкими плечами, вышел, должно быть, старший и хриплым голосом старого вояки проговорил:

— Ты кто таков?

Линекер нервно хохотнул:

— Юра, может, передать им, кто ты есть на самом деле?

Я едва сдерживал досаду. Как они могли шутить в

такой ситуации?! Конечно, не было ничего проще, чем освободить Старадымова с помощью оснащения нашего бота, да и сам он благодаря подготовке космодесантника мог легко расправиться со всей этой недружелюбной группой. Но мы не имели права выдавать себя, и я был в полной растерянности. В голове вертелось одно: почему я не отговорил их от этой нелепой затеи? Ведь почти все то же самое мы могли с успехом узнать, находясь все трое на борту бота!

— Ты что там бормочешь?! — свирепо вращая глазами и пошатываясь, приблизился к Юрию другой стражник. — Отвечай, когда тебя спрашивает начальник поста!

Наконец у меня созрело решение:

— Юра! Немедленно включи силовую защиту! Немедленно! Они одурманены какой-то гадостью и ничего не поймут!

Начальник поста хотел схватить Старадымова за грудки, но его рука уперлась в невидимое препятствие. Стражник ошалело поглядел на нее, потом, перекосив в злобе подпорченное шрамами лицо, гаркнул:

— Ах, ты так?! Ну-ка, ребята, пощекочите его копьями!

Со всех сторон к ребрам Юрия потянулись остро отточенные орихалковые лезвия и тоже уперлись в силовое поле. Суеверное недоумение появилось на лицах стражников, они обеспокоенно уставились на начальника. Но старый вояка, похоже, был не робкого десятка и, выкрикнув что-то нечленораздельное, с силой вонзил копьё в неподатливый воздух.

Дело оборачивалось совсем плохо, но тут вмешался Линекер.

— Начальник городской стражи! — рявкнул он в ретранслятор речи.

Стражники разом обернулись в сторону центральной части города, машинально принялись выравнивать свои порядки, поправлять обмундирование, состоящее из лег-

кого пластинчатого панциря, шлема и перевязи, на которой болтался короткий прямой меч. Замешательство длилось всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы Джерри откинул колпак, протянул вниз руку и вдернул Юрия в бот, который тут же круто набрал высоту.

В нашей пещере, куда я возвращался с таким ощущением, будто еду домой, было спокойно, тихо и уютно. Мирно пахло нашими беззлобными соседями — летучими мышами. На нас они не обратили ни малейшего внимания, похоже, стали привыкать.

Выбравшись из бота, мы разогрели пищу, поужинали и лишь после этого, сбросив груз дневной усталости, заговорили о том, что больше всего взволновало нас: о плазменной завесе.

— Может, это всего-навсего пылала какая-нибудь жидкость типа нефти. Ведь есть сведения, что многие горючие вещества известны с давних времен? — высказал я предположение, которое мне и самому казалось не очень убедительным.

Юрий нахмурился:

— Исключено, слишком высокая температура.

Джерри посмотрел на него и усмехнулся:

— Да сними ты этот нос, а то напоминаешь одного из тех субъектов, что чуть не отправили тебя к праотцам.

Спохватившись, Старадымов сорвал с носа пластиковую нашлепку, стал снова похож на себя. Я сдержал улыбку, поскольку все время смотрел на товарища и не мог понять, что в нем в этот вечер необычного.

— Но, с другой стороны, — продолжал Юрий, — совершенно не ясно, откуда... будем говорить, атлантам, известен секрет плазмы.

— Ты забываешь о датчике уровня интеллекта, — возразил я.

— Как раз не забываю. Напротив, свожу все воедино. И показатели датчика, и плазменный занавес...

— Но ничего не можешь понять, — констатировал Линекер, уловив паузу.

— И ничего не могу понять, — подтвердил Старадымов.

— Эх! Надо бы в храм проникнуть, — махнул рукой Джерри.

Я не удержался от колкости:

— Ворваться на лихом коне...

— Богомил, ну право же, это невмешательство у меня уже сидит в печенках! — вспыхнул Линекер. — Так и будем сидеть сложа руки?! Может быть, и завтра, во время этого чертового жертвоприношения, прикажешь фильм снимать? О том, как заживо сожгут на каком-нибудь костре пятнадцать человек. Так, что ли?!

Доводы Джерри были беспощадны. Но как узнать, какие из наших действий принесут этому миру пользу, а какие — вред?! Поэтому я тусклым голосом произнес:

— Мы ничего не вправе менять.

Старадымов помолчал, затем коротко, но твердо произнес:

— Врываться в храм, конечно, не будем, но оставаться в неведении тоже нельзя. Давайте отдыхать, а завтра утром решим, что делать дальше.

40. Джеральд Линекер

Юрий и Богомил спали. До меня доносилось их спокойное дыхание. Потом у входа в пещеру раздался тихий шорох.

«Змея», — лениво подумал я.

Пресмыкающееся наткнулось на силовое поле, прикрывающее вход в нашу обитель, и звук уполз в сторону кустов. Спать не хотелось. Варварски дикая картина событий сегодняшнего дня вновь и вновь представала перед моими глазами. Что все это значило? Интуиция подсказывала мне, что мы были на пороге разгадки

главной тайны Атлантиды. В этот момент запел сигнал локатора.

Я рванулся к боту, но Юрий опередил меня. Шумно вскочил Богомил. Зеленая звездочка пересекала слабо освещенный экран.

— Наконец-то! — выдохнул Юрий.

— Спасатели! Провались-таки! — радостно воскликнул Геров. — Нужно дать им пеленг.

— погоди, погоди, Богомил, — приговаривал Стардымов, манипулируя кнопками пульта управления ботом, — не торопись, сейчас... Вот они!

Экран видеофора, переключенный в инфракрасный диапазон, показал долгожданную картину. Бесспорно, это был земной бот. Он медленно двигался над городом.

— Что за черт?! — воскликнул Юрий.

Мне тоже бросились в глаза несуразности увиденного. Бот был стар, очень стар. Такие не выпускались на Земле уже лет восемьдесят. Корпус был помят, купол покрыт трещинами...

— Первая модель, — определил Юрий, — грузовая модификация, рассчитанная на экипаж в четыре человека... Откуда он взялся?

Выходец из прошлого беззвучно приближался к ведомой лишь ему цели. Мы напряженно наблюдали за ним.

— Прошел внутренний канал, — негромко комментировал Юрий, — главную площадь... Похоже, направляется к Жертвенному храму.

На экране промелькнули трезубец и гордо поднятая голова скульптуры Посейдона, надвинулась темная громада храма. Вот и его вершина, площадка, фигуры юношей, предназначенных в жертву Богу Моря. Они по-прежнему стоят в тех же застывших позах, подняв головы к звездному небу. Нет, зашевелились и тут же дружно упали на колени, склонив головы на каменные плиты. Увидали бот.

Колпак бота откинулся. На площадку выбрался че-

ловец. Он невысокого роста, одет в старый, мешком свисающий с плеч комбинезон. Лицо прикрыто маской. Человек что-то говорит юношам. К сожалению, слов мы не слышим, но жесты достаточно красноречивы. Юноши приподнимаются, затем снова валятся на каменные плиты. Человек сердится, хватая одного из лежащих, тащит к боту. Остальные медленно встают, робко идут к машине. Похоже, они до смерти перепуганы. Наконец последний из юношей скрывается в люке грузового отсека. Крышка опускается, бот отрывается от крыши храма.

— Уходит на юго-юго-восток, — Юрий успел взять пеленг. — Ну-с, что бы это значило, и что будем делать?

— Летим за ними, — предлагает Богомил.

— Опасно, — возражаю я, — могут заметить, Юра, на этих ботах установлены локаторы?

— Да, — коротко отвечал Старадымов. — Не в локаторах дело. От них-то мы укроемся.

— Но ведь это земляне! — недоумевает Богомил.

— Вот именно, — отзывается Юрий. — Откуда они взялись? Что здесь делают?

— Может быть, исследователи? — говорю я, хотя сам вижу нелепость подобного предположения.

— Почему тогда на Земле ничего не знают об Инкогнита? — вопросом отвечает Юрий. — Всемирный Совет не позволил бы скрывать такое открытие. Кроме того, думаю, что у исследователей оборудование было бы поновей.

— И методы, — поддакивал Богомил, — как он обращался с этими несчастными. Да еще маска...

— Вот именно, — согласился Юрий.

— А если такие же бедолаги, как мы? — робко предположил Геров. — Попали сюда случайно и не смогли вернуться...

— Это уже более вероятно, — поразмыслив, говорит Старадымов. — Но я не знаю ни одного случая исчезновения людей в связи с пространственно-временными па-

радоксами. Может, ты о чем-нибудь подобном слышал, Джерри?

Отрицательно качая головой и говорю:

— Все равно неясно, что они здесь делают, зачем им эти юноши, при чем здесь жертвоприношение, жрецы, здешние владыки, что связывает их с землянами?

Друзья молчат, потому что ответов на эти вопросы у нас нет. Потом Геров произносит:

— Бот уходит. Он уже на границе пределов мощности локатора.

— Не уйдет, — отзывается Юрий, — на этой планете от нашей техники ему не скрыться. Найдем. Я думаю, сначала нужно разгадать загадки Атлантиды. Жрецы наверняка знают и о боте, и о его хозяевах.

— Вдобавок налицо явное вмешательство землян в дела Терры Инкогнита, — добавляю я. — Теперь мы просто обязаны разобраться, в чем оно заключается.

— И может быть, устранить последствия этого вмешательства, — говорит Юрий.

Богомил, похоже, хотел что-то сказать, но не решился. Остаток ночи прошел в молчании.

41. Юрий Старадымов

Земляне! Наши соплеменники! Теперь хоть не мучает загадка плазменного занавеса и ехидство датчика УИ. Раз здесь жители Земли, его показатель понятен. Непонятно другое — откуда они? Думаю, разобраться в этом можно, попав в храм. Разгадка тайны скорее всего либо там, либо в блестящем дворце Детей Владыки Океана.

Народ на площади перед Жертвенным храмом ликует. Геров нашептывает мне на ухо смысл довольных выкриков. Еще бы им не радоваться, если Бог Моря принял жертву, забрал пятнадцать юношей...

На площадке перед тем местом, где еще вчера был

вход в храм, танцуют обнаженные девушки. Движения их бронзовых тел змееподобны, только кисточки поясов, обвивающие талии, кружатся, только распущенные волосы взлетают светлым крылом.

Здесь же флейтисты, музыканты с медными тарелками, барабанщик, выколачивающий на натянутой на обруч шкуре бодренский мотивчик.

Непривычно для слуха звучит эта древняя музыка. Еще более непривычны слова песни, исполняемой красномордым толстяком. Если верить нашему транслятору и моему другу Герову, опять взявшему на себя обязанности переводчика, он поет о том, что весь год теперь в стране Посейдона будет царить благоденствие, что Владыка Океана коснулся ее своей десницей, а Дети Бога Моря, помогающие атлантам снискать его расположение, будут и дальше править так же мудро, как и раньше.

— Все будет хорошо! Все будет хорошо! — нестройным хором подпевали слушатели, покачиваясь в такт мелодии.

Я так не думал. Нет, конечно, может быть, все и будет хорошо, но не для всех. Просто редко в жизни бывает, чтобы всем было хорошо. Всегда кому-то плохо.

Обхожу храм со всех сторон и убеждаюсь, что попасть вовнутрь невозможно — ни окон, ни дверей попросту нет. Настроение портится, тем более что я замечаю, как из проулков выскакивают воины и выхватывают из толпы то одного, то другого атланта. Мне это совсем не нравится. Мысленно рассчитываю путь к отступлению, но ничего предпринять не успеваю. Двое рослых солдат уже ухватили меня за руки и потащили за собой. Конечно, привести их в лежачее и бессознательное положение не проблема, однако сколько забот появится после того... Страшного пока ничего не происходит, поэтому реагирую, как и другие «мои сограждане», то есть отдаюсь на волю волн... Куда-то меня влокут?..

42. Богомил Геров

Я обеспокоенно наклонился к микрофону:

— Юра! Из разговоров в толпе понятно, что они ведут вас во дворец к Детям Великого Океана. Это составная часть ритуала праздника...

Голос Старадымова прозвучал почти спокойно:

— Это то, что нам нужно. Ничего не предпринимайте... Если возникнет опасность, я сам сообщу об этом.

Холодок пробежал у меня по спине:

— Может, повременить с посещением дворца? Кто знает, чем заканчивается этот ритуал? Мы тебя сейчас вытащим из толпы.

— Ни в коем случае, — сердито ответил Юрий. — Такой подходящий момент может больше не представиться.

Я посмотрел на Линекера. Джерри отвел взгляд, протяжно вздохнул, потом, видимо, сделав над собой усилие, произнес:

— Вообще-то он прав...

Бот скользнул по воздуху прямо над головами шагавших в лихорадочном возбуждении избранников Богов. А внизу, на площадке у подножия храма, творилось нечто невообразимое. Казалось, истерическое ликование охватило весь город. Толпа смешалась. Уже трудно было определить, где богач, где бедняк; где чиновник, где ремесленник; где сын, где отец; где мать, где дочь. Все кружились в вихревом танце, подогреваемые собственными выкриками и дробью барабанов. В толпе не видно было лишь рабов, жрецов и военных.

Я настроил трансфокатор, обследовал с его помощью окрестности города. Однако на полях тоже не было видно согбенных спин невольников. Это озадачивало, и я поделился своими соображениями с Линекером. Тот задумчиво взлохматил пятерней волосы:

— Наверное, взаперти сидят...

Пляска у подножия храма становилась все неистовее. Белые, с чуть желтоватым оттенком волосы кружащихся на месте женщин походили сверху на бурлящие в горной речке водовороты. Одежда на многих была уже растерзана. Толпа временами расступалась и в экстазе глазела на домохозяек, превратившихся на короткое время праздника в отчаянных и прекрасных танцовщиц.

— М-да... Нравы, — глянув вниз, скептически произнес Джерри.

Мной не то чтобы овладело восхищение, но и спокойным я себя не чувствовал, хотя взирал на все с высоты бота и невероятно далекого для островитян будущего. Чтобы погасить смущение, я философски изрек:

— У каждого народа и у каждого времени свои нравы.

Джерри покачал головой:

— Эх, учитель, будь моя воля, я бы их всех перевоспитал...

— Не нам с тобой это решать...

— К сожалению... А ты, Богомил, похоже, признаешь разумным все, что происходило за долгую историю человечества?

— Не все, далеко не все, Джерри. Но даже в своем заповеднике на Терре ты десять раз обдумаешь последствия, прежде чем предпринять тот или иной шаг. А здесь... Думаю, что никогда еще человечество не стояло перед такой трудной проблемой. Шутка ли, не племя, не группа племен, а целая планета! Сотни тысяч людей со своими взглядами на жизнь, на мироздание, своей философией. Пусть жестокой, пусть ложной, но своей... Смогут ли они понять, принять правду об окружающем мире и не сломаться при этом?

Джерри отчаянно махнул рукой, помолчал и неожиданно с каким-то ожесточением продекламировал:

...И мы стоим миров двух между,
Несем туда огнем надежду...
И пусть нам поступь четверенек

Давно забыта и чужда,
Но я законов неба пленник,
Я самому себе изменник,
Отсюда смута и вражда... *

43. Джеральд Линекер

Богомил поднял бот вровень с крышей дворца. Весь город Посейдона был виден с этой точки. Поблескивала вода в каналах, идеальными кругами обтекающих дворец. Изящными игрушками казались дома знати, размещившиеся во Внутреннем кольце. Выстроенные из розового туфа, украшенные разноцветным мрамором и мозаиками, они казались драгоценными камнями, которые чья-то щедрая рука разбросала по ярко-зеленому полотну садов. Искрились под лучами солнца листья орихалка, укрепленные на крышах. Громада Жертвенного храма чернела у подножия Священной горы, и на ее темном фоне серебрилась скульптура Бога Моря, дерзко вздымавшего к небу свой грозный трезубец. Лачуги бедноты прикрывала вуаль воздушной дымки, скрывавшая их убожество. А дальше, почти у горизонта, синела безграничная гладь океана.

Но любоваться открывшейся перед нами картиной не давало беспокойство о Старадымове, который вместе с толпой прочих «избранников богов» поднимался по ступеням каменной пирамиды. Похоже, восхождение было не из легких. Ступеньки были настолько высоки, что людям приходилось сгибать колени чуть ли не под прямым углом, чтобы переступить по ним. А перевести дух не давали жрецы.

— Натренировались вверх-вниз бегать... — неодобрительно бросил Богомил, показывая на них.

Я не понял и вопросительно посмотрел на него. Геров пояснил:

— Представляешь, в каком состоянии находятся сей-

---

* Стихи В. Хлебникова.

час «избранники»? Ведь им предстоит увидеть Владык Атлантиды — почти небожителей! Сильнейший психологический стресс. А тут еще чертовски трудный подъем на огромную высоту. Добравшиеся до дворца совершенно вымотаются физически, а психологически будут в состоянии, близком к религиозной эйфории. Готовый материал для формирования фанатиков, которые за Посейдона и его служителей пойдут в огонь и в воду.

Белый гиматий Юрия виднелся в середине толпы поднимающихся. Старадымов, стараясь не выделяться, и вперед не лез, и не отставал. Браслеты связи доносили до нас его напряженное дыхание. Видно, даже тренированному спасателю приходилось нелегко.

Наконец «избранники», сопровождаемые жрецами, втянулись в темный квадрат входа, прорубленного в пирамиде у подножия Дворца Владыки. Через несколько минут из микрофонов послышался шепот Старадымова.

— Уф! Отдышался. Ну и гонка! Крепкие, однако, ребята эти атланты.

— Где находитесь? — спросил я, пригнувшись к пульту.

— Ведут довольно широким поднимающимся переходом. Странно, окон нет, но здесь светло. Наверное, где-то устроены потайные щели.

Богомил утвердительно кивнул головой:

— Древние строители знали этот секрет... — закончить он не успел, потому что Юрий снова заговорил:

— Богомил! Какие здесь фрески! Нет, объяснить не смогу, их нужно видеть,— и после короткой паузы: — Все, ребята, умолкаю. Опять лестница. Похоже, скоро увидим божьих детей...

— Браслет не отключай, — на всякий случай напомнил я.

Юрий не ответил, но микрофоны по-прежнему передавали дыхание идущих рядом с ним людей. Я отрегулировал звук на максимальную громкость. Больше делать было нечего. Оставалось ждать.

Минуты тянулись невероятно медленно. Я не отрывал взгляда от пульта управления, поэтому поначалу не понял вопрос Богомила:

— Джерри, посмотри, что это там?!

Я всмотрелся в ту сторону, куда указывал Геров. По улицам Внутреннего кольца спешили отряды вооруженных воинов. Лучи солнца блестели, отражаясь в медных, украшенных накладками из орихалка щитах и высоких гребнях шлемов. Войска уходили через Южный мост и терялись из виду среди лагун Внешнего кольца.

— Что там происходит? — повторил вопрос Богомил.

Экран видеофора приблизил стену, окружающую Великий город, покрытые колючим кустарником холмы, горную гряду, ошетилившуюся вершинами трезубца.

Вышедшие из города войска строились, занимая боевой порядок. Судя по всему, противник должен был подойти со стороны холмов. Но пока их пыльные вершины были совершенно безлюдны.

— Еще отряд, — показал в сторону Жертвенного храма Богомил.

По улице двигалось не менее полутысячи воинов. Жителей не было видно. Внешнее кольцо, недавно еще напоминающее человеческий муравейник, словно вымерло.

Я буквально разрывался между желанием разобраться в сути происходящего в городе и необходимостью находиться рядом с Юрием. В этот момент так долго молчавший микрофон ожил.

44. Юрий Старадымов

Говоря друзьям о фантастической красоте этого храма, я не кривил душой. Золотые листья обвивали покрытые орихалком столбы, вделанные в стены драгоценные камни играли всеми цветами радуги, пускали в глаза

простому люду колючие лучики роскоши. В нос набивались ароматы благовоний, от которых даже у меня, отставного космодесантника, проходившего тренировки в самых различных газовых средах и способного продержаться тридцать две секунды в полном вакууме, начала кружиться голова.

Мои спутники, ошалевшие после нескончаемого подъема, даже не в силах были глазеть по сторонам. Один из них, тот, что шагал впереди меня, выглядел бодрее других, был не слишком робок и не оглядывался на воинов, сопровождающих нас с самыми мрачными лицами. Впрочем, едва ли мы предназначались на съедение какому-нибудь, тоже вышибленному с Земли Минотавру... Больше всего мне хотелось, чтобы нас привели к землянам. Но то были лишь надежды...

Неожиданно мужчина, который привлек мое внимание, повернул морщинистое, обрюзгшее лицо и что-то сказал.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться. Вообще-то, когда не понимаешь, что тебе говорят, чувствуешь себя круглым идиотом. Но выручил Геров:

— Он говорит, чтобы ты не боялся, все будет в порядке.

Мужчина снова заговорил, и, уловив в его словах те же звуки, что и в предыдущем обращении ко мне, я кивнул и улыбнулся более благодарно.

Расценив эти улыбки, как предложение к беседе, обрюзгший приотстал, пошел рядом со мной. Этого только не хватало!

— Он говорит, что уже пятый раз попадает на пиршество, — перевел Богомил речь моего словоохотливого спутника.

Я жестами продемонстрировал свое восхищение. Обрюзгший польщенно замолчал. Воспользовавшись этим, я шепнул:

— Так нас на праздник ведут?

— По всей видимости, — отозвался Геров. В голосе его слышалось облегчение.

— Раз твой напарник попадает туда уже пятый раз, значит, убивать не будут, — констатировал Линекер.

— Спасибо, Джерри, — проникновенно шепнул я.

Обрюзгший, видимо, заметил движение моих губ, вопросительно взглянул.

— Он спрашивает, что ты сказал? — обескураженно проговорил Геров, беспокоясь, как я вывернусь из создавшегося положения.

Вывернулся я просто. Потрепал обрюзгшего по плечу и сказал:

— Э-эх...

Он тоже сказал:

— Хе-хе...

И мы снова зашагали рядом. Казалось, анфиладе залов не будет конца, но так не бывает.

Когда меня подтолкнули к чему-то, напоминающему место для отдыха доброй сотни людей, я не сразу сообразил, что следует делать, но, увидев, как мои спутники валяются на пол перед этим сооружением, и заметив груды съестного и чаши с напитками, понял, что это пиршественный стол.

Обрюзгший отпихнул от себя тощего бродягу, задрاپированного в какое-то рванье, и потянул меня за руку. Я благодарно приложил руку к сердцу, что очень поправилось обрюзгшему, и он, усадив меня рядом, заговорил.

Я виновато улыбался, корчил рожи и в конце концов постарался жестами объяснить, что у меня нет языка. Обрюзгший сочувственно закатил глаза, похлопал меня по плечу, подал чашу, но говорить не перестал.

— Он сожалеет, что ты не можешь быть настоящим собеседником, но видит, что ты парень хороший, — весьма вольно передал смысл изречений нового знакомого Геров.

Пока мы выясняли отношения с моим навязчивым

спутником, во главе стола появился бритоголовый жрец. Тот ли это был, что вчера, или другой, я разобрать не смог.

Жрец, растягивая слова, пропел нечто вроде:

— Радуйтесь, смертные! Вы попали в число избранных! Вас почтят совместной трапезой дети Великого Бога Моря! Радуйтесь! Пейте и ешьте!

Едва этот призыв смолк под потолком храма, как мои спутники принялись за еду. Надо отдать должное неизвестным кулинарам — закуска была стоящая. Лепешки сладки и рассыпчаты, рыба — сама таяла во рту, фрукты зрелы и сочны. Вино... Не знаю, как оно называется у атлантов, но вкус у него совершенно необычен — терпок, горьковат, словно не виноград послужил ему первоосновой, а плод терновника. После первого же глотка у меня зашумело в голове и начались какие-то неполадки с вестибулярным аппаратом... Лишь мобилизовав все приобретенное за годы тренировок умение управлять своим организмом, я вернулся в прежнее трезвое состояние и в дальнейшем уже лишь имитировал глотки.

Зазвенела медь невидимого оркестра. Загудело вокруг, заблестали молнии, появилось свечение... Опять плазменные фокусы! Я близок к тайне!.. Хорошо...

Разверзлась стена, испустила стон, смешанный с красно-синей плазмой. Застыли в самых неожиданных позах, повалились на колени пирующие. Чуть замешкавшись, я последовал их примеру.

Во главе стола неизвестно откуда оказались золотые лежанки, разукрашенные тончайшей резьбой. На них сидели двое.

Половину лица одного из них — полного до того, что жировые складки свисали у него на боках, а груди походили на грудь толстой женщины, скрывала золотая маска. Нижняя губа его была чувственно оттопырена, движения рук замедленны. Второй — тоже в маске, но в серебряной — был более поджар и более энергичен.

Насколько я понял, это и были Владыки Атлантиды.

Чтобы удостовериться в правильности догадки, я тронул за плечо своего обрюзгшего соседа, который уже слегка пошатывался от выпитого, и вопросительно указал в сторону масок.

В глазах обрюзгшего появилось почтение, он сказал негромко:

— Боги. Живые боги. Дети Великого Посейдона.

С этого момента мое внимание сосредоточилось на так называемых богах. Они пили, ели, смеялись...

По знаку жреца, бывшего, похоже, режиссером праздника, в зал вбежало больше сотни полуголых атланток. Они тут же закружились в диком по своему темпу танце. Вздурораженные гости тяжело дышали, шевелили ноздрями, хватали то одну, то другую танцовщицу.

Мой обрюзгший сосед что-то сказал. Богомил смущенно передал смысл его слов:

— Каждый раз, хвастается он, ему удастся поймать самую молоденькую... Он любит молоденьких девушек...

Я хмыкнул. Обрюзгший хотел было подняться и утащить девицу в глубь зала, но выпитое сделало свое дело. Осуществить задуманное не удалось. Девушка змейкой скользнула из его рук, скрылась в толпе танцующих.

— Он говорит, что только благодаря родственнику попадает на это празднество, — нашептывал мне Богомил. — У него родственник — солдат, когда им велят хватать избранных, он хватается за него. Пятый год так... Он... Дальше понес какую-то ахиною...

Я не отрывал взгляда от сидевших во главе стола. Что-то наталкивало меня на мысль, что это земляне. Но объяснить себе причину происшедшей с ними метаморфозы я не мог. Не станет же кто-то из моих знакомых напиваться до отрыжки, нажираться, как свинья, заниматься любовью на глазах у доброй сотни людей, которым надлежит именовать тебя не кем-нибудь, а

Сыном Бога! Ни Джерри, ни Герова на месте этих двух я представить не мог.

Я видел, как к Детям Бога подбежал бритоголовый жрец, как взволновался золотомасочник, как решительно поднялся другой — в серебряной маске. Теперь я мог разглядеть его более спокойно. Ростом он был ниже меня, но гораздо шире в плечах, с могучим торсом зрелого мужчины. Только по движениям можно было понять, да и то тренированному взгляду, что он отнюдь не молод.

45. Богомил Геров

Пляска у подножия храма не стихала ни на минуту, и даже трудно было уловить, когда сменялись танцующие. Но то, что они сменялись, было определено, поскольку иначе они все рухнули бы на землю в изнеможении. Однако мальчишкам, похоже, уже надоела вакханалия взрослых, и они, сбиваясь в стайки, о чем-то перешептывались и потихоньку исчезали с праздника, устремляясь в сторону крепостной стены. Вероятно, вездесущие сорванцы пронюхали о надвигающихся событиях. А к крепостным воротам, стекаясь отовсюду, спешили отряды пеших солдат, мчались боевые колесницы, ошетилившиеся сверкающими на солнце орихалковыми лезвиями, которые были укреплены на колесах. Стражники, нервно и зло орудуя длинными бичами, гнали мальчишек прочь, но те, как я успел заметить, мало-помалу просачивались на стену, откуда открывался вид на плоскую равнину, стиснутую с одной стороны желтоватыми, лишенными растительности холмами, с другой — городской стеной.

Скопление воинов и колесниц постепенно обретало грозную стройность боевых порядков, обращенных лицом к холмам.

Я оторвался от видеофора, потянул Линекера за рукав:

— Джерри...

Голос мой прозвучал тревожно, и Линекер, ни слова не говоря, прильнул к прибору.

— Кажется, что-то начинается, — тихо проговорил он.

Слышавший разговор Старадымов, от которого, очевидно, не укрылось наше беспокойство, коротко спросил:

— Что у вас?

— Юра, тут, по-моему, идет подготовка к сражению, — ответил я.

В этот момент из-за холмов показался столб пыли, будто там прогнали огромный табун лошадей. Во время экскурсии в степи Монголии мне приходилось видеть это впечатляющее зрелище. Однако сейчас было не до восторгов. Несмотря на веселый шум у подножия храма, в горячем полуденном воздухе незримо висела неясная и от этого гнетущая угроза.

— Летите туда, — шепотом бросил Юрий.

— Но... — попробовал возразить Линекер.

Юрий, раздраженный беснующимися вокруг него «избранниками», сердито отрезал, рискуя выдать себя:

— Богомил, надеюсь, хоть ты понимаешь, насколько для Земли важна стереозапись событий?

Я умоляюще отозвался:

— Юра, если тебе будет что-то угрожать, немедленно сообщи!

— Хорошо!

Я уже неплохо управлял спасательным ботом, но сейчас было понятно, что он будет гораздо послушнее в руках Линекера. У него и реакция получше, и глаз острее. Поэтому я освободил место за пультом. Джерри без слов догадался, что нужно делать, и сорвал бот с места.

— Извини, Юра, мы уходим, — пробормотал я.

— Все в порядке, — подбодрил нас Старадымов.

Происхождение столба пыли стало ясно, когда с вершин холмов подобно камнепаду устремились нестройные

толпы плохо одетых и еще хуже вооруженных воинов, когда по ложбинам потекли людские потоки. Изгои Атлантиды выступили против ее владык.

Я с ужасом подумал, что организованному войску, даже вдвое меньшему, чем то, которое поджидало повстанцев у стен столицы, не потребуется больших усилий, чтобы расправиться с кипящими праведным гневом, физически сильными, но безалаберно действующими рабами. Однако вперед выбежал высокий, атлетически сложенный молодой мужчина, поднял вверх короткий меч, и повстанцы разом замерли, потом принялись выстраиваться такими же боевыми порядками, что и противостоящие им войска.

Джерри с восхищением посмотрел на меня:

— Смотри-ка, знает воинскую науку...

Но меня больше удивляло другое. В рядах повстанцев тут и там мелькали женские фигуры, причем женщины были вооружены так же, как и мужчины, и никакой робости не проявляли, напротив, их присутствие, похоже, воодушевляло восставших.

— Может, приостановить эту бойню? — спросил Джерри.

— Нельзя. Этим не решишь их проблем, — с горечью ответил я.

— Тогда надо помочь рабам! — горячо предложил Линекер.

— Это ничего не изменит...

— Ох, Богомил... — почти простонал Джерри.

Я отмолчался.

Грозный гул прокатился по равнине. Вперед выбежали прашники. Засвистели, разрезая воздух, ловко пущенные с обеих сторон камни, слышались стоны и вскрики раненых, но войска не замедлили своего движения.

Пораженный ужасом происходящего, потоками крови, гибелью на моих глазах сотен людей, я не сразу понял, когда в сражении наступил перелом.

Великолепно организованная армия бежала, бросая оружие, бежала с истошными воплями пораженного зверя. Так и не успевшие вступить в бой колесницы сорвались с флангов и наперегонки неслись к распахнутым воротам.

Джерри, потирая руки, радостно подпрыгивал на сиденье, но внезапно его лицо изменилось.

— Серебряный Бог! Серебряный Бог! — прокатилось по смешавшимся рядам, и войска замедлили бегство.

Шарахнулись в сторону, освобождая ворота колеснице, приостановился наступательный порыв повстанцев.

Из ворот вылетела запряженная четверкой белых лошадей колесница, которой правил могучий, но несколько отяжелевший мужчина с волосатой грудью. Верхнюю часть его лица скрывала серебряная полумаска, шевелюра, в отличие от других атлантов, была седоватопегая.

Не успели мы ничего сообразить, как в его руках появился предмет, очень похожий на бластер первого поколения, и тонкий лазерный жгут разрезал пространство. Крики фанатического ужаса огласили равнину. Сотни разрезанных надвое тел повстанцев корчились в предсмертных судорогах, в воздухе повис едкий запах воспламенившейся одежды и человеческой плоти.

Я повис на руке Линекера, метнувшегося к пульту, чтобы нанести ответный удар. Потрясенные увиденным, мы оба не могли унять дрожь.

46. Джеральд Линекер

Обученные убийству солдаты в несколько минут завершили разгром повстанцев. Бегущих рабов топтали конями, пронзали стрелами и копьями, пращники засыпали их градом камней.

Сдавленным голосом я наскоро пересказал Старады-

мь события, свидетелями которых (только свидетелями!) стали мы с Богомилом.

— Это враги, Юра! Слышишь? Враги! Будь очень осторожен! — эту фразу я повторил несколько раз.

Действительно, теперь все было ясно. Люди, которые вели себя так, как негодяй в серебряной маске, не могли быть коммунарами, не имели права называться землянами!

Бот висел над полем, усталым телом павших в кровавой битве. Я не мог заставить себя сдвинуть его с места, не мог отвести взгляда от страшной картины. В эти минуты я прощался с собой прежним, со счастливым, не сомневающимся в правильности выбранного пути Джерри Линекером, прощался с Террой, ее лесами и саваннами. Я знал, что если мне суждено вырваться с Терры Инкогнита, я снова вернусь сюда. Вернусь, чтобы переделать этот исковерканный мир, будь он проклят! Чтобы никогда больше не лились здесь кровь и слезы. Я в долгу перед людьми, живущими на этой планете! В долгу за то, что здесь натворили мои соплеменники, за свое бездействие сегодня, за то, в конце концов, что, несмотря ни на что, я сыт, здоров, чего не могут сказать о себе тысячи и тысячи обитателей этого заблудившегося в веках мира.

— Смотри! — Богомил коснулся моего плеча.

Из-за холмов показались люди. В толпе улюлюкающих победителей, подгоняемые ударами бичей и уколами наконечников копий, медленно переставляя ноги, шли несколько связанных человек — все, что осталось от армии рабов, бросивших вызов владыкам Атлантиды.

Толпа прошла прямо под ботом. Группки мародеров, бродившие по полю, присоединились к ней. Мне показалось, что я узнал человека, идущего впереди группы связанных рабов. Именно он вел отряды повстанцев на штурм Великого города. Спартак Терры Инкогнита... Даже ему мы не могли помочь! Проклятое невмешательство!

Богомил что-то говорил, но я не слушал. Обхватив голову ладонями, я уткнулся лицом в колени, чтобы не видеть и не слышать происходящего.

Когда я наконец взял себя в руки, побежденные и победители уже исчезли за городской стеной. Только четыре солдата, поднимая пыль, плелись по дороге. Похоже, что это были одни из самых жадных мародеров — за спиной у каждого виднелся тюк собранного добра.

Неожиданно на вершине ближайшего холма появилась тонкая фигурка. Девушка бежала к воротам города, лицо ее было искажено выражением такого отчаяния, что я испугался. Группу мародеров она миновать не могла и испуганно отшатнулась, когда здоровенный солдат загородил ей дорогу. Бросив награбленное, верзила грубо схватил девушку. Отбиваясь, она что-то кричала. Но что могла сделать одна девушка с четырьмя сильными мужчинами!

Холодное бешенство охватило меня. Я сознавал, что объективно солдаты ни в чем не виноваты, что они — дети своего времени, своего общества — страшного и жестокого с нашей точки зрения, но привычного и правильного для них. Нельзя было мерить их нашими критериями. Но я больше не владел собой и дрожащими от ярости руками вскинул к плечу приклад карабина. С легким щелчком откинулась крышка бота. В этот момент я не думал о том, что целюсь в человека, я вообще ни о чем не думал, только боялся промахнуться. Первый из четырех негодяев еще опускался в дорожную пыль, когда я всадил парализующую иглу в последнего. Выпустив из рук девушку, он опрокинулся на спину. Мягко опустив бот, я выпрыгнул на дорогу. Поднял девушку на руки и удивился тому, насколько она невесома. Богомил молча принял у меня девушку, осторожно уложил ее на заднее сиденье, включил электронный эскулап. Пока машина, пощелкивая, готовилась выдать результат, я занял место водителя и, подняв бот повыше, огляделся. Вокруг никого не было.

— Обморок. — Богомил перегнулся ко мне через спинку правого сиденья.

— Дай ей снотворного, — посоветовал я, — пусть отдохнет.

Геров вздохнул, хотел что-то сказать, но передумал и молча прижал к тонкому запястью девушки ампулу с вмонтированным шприцем.

47. Юрий Старадымов

Мысль о друзьях не оставляла меня. Что у них? Как они там? Честно признаться, мне начала надоедать эта роскошная гулянка. Приглашенные повеселиться вместе с «детьми бога» дошли, как говаривали в старину, до положения риз. К ароматам благовоний теперь добавился терпкий запах мочи, пролитого вина и уксуса.

Песни стихли, лишь изредка кто-нибудь ревел что-то не мелодичное, но чаще звучало сиплое дыхание пьяных мужчин и вскрики танцовщиц. Кого-то били.

Я сделал вид, что меня сморило вино, прислонился к колонне, прикрыл глаза, наблюдая за происходящим сквозь полуоткрытые веки. Мой обрюзгший сосед храпывал рядом с девицей, которая все время пыталась выбраться из его объятий, но как только она шевелилась, объятия сжимались, хотя обрюзгший продолжал спать.

Человек в серебряной маске ушел, а его соратник по божественному происхождению продолжал упиваться жизнью. Он что-то сказал жрецу, тот выбежал, вскоре вернулся с совершенно голым, если не считать узкой набедренной повязки, смуглым человеком.

Человек поклонился золотой маске, вышел на середину и, когда, взгляды тех, кто мог что-нибудь понимать и видеть, остановились на его жилистой фигуре, медленно воткнул себе в живот поданный воином меч.

Сначала я думал, что это какой-то фокусник, факир,

какие часто веселили правителей в древние времена, но когда полилась кровь, когда синевато-сизые, отливающие перламутром внутренности вывалились наружу, а сам человек, издав восторженный вопль, упал к ногам золотой маски, понял, что ошибся. Это не было фокусом.

Золотая маска съехала набок, руки божьего чада терлись одна о другую, ноздри возбужденно раздувались. Похоже, только подобные зрелища могли возбудить его. Ничто другое не брало.

Некоторые гости шевелились, и я воспринял это как окончание пира. Потихоньку встал, держась в тени, стал продвигаться к выходу. Нужно было воспользоваться случаем и попытаться хотя бы вчерне обследовать дворец.

Я совсем было вышел из зала, но тут в мою грудь уперлись целых три копья. Древки были зажаты в руках бравых воинов, чьи глаза, глядящие из-под блестящих шлемов, не предвещали ничего хорошего. Опустив взгляд, я невесело подумал, что местными жителями владеет какая-то навязчивая идея. Им очень хочется проткнуть бывшего космодесантника, а ныне спасателя Старадымова этими колючими наконечниками.

48. Богомил Геров

Я сидел над спящей девушкой и сам словно находился в сомнамбулическом сне. Я не мог ругать Линекера — он спас человека. Не знаю, что было бы, не опереди он меня. Но я не мог и хвалить Джерри — мы невольно вмешались в развитие событий. Не исключено, что наше вторжение кто-то заметил. Мне хотелось подойти к Линекеру, который, обхватив голову, сидел на самом краю обрыва, и крепко пожать руку, но чувство того, что мы сделали что-то не так, не проходило.

Наконец до меня дошло, что Джерри находится в еще более упадочническом состоянии духа.

Я медленно поднялся, приблизился к нему, положил руку на твердое плечо. Он не обернулся:

— Эх, Богомил, пришлось мне в разных переделках побывать, но брать на себя ответственность за судьбу целого народа... Это выше моих сил...

— Ты все правильно сделал, Джерри... У меня никогда не хватило бы решимости...

— Не знаю, Богомил, не знаю...

Я взглянул на лицо нашей гостьи. Она лежала у входа в пещеру на спальном мешке, который предусмотрительно вытащил из бота Линекер, и ее грудь спокойно приподнималась и опускалась, словно ничего не произошло, словно совсем недавно ей не грозило унижение, а может быть, и смерть, поскольку войска не щадили ни женщин, ни подростков, находящихся среди повстанцев. Однако губы девушки были сурово и скорбно сжаты, густые тонкие брови горестно сдвинуты.

Только сейчас я заметил на ее загорелом бедре неглубокий свежий шрам.

— Джерри, ты, кажется, понимаешь в медицине больше меня...

Линекер бросил быстрый взгляд на девушку, поспешил к боту.

Его решительность сняла с меня оцепенение, и я вдруг вспомнил, что Юрий уже почти четверть часа не дает о себе знать. Опустившись за пульт, я озабоченно произнес:

— Юра, Юра! Как там у тебя?

Старадымов не отвечал несколько томительных секунд. Потом послышался его голос, и стало понятно, что он говорит, прикрыв ладонью рот.

— Они в чем-то заподозрили меня.

— Джерри! — прошипел я, будто и меня могли

услышать в храме. — Оставляем девушку здесь! Быстрее!

Старадымов глухо прервал меня:

— Спокойней, Богомил, спокойнее. Время еще есть.

49. Джеральд Линекер

Старадымова вели вверх по лестнице, которая словно гигантская змея обвивала верхние этажи дворца Детей Бога Моря. Микрофоны молчали, но перемещавшаяся по экрану локатора рубиновая звездочка-вызов браслета связи позволяла нам точно определять место, где находился Юрий. Он был совсем рядом — метрах в трех-четырех — за иссеченной морскими ветрами стеной. Впрочем, с таким же успехом он мог находиться, например, на обратной стороне Луны — все равно мы с Богомилом ничем не могли ему помочь. Наконец, не добравшись каких-нибудь пяти метров до крыши дворца, звездочка замерла. Почти сразу же раздался незнакомый мужской голос, лениво цедивший слова на языке Атлантиды. Мгновение спустя ретранслятор выдал перевод:

— Ты не ошибся, Пол, это двуногое и впрямь не спешит поклоняться перед Владыкой.

Невидимый нам Пол что-то пробормотал так невнятно, что аппаратура, запнувшись на мгновение, сообщила:

— Информация не усвоена.

Зато собеседник, похоже, прекрасно понял Пола, потому что сказал:

— Да, меры нужно принимать. Мы были слишком добры и теперь вынуждены пожинать плоды этой доброты. Ничего! Небольшое кровопускание быстро все поставит на места. Раб вспомнит, что его единственное предназначение — это труд на благо господина, простолюдин

послушно согнет свою поротую спину... а знатные граждане... Впрочем, они и так в нас души не чают!

Кто-то, видимо Пол, захохотал, забулькал, захлебнулся нечеловеческим каким-то смехом. А голос продолжал вытекать из микрофона ретранслятора:

— Кстати... Не пора ли нам отменить это дурацкое сословие «свободные граждане»? Как ты думаешь, Пол? От кого они свободны? От нас?! А?!

Язык говорившего заплетался. Он замолчал, сделал паузу. Следующий вопрос был явно предназначен Юрию:

— Ты кто такой?

Старадымов не ответил.

— Вот как... — Голос теперь напоминал шипение рассерженной змеи. — Сын Бога снисходит до разговора с тобой, а ты позволяешь себе молчать... Уж не из тех ли ты, кто смеет покушаться на величие нашего трона? Об этом мы не подумали... Ты знаком с Яарвеном?

Юрий молчал.

— Помолчи, помолчи... Скоро ты заговоришь. Мы дадим тебе выговориться, а потом разрешим помолчать. Без языка трудно говорить... Впрочем, зачем мертвому язык?!

Снова захлебнулся в приступе идиотского смеха Пол. Потом глухо хлопнула дверь. А называющий себя Сыном Бога говорил и говорил:

— Наверное, тебе интересно будет узнать, что банды Яарвена разгромлены нашими доблестными солдатами, а сам богоотступник взят в плен. Сегодня вечером жрецы принесут его в жертву Посейдону. Но ты ненадолго переживешь любимца рабов. Хочешь знать, что с тобой сделают? Пол сбросит тебя в яму пыток. Перед этим ее устелют толстым ковром из свежесрубленных ветвей дерева-мучителя. Ветви у него очень гибкие, мягкие, правда с одним недостатком — они покрыты огромными ядовитыми шипами. Через несколько минут ты начнешь звать смерть. Но она не будет торопиться. А мы с По-

лом посмотрими на тебя, послушаем, что ты расскажешь...

— Боюсь, что на этот раз вам придется обойтись без этого увлекательного зрелища, — насмешливый голос Старадымова прервал излияния Владыки.

Я замер — Юрий говорил на интерлинге — языке Земли! Пауза тянулась томительно медленно. Микрофоны доносили хриплое дыхание Владыки Атлантиды. Наконец он снова заговорил, тихо, неуверенно, зато на том же языке, что и Старадымов:

— Та-ак, землянин... Добрались-таки... Что же теперь будет?

— А сами вы не догадываетесь? — Юрий перешел в атаку. — Придется отвечать за все здесь содеянное.

— Отвечать! Мне?! — вскинулся собеседник.

— А кому же еще? — ответил Юрий. — Надеюсь, вы не рассчитываете, что отдуваться за вас будет папа Посейдон, который едва ли догадывается о существовании у него столь делового сына.

— Иронизируете... — самозванный Сын Бога Моря неожиданно успокоился. — Что ж, положение у меня не очень завидное. Но один козырь, пожалуй, есть. «Дар богов», как сказали бы здешние олухи-жрецы. И этот козырь — вы! Не поняли?! Где уж вам... Ведь на вашей Земле такое оружие наверняка не в чести! Ладно-ладно, объясню! Яма пыток действительно не про вас, дорогой гость. Но здесь найдется немало темниц, в которых ни одна живая душа не сможет разыскать земного разведчика. Думаю, мои бывшие земляки станут куда сговорчивее, если, конечно, они хотят получить вас обратно целым и невредимым. А может быть, сговоримся, а?

— Ты — мне, я — тебе, — усмехнулся Юрий.

— О, даже такое знаете... Похвально. В том обществе, где я рос, этот принцип всегда был в почете. Мне нужно не так уж и много — главное, чтобы нас с Полом не трогали. Хотя бы лет сорок... Больше мы вряд ли

протянем. А вот вы еще очень молоды. Если будете хорошо себя вести и поможете мне, я завещаю вам власть над этой страной. Передам, так сказать, по наследству. Не верите? Хотите, завтра объявлю вас... ну, скажем, внуком Посейдона?!

— Роскошная биография! — откровенно расхохотался Юрий. — Дедушкой можно гордиться! Вот только папашу я бы себе предпочел иного...

Я понял, что пришло время вмешаться. Старадымова допрашивали в помещении, которое, судя по всему, представляло овальный зал. Стены его напоминали забор из мраморных колонн, установленных на небольшом расстоянии друг от друга. Неширокие щели между колоннами, тянувшиеся от пола до потолка, пропускали в зал воздух и свет. Юрий и его собеседники находились в северной части зала. Значит...

Я наклонился к пульту и негромко произнес:

— Юра, включи капсулу защиты на полную мощность.

— Подожди, — еле слышно отозвался Старадымов.

— Даю тебе три секунды. — Я демонстративно нажал на кнопку отключения связи, давая понять, что разговор закончен.

Богомил быстро щелкнул захватами своего сиденья и кивнул мне. Бот ударил сбоку по колоннам южной стены зала. Толчок оказался гораздо слабее, чем я ожидал. Несколько крупных камней неспешно, как в замедленной киносъемке, сорвались вниз и через мгновение ударились о ступени пирамиды. Об этом я догадался по звуку, потому что бот проломил стену дворца и оказался в зале. Откинув колпак, я с бластером в руке выскочил на мраморный пол.

Юрий совершенно невредимый стоял в противоположном конце зала. Перед ним в роскошном кресле слоновой кости, украшенном золотом, орихалком и еще чем-то, сжимался человечек, с лицом, скрытым золотой маской. Человек вскочил, но я ударил из бластера в пол

у его ног, и он, попятившись, нелепо сел, с ужасом глядя на дымящиеся плиты. Тогда я подошел и сорвал пластину, закрывавшую лицо мерзавца. Обвисшие щеки, бесцветные глаза, белесые ресницы... Он завизжал неожиданно тонким голосом и, не отрывая взгляда от бластера, стал отползать, пытаясь спрятаться за спинкой трона.

50. Юрий Старадымов

Все-таки, когда друзья рядом, чувствуешь себя гораздо увереннее. Появление их было эффектным и произвело впечатление не только на золотомасочного типа, но и на стоящих рядом воинов.

Прийти в себя после столь грозного зрелища они не успели, потому что двух я сразу вывел из игры, а с двумя остальными сделал то же самое чуть позже, пока они пытались осуществить свою мечту — проткнуть меня копьями.

— Ты излишне рискуешь, — укорил меня Джерри. Возможно. Но после того, что я сегодня видел, мне хотелось сделать что-нибудь руками. Например, взять золотомасочника за жирную грудь и потрясти как следует.

Хотя и дотрагиваться до него было противно. Он весь дрожал, словно синтетический студень на виброустановке.

— Юра, с тобой все в порядке? — высовываясь из бота, осведомился Геров.

— Нормально, Богомил, — сообщил я.

— Где второй? — спросил Линекер.

Человек в серебряной маске покинул нас несколько минут назад. Так я и сказал обеспокоенному Джерри.

— Надо его задержать, — кратко произнес он. — У него лазер.

— Лазер?

— Да, — подал голос Геров. — Юра, это невозможно представить! Он резал им живых людей!

— Здесь то же самое проделывали без подобных приспособлений, — грустно заметил я. — Джерри, отпавь этого в багажник!

«Дитя бога» покорно поднялся, косолапо и грузно направился к боту. Джерри довольно бесцеремонно впихнул его в багажное отделение. Богомил, которого всегда коробило грубое обращение с людьми, на этот раз промолчал, и мне даже показалось, что в его глазах мелькнуло удовлетворение.

— Где пульт управления лазерной завесой? — сурово взглянул я на перепуганного золотомасочника.

Он подрагивающей рукой указал на трон:

— В правой ручке...

И хотя я не успел привыкнуть к его устаревшему интерлингу, смысл сказанного понял. Демонтировать самодельный пульт не составило труда. Здесь же находился и источник питания. Проверив его зарядку, я повернулся к друзьям:

— Энергия совсем истощилась. Фокусов пять-шесть показали бы, и все...

— Лазеры еще есть? — надвинулся Линекер на нашего пленника.

— Только у Пола, — прошептал тот.

— Где он может быть? — быстро спросил я.

— В своих покоях...

— Где это?!

Мой взгляд не понравился золотомасочнику, он спрятался за Герова. Но я повторил:

— Где это? Как туда пройти?!

За троном, в нише, оказалась потайная дверь. Самозванный сын бога не соврал. Остановив друзей жестом руки, я пригнулся и быстро скользнул в темный, прорубленный в блоках коридор.

Ход привел меня к другой двери. Я легонько толкнул ее, пробуя, какое нужно усилие, но неожиданно для

меня дверь легко откатилась в сторону, и я увидел ярко освещенное помещение.

Неожиданность никогда не приходит одна. Седоватый мужчина, сидящий на мягких подушках возле искусственного фонтанчика, тоже не ожидал меня увидеть. Он был занят тем, что вставлял в рукоятку лазера элемент питания. Мгновенно сообразив, что, когда он закончит свое рукоделие, шансы наши будут не очень равны, я прыгнул к нему.

Нельзя сказать, чтобы я промахнулся. Ребро моей ладони должно было опуститься как раз в то место, где пульсирует на шее сонная артерия, и в результате этого соприкосновения мужчина должен был бы выключиться на несколько минут, так необходимых мне для того, чтобы запеленать его и доставить к боту. Однако нельзя желаемое выдавать за действительное. Моя ладонь рассекла воздух. Мужчина ушел от удара. И сделал это счесь профессионально. Единственное, что я успел, — это выбить из его рук лазер. За что и поплатился увесистым пинком под ребра.

Все-таки молодость — это дар, который нельзя приобрести ни за какие деньги. Не знаю, кто бы вышел победителем в нашей схватке, если бы противник был моложе...

Удары его были жестки и направлены в жизненно важные органы. Направлены на поражение противника. Меня тренировали физически, тренировали для самообороны. Его же учили убивать. Это я уловил сразу и стал предельно осторожен.

Видимо, он, в свою очередь, понял, что затяжная борьба истощит его силы, и поэтому решил воспользоваться техникой.

Это была ошибка. Потому что реакция у меня лучше.

— Юра! Остановись! — закричал Геров, появившийся в просвете потайной двери. — Остановись!

Сделать это было трудно, но я сделал. И тотчас горячая волна стыда обожгла лицо. Не-ет, Старადымов,

тысячи раз правы были врачи, не выпустив тебя в космос! Опуститься до уровня этого мерзавца, чувствовать наслаждение от избиения... Позор!

Вдвоем мы донесли пленника до зала. Толстяк, увидев компаньона в столь печальном состоянии, взволновался еще больше. Впрочем, как читалось на его жирном лице, боялся он за свою судьбу.

51. Богомил Геров

Как и предполагал, мы провозились с этими двумя типами слишком долго, и снотворное, которое я впрыснул нашей гостье, чтобы не слишком тревожить ее психику новизной впечатлений, уже перестало действовать.

Девушка проснулась и взволнованно металась по пятачку перед пещерой, то и дело опасливо заглядывая в пропасть.

Как ни перепуган был «Золотой Бог», он не удержался от сладострастного восклицания:

— Ого, какая птишка попала в тенета!

Джерри так глянул на него, что он разом прикусил язык и вжался в сиденье. Я обратился к Старадымову:

— Юра, надо отключить оптическую невидимость. Лучше мы приплывем по воздуху, чем явимся ниоткуда.

Метров за сто до пещеры он исполнил мою просьбу.

Девушка испуганно застыла, потом медленно опустилась на колени, ее глаза с голубоватыми белками расширились, руки молитвенно прижались к груди.

— Богомил, попробуешь с ней поговорить, — приказным тоном сказал Юрий.

Я вздохнул, так как понимал, что разговор с девушкой будет ничуть не легче, чем допрос пленников.

— Мне нужен будет ретранслятор речи.

Старадымов кивнул:

— Я думаю, с этими... мы и без ретранслятора найдем общий язык...

Толстяк, который еще совсем недавно именовался «Золотым Богом», лъстиво разулыбался, подтвердил на ломаном интерлинге:

— Безусловно, конечно.

Юрий аккуратно приземлил бот на краю площадки, откинул колпак. Толстяк, охая, кряхтя и опасливо поглядывая на пропасть, перевалился через борт. Второй пленник сделал это несколько решительнее. И оба, попукаемые Линекером, поплелись вниз по склону. Туда же пошел Старадымов.

Я включил ретранслятор речи и перевел взгляд на девушку, которая продолжала стоять на коленях, заломив руки, с полными слез глазами.

— Здравствуй, — не зная, с чего начать, но зная, что островитяне не употребляют в речи «вы», проговорил я.

Девушка упала ниц, восторженно воскликнула:

— Здравствуй, о, Могущественный Бог!

Очевидно, она не могла решить, каким же богом я являюсь, поэтому придумала нового, еще неизвестного островитянам — «Могущественного».

Смушаясь, я попросил ее подняться и лишь после этого попытался убедить, что я всего-навсего простой смертный:

— Разве я похож на бога? Я такой же человек, как и ты. Меня зовут Богомил.

Глаза девушки взглянули с детской недоверчивостью, будто она была ребенком, а взрослый, который с ней разговаривал, хотел ее убедить, что он тоже маленький мальчик.

— А как тебя зовут? — подойдя ближе, спросил я.

Не могу поручиться за правильность перевода, ведь перевести имя и сохранить его поэзию затруднительно даже для ретранслятора речи. Однако он сообщил:

— Живущая У Моря.

— У тебя есть родственники? — пытался я разговаривать пугливую собеседницу.

Она опустила голову, и волосы волнами скользнули по ее плечам:

— Нет, они все умерли, а я за долги попала в рабство...

— Но ты сражалась против него, — не скрывая восхищения, проговорил я.

— О, Могущественный! Мой возлюбленный сказал, что пришло время, когда Боги ждут от нас победы и нашего освобождения!

— Твой возлюбленный? — неосторожно переспросил я.

Живущая У Моря внезапно рухнула на колени, едва сдерживая рыдания, взмолилась:

— О, Могущественный Бог! Спаси его! Они хотят казнить Тихого Ручья.

По интонации я понял, что под Тихим Ручьем следует понимать имя возлюбленного. В том, что девушка по-прежнему называла меня богом, не было ничего удивительного, слишком много загадок было для нее в нашей одежде, в боте, на котором мы приплыли. Однако я не смог сдержать раздражения, видимо, сказалось нервное перенапряжение дня.

— Не бог я! Не бог! Понимаешь? Такой же человек, как и ты!

— Но ты можешь спасти его! — с отчаянием воскликнула девушка. — Других они только накажут, закуют в цепи, а его — непременно сбросят в Священный колодец! Спаси его!

Я наконец догадался, о ком идет речь:

— Тихий Ручей руководил повстанцами?

— Да, — виновато ответила девушка, будто боясь, что бог — такой тип, от которого не жди милосердия, если ты восстал против рабства.

Ответ мне дался нелегко, но я сказал правду:

— Живущая У Моря, ничего не могу тебе обещать. Мне нужно посоветоваться с товарищами.

Однако девушка, уловив крошечную надежду, залилась слезами благодарности, кинулась, чтобы поцеловать мне ноги, и пришлось спасаться бегством.

52. Джеральд Линекер

Они сидели, отвернувшись друг от друга, под деревом и упорно смотрели на раскинувшийся у подножия горы Великий город. Заслышав наши шаги, быстро, я бы даже сказал, с готовностью, повернулись и встали. Юрий махнул рукой, но они продолжали стоять, подобострастно глядя на нас.

— Сядем, — предложил я, и они послушно опустились в траву.

— Как вас зовут? — спросил Старадымов.

— Джо Маноло, — быстро ответил толстяк.

Юрий перевел взгляд на второго пленника.

— Пол, — коротко отрапортовал тот.

Маноло неожиданно хихикнул и добавил:

— Пол Айкен или Пол Громила, как вам больше понравится.

Я перехватил полный ненависти взгляд, которым наградил «сына бога» компаньон.

— Как вы попали на эту планету? — спросил Юрий.

После короткого молчания ответил Маноло. Бесспорно, ему принадлежала основная роль в этом дуэте:

— Случайно. Летели из Претории во Флориду и вдруг оказались здесь. Сначала чуть с ума не сошли от испуга. Люди мы далекие от науки, даже представить что-либо подобное не могли.

Могло быть и такое. Мы-то ведь тоже попали на Терру Инкогнита неожиданно. Но мне не нравилось, как внимательно следил Маноло за выражением наших лиц, как заглядывал нам в глаза, словно проверяя: поверили или нет.

— Есть здесь еще земляне? — спросил я.

Ответил снова Маноло, Пол явно предпочитал отмалчиваться.

— Нет, больше мы никого не встречали. Разве что вас...

Вот это уже явная ложь! Я хотел было спросить про земной бот, посетивший вчера Посейдонию, но не успел. Юрий торопливо перевел разговор на другую тему. Похоже, он не хотел сразу раскрывать все наши карты.

— Сколько лет вы здесь?

— Трудно сказать, — пожал плечами Маноло, — у местных дикарей свой отсчет времени. Наверное, лет девяносто.

Пол кивнул, выражая свое согласие со сказанным.

— Расскажите-ка все подробнее, — потребовал Стадымов.

— Попробую, — с готовностью заговорил Маноло, — хотя это не просто. Представляете, что мы ощущали, когда поняли, что вернуться на родную Землю не можем? Это был такой удар... Потерять все, что имели... Ужас, ужас... Эти атланты — люди жестокие, кровожадные. Их и людьми-то называть нельзя! Обычные дикари. Они хотели нас убить...

— Но вовремя передумали и избрали своими владыками. Да еще установили ваше родство с богами, — насмешливо заметил я.

— Да! — истерически выкрикнул Маноло. — Мы обманули их! А что еще можно было сделать? Вы видели Жертвенный храм? Они на все готовы, лишь бы не выпустить власть из своих рук. Они уничтожили бы нас не задумываясь, принесли в жертву своим отвратительным богам! А мы хотели жить! Пришлось лгать, изворачиваться. Что же нам, в пахари следовало податься? Горшечником стать? Так не умею я горшки лепить!

— Править страной, конечно, проще, — опять не удержался я.

Маноло прижал руки к груди:

— Да не правили мы! Все делали, прикрываясь нашим именем, жрецы. А мы... Я, например, так и не разобрался, по каким законам живут эти скоты. Они сами сделали из нас живых богов. Зачем? Откуда я знаю. Значит, так им было выгодно.

— А вам? — меня буквально тошнило от этого бесовского лгуна.

— Нам?.. — Маноло поперхнулся было собственным враньем, но тут же нашелся: — Много ли нам нужно? Чтоб было где поспать, покушать... А все эти празднества, так их жрецы требовали...

— Зачем? — спросил Юрий.

Маноло наивно улыбнулся:

— Не знаю... Наверное, они считали, что это необходимо. Народ ведь нужно держать в руках.

— Вам?

— Зачем нам? Ну зачем нам это? Им... Все им...

— Жрецам?

— Ну да...

Толстяк прекрасно понимал, что мы ему не верим, но упрямо продолжал лгать, неизвестно на что надеясь. Пол упорно молчал.

— В чем вы еще помогали жрецам? — спросил Стардымов.

Маноло скорбно вздохнул:

— Вы не верите нам... Поймите же, фактически мы были заложниками жрецов и должны были выполнять все, что они требовали.

Я почувствовал, что в горле у меня стало сухо от ярости:

— Стрелять... стрелять по восставшим... вас тоже заставили жрецы?

Маноло не ответил. Втянув голову в плечи, он остро и зло поблескивал на меня глазами. Пол смотрел в сторону.

53. Юрий Старадымов

Вопросы и ответы записываются аппаратурой бота. Об этом я позаботился. Хотя ценность беседы весьма сомнительна. Не верю я этим... Назвать их людьми язык не поворачивается. Жирный и трясущийся Маноло отвечает подобострастно, прихихикивая, лебезя, путаясь в позабытом интерлинге. Хмурый Айкен упорно молчит и все время поглядывает в мою сторону. Пусть смотрит. Если понадобится, я ему задам трепку. Но не думаю, что до этого дойдет. Он явно относится к категории людей, которые сильны над слабыми, а перед сильными — слабы. Поэтому на открытый бунт не осмелится, не станет рисковать здоровьем. А Маноло все врет и врет... Как же заставить их говорить правду? Не доводилось мне допрашивать. Да и у Линекера такого опыта нет...

Послышались шаги, и я увидел торопливо спускающегося по склону Герова.

— Юра! Джерри! — выдыхает он, но, покосившись на пленников, делает неопределенный жест. — У меня важное сообщение.

Оставлять Линекера с этими типами мне не хочется. Мало ли... Он же привык иметь дело с дикими зверями, а те во много крат порядочнее этих...

Богомил и Джерри уходят. Пленники провожают их взглядами, потом смотрят на меня.

— Вы нас убьете? — мрачно интересуется Айкен.

Маноло, сжав толстые, увенчанные длинными изогнутыми ногтями пальцы, тревожно ждет моего ответа.

— Нет, — говорю я. — Хотя стоило бы.

Айкен облегченно вздыхает, поводит не потерявшим силы плечом:

— Я бы убил... И тебя, и тех...

— Почему? — не могу удержаться я от вопроса.

Айкен морщит лоб, видно, как от непривычной мозговой деятельности лицо его покрывает румянец напряжения:

— Врага нужно убивать, а то он убьет тебя...

— Но это логика преступника.

Айкен пожимает плечами.

— Шутит он, — пытается спасти положение Маноло.

— Я так и понял, — говорю я.

Пленники затихают. Я тоже молчу, обдумывая услышанное от них. Рассказали бы мне раньше подобную историю, не поверил бы. Честное слово... Не могу представить себе этих двоих в нашем обществе. Дойти до такой степени деградации! И это люди...

Линекер появился внезапно и, даже не сообщив мне, о чем они там с Богомилом секретничали, направляется к Маноло.

— Это правда, что выступивших против вашей власти казнят?

— Д-да... — запинаясь, отвечает Маноло.

— Их сбрасывают в Священный колодец, — уточняет Айкен.

— Это вы придумали?! — гневно выступает из-за спины Джерри Геров.

— Нет, — отрицательно качает головой Маноло.

— У них так давным-давно заведено, — подтверждает Айкен.

Геров морщится, но спрашивает:

— Казнят в определенное время или как вздумается? Маноло гордо выпячивает жирную грудь:

— Порядок нужен во всем. Казнят с заходом солнца. Это красивое зрелище. Навевающее легкую грусть. После казни я люблю слушать пение. Голоса у девушек нежные, фигурки тоненькие...

Я смотрю на него как на ненормального.

— Хватит! — рычит Линекер.

Маноло вздрагивает, придвигается к своему приятелю, но Айкен словно не замечает его движения.

Геров поворачивается ко мне:

— Юра, надо спасти Тихого Ручья!

— Кого? — непонимающе переспрашиваю я.

— Бунтовщика Яарвена, — услужливо пояснил Маноло. — Он уже третий раз поднимает рабов. Такой упорный...

Теперь и я вспоминаю, что слышал это имя там, во дворце.

— Ясно, — обрываю разглагольствования толстяка. — Что будем делать с пленниками?

Маноло смолкает на полуслове. Геров, кажется, не задумывался над этим вопросом, потому что, слегка опешив, переводит взгляд с задержанных «детей бога» на меня и обратно. Линекер тоже не торопится с высказываниями. Тогда говорю я:

— Пока вы совещались, выяснилось, что нас при подобных обстоятельствах наверняка лишили бы жизни.

Геров растерянно теребит бородку:

— Как это?

— Просто, — деловито говорит Айкен. — Можно голову отрубить, можно удавить петелькой, а еще можно надвое разорвать... или залить в глотку расплавленный орихалк...

— Тебе бы залить! — неожиданно вскидывается наш добродушный учитель. — Мерзавец!

Чтобы уберечь нервы Богомила от новых потрясений, которые могут отрицательно сказаться на его дальнейшей профессиональной деятельности, отвожу Герова в сторону. Он послушно уходит, хотя остаться ему хочется.

Присмиривший Айкен понуро сидит рядом с Маноло. Тот уже сотрясается не только телом, но, кажется, и внутренностями, потому что от него начинает мерзко пахнуть.

54. Богомил Геров

Линекер взгляделся в голубые просторы океана, среди которых показался небольшой островок, поросший пальмами, и повернулся к Юрию:

— По-моему, вполне подходящее местечко.

Тот кивнул и повел бот на снижение. Пленник, ранее щеголявший в серебряной маске, первый сообразив, что к чему, многозначительно глянул на толстяка. Тот плаксиво посмотрел на меня:

— Что вы собираетесь с нами делать?

Пока я раздумывал, как смягчить ответ, Старадымов спокойно информировал пленников:

— Высадить на остров.

— Он же необитаемый! — с дрожью воскликнул толстяк.

— Вот это и хорошо, — злорадно заметил Джерри. — Хоть никому не сможете напакостить.

— А чем же мы будем питаться? — возопил развенчанный «сын бога», которого, похоже, этот вопрос волновал более всего.

Джерри рассудительно проговорил:

— Насколько я понимаю, на острове во множестве растут прекрасные кокосовые орехи, бананы... Вот, видите, есть гигантские черепахи, будете употреблять в пищу черепашьи яйца. Надеюсь, вы не крысы и не сможете причинить непоправимого вреда местной фауне. Просто не в ваших силах размножиться и истребить все яйца этого ценного вида.

Второй пленник оказался более практичным. Смекнув, что дело решено, он решил поторговаться:

— Хотя бы продукты какие-нибудь оставили, горелку, чтоб эти чертовы яйца готовить.

Линекер хохотнул:

— Богомил, я в детстве читал занятную книжку, называлась, кажется «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Как думаешь, в ней есть дельные советы?

Я специально попросил Юрия, чтобы во время разговоров он включал ретранслятор речи. Этим я надеялся добиться двух результатов: во-первых, нужно было окончательно убедить Живущую У Моря, что мы отнюдь не

боги, а во-вторых, хотелось, чтобы она не чувствовала себя одинокой в нашем обществе, что непременно случается, когда спутники говорят на другом языке.

Девушка, слушавшая с интересом, о чем говорит Линекер, при упоминании о мужике и генералах недоуменно воззрилась на меня. Я попытался, как мог, объяснить:

— На остров, где никто не жил, случайно попали два господина и один раб. И, как и прежде, раб стал их обслуживать, готовить пищу, от которой ему доставались объедки...

Толстяк с искренним возмущением прервал меня:

— Но у нас же нет мужика!

— Ничего, обойдетесь своими силами, — успокоил его Джерри.

Живущая У Моря робко коснулась моего плеча:

— Как же они там будут одни, без людей?

— Они давно одни, — ответил я.

Когда бот опустил на горячий песок, Старадымов приказал бывшим владыкам выходить, подал на прощанье горелку:

— Запаса энергии хватит до конца ваших дней.

Девушка с жалостью смотрела на все уменьшающиеся фигурки до тех пор, пока островок не исчез из виду. Кажется, она уже окончательно уверовала в то, что с ее возлюбленным ничего страшного произойти не может. Впрочем, это было вполне объяснимо. Слишком много чудесного произошло на ее глазах.

Старадымов вел бот на предельно возможной скорости, какая позволяла девушке чувствовать себя нормально, если можно считать нормальным, когда человек расширившимися от благоговейного трепета глазами смотрит на мелькающие внизу ленивые океанские волны. Вскоре бот понесся над островом, и девушка с еще большим испугом прижалась лбом к прохладному стеклолиту колпаку, так как над сушей скорость ощущалась острее.

— Юрий, толпы уже стекаются к храму, — поторопился я.

— Вижу.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Живущая У Моря, первая увидев отделившуюся от угрюмого здания без окон толпу стражников, среди которых гордо шествовал ее возлюбленный. — Яарвен!

— Вижу, — сосредоточенно отозвался Старадымов.

— Спасите его! — схватила меня за рукав девушка, видя, что процессия неумолимо приближается к жертвенному колодцу, диаметр которого был около десяти метров, а глубина, как сообщил Юрий, промерив колодец эхолокатором — пятьдесят семь.

— Не волнуйтесь, — с улыбкой обернулся Старадымов и, кажется, вселил в нашу спутницу уверенность. Во всяком случае, мой рукав она отпустила.

По мере приближения процессии гневный гул толпы все возрастал. Кое-где были слышны ликующие крики.

— Чему они радуются? — хмуро проронил Линекер.

— Радуются свободные граждане, а рабов сюда не пускают! — с неожиданной смелостью воскликнула Живущая У Моря.

— Все равно, — буркнул Джерри, который никак не хотел принимать историю такой, какая она есть.

Бот поплыл над самыми крышами. Девушка беспокойно подалась к Старадымову:

— Они нас увидят!

— Это невозможно, — ответил тот. — У нас есть такая штука, которая не позволяет им ничего видеть.

— Вроде шапки-невидимки, — подсказал я, пытаясь припомнить, было ли нечто подобное в античной литературе.

Но девушка поняла, разулыбалась. Однако тут же снова встревожилась, видя, что бот начал медленно опускаться в жерло жертвенного колодца.

— Не беспокойся, — пояснил я. — Мы поймаем Яарвена внизу. А колодец этот — самая обычная вещь,

наподобие пещеры, только вертикальной. Он образовался сам собой.

— Стены только потом закруглили, — добавил Джерри и поглядел на Старадымова: — Силовую сеть включил?

Юрий молча кивнул. Внезапно наверху наступила мертвая тишина. Мелькнула на фоне кажущегося отсюда белесым неба распластанная фигура. Девушка в ужасе спрятала лицо в ладони, но не проронила ни звука.

55. Джеральд Линекер

Мы сидели в ставшей нашим домом пещере, освещенной теплым светом, исходящим от бота. Над Атлантидой давно опустилась ночь. Спал Великий город. А нам было не до сна. Что-то подсказывало мне, что наше пребывание на Терре Инкогнита близится к концу. Правда, неясно было, чем все кончится. Я смотрел на сосредоточенное лицо Старадымова, на задумчиво пощипывающего бородку Герова и знал, что их беспокоят те же мысли.

Ярвен, так и не поверивший в то, что мы не боги, молча сидел у стены, бережно придерживая рукой прижавшуюся к нему Живущую У Моря.

— Ты ведь чистокровный атлант, Ярвен? — прервал молчание Богомил.

— Да, Великий. — Ярвен упорно именовал нас этим нелепым титулом.

— А кто были твои предки?

— Это долгая история, Великий...

— Ничего, расскажи, если можешь...

— Много лет назад Атлантида была разделена на десять частей. Владыками одной из них были мои предки. Это были благословенные времена. Корабли атлантов властвовали над Морем Среди Земель, доплывали до громадного острова, лежащего на Закате за Истинным

Морем. Наши армии доходили до Азии и страны Та Кем. Никто не мог противостоять солдатам Великой Атлантиды. Несметные сокровища, тысячи тысяч рабов стекались в Посейдонию. Богато и беззаботно жили атланты. Но боги разгневались на наших предков. На небе появилась хвостатая звезда. Она становилась все больше, все страшней. Люди Атлантиды приносили богам богатые жертвы, но не смогли смягчить их гнев. И наступил тот бедственный день. Земля содрогнулась, как от удара, горы изрыгнули огненные потоки, воды моря вздыбились до небес... Много людей погибло. О многих мы так ничего и не знаем. Где доблестные воины, побеждавшие врагов Атлантиды в далеких землях, где отважные моряки, не знавшие страха? Что случилось с ними? Об этом знают лишь боги. В те горестные дни закатилась звезда славы Атлантиды. Морская вода отказалась поддерживать на плаву корабли атлантов, и с тех пор ни один из сынов моего народа не покидал родины. Рабов не хватало, некому стало обрабатывать плодородные поля и возводить величественные здания. Роды, прежде богатые и могущественные, впали в разорение и нищету. Такая доля выпала и моим предкам...

— Как ты стал рабом, Ярвен? — спросил Богомил.

— В первый раз меня продали за долги, — ответил атлант. — Через год родственники сумели собрать нужную сумму, и я снова стал свободным человеком. Но за этот год я кое-что понял. Например, то, что рабы тоже люди. Поэтому, когда один из моих соседей убил раба, я не выдержал.

— Что же, за убийство ему ничего не было? — вступил в разговор Старадымов.

— Жрецы Посейдона велели ему принести жертву — новорожденного поросенка. Он принес его в храм, и жрец смазал руки убийцы кровью поросенка.

— И все?

— Да. Я услышал, как он смеялся, рассказывая про

этот случай друзьям. Я ударил его. Но не рассчитал силу.

— А что было потом?

— Родственники убитого требовали казнить меня. Но я принадлежу к очень древнему роду. Тогда меня снова сделали рабом. Через месяц я бежал от хозяина...

— Скажите, Яарвен, — заговорил Юрий, — если бы рабам удалось ворваться в город, что бы вы сделали?

Атлант с силой сжал ладони рук.

— Я бы уничтожил храмы Посейдона, казнил всех его служителей. Почему мы должны поклоняться богу, который ненавидит мой народ?! Он не выпускает корабли атлантов в море! Жрецы говорят: терпите, Посейдону нужны жертвы... Сколько можно приносить жертв! На Олимпе много богов. Поклоняться нужно всем! Этого не хотят жрецы. Когда-то они были хранителями мудрости, могли рассчитывать ход звезд по ночному небу, предсказать, когда пойдут благословенные дожди... Нынешние жрецы не могут ничего, только говорят: терпите, или — нужны жертвы!

— А что стало бы с жителями Посейдонии? — спросил я.

— Мы освободили бы рабов. А хозяева... Им и их отпрыскам пришлось бы испытать на себе, что такое рабство, сменить дома, покрытые орихалком, на хижины. Но ведь это справедливо! И потом, должен же кто-то трудиться на полях и в каменоломнях.

— Ну, а Владыки Атлантиды? Какая судьба ждала их?

Яарвен с недоумением посмотрел на меня:

— Великий, как может смертный поднять руку на сына Повелителя Моря? Мы отнесли бы к ним с почетом. И кто знает, может быть, они убедили бы грозного Посейдона милосерднее относиться к атлантам. Тогда другие бессмертные будут получать жертвы не за его счет.

— Что же вы будете делать теперь? — спросил Юрий.

— В Атлантиде много рабов. И они пойдут за Яарвен-ном, особенно теперь, после того, как могущественные боги спасли меня от смерти. Великие! Клянусь, что вы займете самые почетные места среди богов Атлантиды!

— Мы не боги, Яарвен, — устало проговорил Богомил.

Вместо ответа атлант склонился до земли.

— Девушка устала, — произнес Старадымов. — Да и на твою долю, Яарвен, сегодня выпало немало испытаний. Вам необходимо отдохнуть.

— Слушаюсь, Великий, — ответил атлант. — Если позволишь, мы ляжем под деревом снаружи.

— В пещере всем хватит места. Под деревьями полно змей. Отдыхайте. А нам нужно обсудить свои дела. Мы выключим говорящую машину, чтобы не мешать вам.

— Слушаюсь, Великий, — покорно повторил атлант.

56. Богомил Геров

Мы понимали, что спасение Яарвена будет для него очень сильным стрессом, ведь он в то мгновение, когда его швырнули в колодец, наверняка распрощался с жизнью. Но это был единственный способ, который позволял спасти вождя повстанцев, практически не вмешиваясь в развитие событий. Теперь островитяне были уверены, что Яарвен погиб, и все должно было пойти своим чередом. Жрецы явно не очень опечалятся исчезновением двух «Богов» и станут управлять страной как и прежде, возможно даже, поручат кому-нибудь в торжественных случаях являться перед народом в золотой и серебряной масках, подобрав для этого кандидатуры соответственного телосложения. Правители по-прежнему будут ссылаться на «Богов», добиваясь повиновения сограждан. Рабовладельцы останутся до поры до времени рабовладельцами, рабы — рабами. А дальше, дальше судьбу острова будет решать Всемирный Совет, для

которого могут сослужить неплохую службу нами добытые материалы.

У меня было и еще одно опасение — как бы сердце Яарвена не отказало еще до того, как мы поймем его в силовую сеть и успеем кое-что растолковать. Но, соглашаясь на проведение этой операции, я вовремя вспомнил слова знаменитого мыслителя древности Сенеки, говорившего, что глупо умирать прежде, чем придет смерть. Вспомнил и успокоился, понимая, что вождь восставших не может быть тем, кто умирает раньше смерти.

Теперь Яарвен и Живущая У Моря сидели в углу пещеры, прижавшись друг к другу плечами. Похоже, они забыли обо всем на свете. Предусмотрительно отключенный Юрием ретранслятор молчал. Возлюбленные говорили и говорили. Их речь лилась плавно и вдохновенно, словно мы слышали волнующий говор природы.

— Ни дать ни взять — голубки, — сказал Линекер.

Смысл сказанного был иронический, и, зная склонность Джерри к едким замечаниям, я недовольно взглянул на него, но на лице товарища витала самая добрая и искренняя улыбка. Он был зоологом, поэтому, вероятно, вложил в свои слова отнюдь не переносный смысл.

— Похоже, здесь нам больше делать нечего, — задумчиво произнес Старадымов. — Все, что могли, мы сделали.

— Куда теперь? — подал голос Линекер.

— Нужно искать следы загадочного бота, его хозяев.

— А эти... владыки ничего о них не рассказали? — спросил я.

Старадымов отрицательно покачал головой.

— Надо было все же наведаться к ним. Посмотреть, как они там устроились, — продолжал я.

— Не хватало ради этого энергию расходовать, — саркастически заметил Джерри.

— Утром слетаем, — отозвался Юрий, — необходимо узнать от них правду.

— Айкен вряд ли что-нибудь скажет, — поделился сомнениями Джерри, — ты заметил, Юра, как он обнаглел после того, как убедился, что его жизни ничего не грозит?

— Зато Маноло — трус изрядный, — ответил Старадымов, — ручаюсь, что он ничего скрывать не будет.

— Правды у него, как у змеи ног, не найдешь, — буркнул Линекер.

Маноло и Айкен... Днем я даже не удосужился спросить, как зовут бывших владык. Почему же эти имена мне так знакомы? И почему вслед за ними память услужливо подсказывает еще одну фамилию — Веркюисс? Догадка была столь невероятна, что я растерялся. Потом схватил Старадымова за плечо:

— Юра! Ты хорошо помнишь рассказ моего деда?

Старадымов непонимающе посмотрел на меня, пожал плечами:

— Я не дослушал запись. Только начал. А в чем дело?

Но я уже лихорадочно вставлял кристалл с записью в фонограф.

57. Рассказ Последнего Опера

...Вот, Богомил, и пришло мое время писать мемуары...

Грустное это, конечно, занятие. Если бы кто-нибудь лет эдак тридцать назад попробовал мне сказать, что я сяду перед диктофоном и, глядя на бездушную коробочку, начну раскрывать душу, я просто поднял бы такого чудака на смех. Но этот час наступил, точнее, незаметно подкрался...

То, о чем я тебе хочу рассказать, тяжелым грузом лежит у меня на совести. Официальные материалы расследования еще долго будут храниться в архиве. Такова уж судьба этого несчастливой для меня дела. До сих пор не могу простить себе... Ни преступника не нашел,

ни толком не разобрался в том, что произошло. Как говорится, труп налицо, а виновного и след простыл, словно сквозь землю провалился проклятый Веркрюисс.

Многих моих современников в жар бросает при слове «убийство». За долгие годы работы в Отделе по борьбе с искоренением преступности я с этим жестоким словом свыкся, наверное, произошла обыкновенная профессиональная деформация. Но вот такого, чтобы убийца через день-другой не пришел каяться, я что-то не припомню. Бывало, руководитель нашего отдела по несколько дней не разрешал задерживать преступников, зная, что рано или поздно они сами явятся с повинной. Давал, так сказать, людям, преступившим закон, самим осознать содеянное. Теперь-то я понимаю, насколько он был прав, давая злоумышленникам возможность самим осознать весь ужас, всю неестественность того, что они натворили.

Но в убийстве профессора Батгуула шеф сразу учуял что-то такое, что заставило его испросить у Совета санкцию на неограниченные полномочия. Однако все принятые нами попытки были тщетны. Нет, одна из версий, выработанных нами еще в самом начале расследования, оказалась верной, но... Впрочем, лучше рассказать обо всем по порядку.

В то лето, Богомил, мы с твоей бабушкой отдыхали на пляжах Кубы. Просто лежали на горячем песке, смотрели друг другу в глаза, а когда до нас доходило, что еще немного, и мы сваримся от палящего солнца, бросались в ворчливо накатывающиеся на берег волны океана.

Слух у меня был тогда что надо. Я вынырнул далеко от берега, но услышал тоненькое попискивание индивидуального устройства связи. Очевидно, это отразилось на моем лице.

— Что случилось? — разом оборвав смех, встревожилась Мария.

Я улыбнулся и сделал вид, будто ничего особенного не произошло, хотя сразу понял — сигнал был вызван

чрезвычайными обстоятельствами, так как ничто иное не могло заставить начальство выйти со мной на связь на пятый день моего отпуска. Чтобы успокоить Марию, я нарочито медленно выбрался из воды, ленивой походкой приблизился к сложенным под раскрытым тентом вещам, щелкнул тумблером ИУС:

— Начальник группы «Перехват» слушает.

— Здравствуй, Асен, — голосом шефа ответило устройство связи. — Как отдыхается?

«Если шеф начинает издали, дела совсем плохи», — мгновенно пронеслось в моем мозгу.

— Жарковато, — отозвался я. — А в целом ничего...

Шеф не любил длинных предисловий. Вероятно, считал, что руководители групп должны понимать его с полуслова.

— Асен, с минуты на минуту появится бот. Отвезешь Марию в Гавану или куда она пожелает, а сам вместе с Дэйвом отправляйся на Сейшелы. По дороге он обо всем тебя проинструктирует.

Я взглянул на небо, так как сообразил, что бот может в любую секунду показаться на горизонте, и замахал рукой Марии, чтобы она поспешила одеться. Потом ответил шефу:

— Все ясно, Владимир Семенович.

— Передай привет Марии. Завтра утром жду тебя в моем кабинете в семь ноль-ноль. Всего хорошего.

— До свидания.

Богомил, твоя бабушка была редким человеком. Ни тени обиды не появилось на ее лице, когда она узнала, что придется прервать отдых. Наоборот, принялась успокаивать меня, убеждая, будто с удовольствием снова окунется в проблемы своей лаборатории. Впрочем, она действительно любила свою работу, причем так, что я даже иногда ловил себя на том, что начинаю ревновать ее к вычислительным машинам.

...Нельзя сказать, чтобы Дэйв был мрачен. Во всяком случае, он изо всех сил старался показать, что это

не так. Много шутил, был очень предупредителен с Марией, но меня обмануть не смог. Я слишком хорошо знал своего заместителя. Уже когда он, вопреки своей обычной манере, не обрушил бот в отчаянном пике на пляж, а аккуратно приземлил его, мне стало ясно, что Дэйв удручен.

Однако он заговорил о деле лишь после того, как мы распрощались с Марией. Вернее, прощался я, а Дэйв, отвернувшись, делал вид, будто погрузился в задумчивость.

— Асен, убит профессор Батгуул.

— Что?! — невольно вырвалось у меня. — Консультант Совета?!

— Он самый.

Потрясение было так велико, что я продолжал говорить нелепицу:

— Это невозможно. Человек, чье имя, чьи открытия вызывают безграничное уважение даже у отшельников... Нет, это какая-то путаница. Может, однофамилец?

Дэйв укоризненно глянул на меня и промолчал. Этого было достаточно, чтобы мой мозг переключился на профессиональную волну.

— Дэйв, на Сейшелах, буквально в десятке миль от дома профессора, если мне не изменяет память, небольшая колония отшельников?

— Память тебе не изменяет, — скупое подтвердил заместитель.

Да, Богомил, к тому времени, как до тебя дойдет эта запись, наверняка вымрут последние отшельники. В двух словах поясню, кого называли этим именем. Конечно, ты знаешь, что когда-то мир был поделен на тех, кто признавал идеалы, ставшие впоследствии идеалами всего человечества, и тех, кто хотел жить за счет других. Я не большой знаток истории, однако знаю, что ее не обманешь. Случилось то, что и должно было случиться — победил разум и наступила эпоха, которую мы называем Великим Объединением. Однако кое-где еще

остались те, кому происходящее было не по вкусу. Вот и пришлось их изолировать, раскидать, так сказать, по разным островам, чтобы они другим жить не мешали.

Так появились отшельники. Каждому такому типу было дозволено взять с собой одного слугу, если, конечно, тот был не против. Представь, нашлись люди, которые жаждали сопровождать своих патронов хоть на край Ойкумены. Среди них оказались бывшие камердинеры, телохранители, секретари, то есть те, кто настолько сросся со своим господином, что жизни без него не чаял. Совет позволил отшельникам иметь минимум роскоши и предоставил их самим себе в надежде, что рано или поздно ни одного из них не останется. Отшельники вели себя тихо, понимая, что в противном случае их просто-напросто лишат возможности жить и ничего не делать. Правда, было несколько попыток оставить территорию обитания, но все они окончились безрезультатно. Одна из таких колоний и была на Сейшелах. Там доживали свои дни шестеро отшельников со своими слугами.

Я посмотрел на Дэйва:

— Когда произошло убийство?

— Два часа десять минут назад нам сообщил о случившемся один из учеников профессора.

— Ты сразу вылетел на место?

— Да. Вместе с шефом.

— Кто сейчас ведет розыск?

— Непосредственно на Сейшелах работают Карл и Алексей. А вообще подключились все группы.

— Есть какие-нибудь наметки?

— Наметки? — перепросил Дэйв, помолчал, потом вздохнул: — Наметок больше, чем достаточно... Пропал бот профессора, из колонии отшельников исчезли некий Маноло и известный тебе Веркрюисс. Оба скрылись вместе со своими слугами. Нет кое-какой аппаратуры.

— Что говорит служба контроля?

— Разводят руками. Дескать, если злоумышленники

завладели ботом, то им ничего не стоило кружным путем выбраться на материк.

Я не понимал уныния своего заместителя, поэтому внимательно посмотрел в его глаза:

— Дэйв, скажи честно, что тебя гнетет?

— В доме не осталось никаких следов пребывания постороннего человека. Мы использовали все возможности нашей аппаратуры. Создается дурацкое впечатление, что профессор сам себе нанес смертельный удар по голове увесистым молотком.

— Молотком?

— Да. Батгуул был большой любитель работ по дереву. Оказывается, всю мебель в доме он сделал своими руками. Убит был, кстати, в своей мастерской.

— Слушай, Дэйв, к своему стыду, я почти ничего не знаю о том, чем занимался Батгуул. Кажется, работами по теории параллельных пространств.

— Не только по теории... Ученик, который обнаружил его труп, молодой ученый Рауль Борручага, говорит, что месяц назад профессор показывал ему некоторые блоки машины для перемещения в параллельное пространство.

Я присвистнул. Дэйв понял причину моего удивления, поспешил пояснить:

— Она была еще далека от завершения.

— Но прошел же месяц! — возмутился я, догадавшись наконец о подлинной причине удрученного состояния Дэйва.

— По рекомендации Совета работа велась в строжайшей тайне.

— В тайне! — усмехнулся я. — А Борручага знал и даже видел своими глазами!

— Круг лиц, которые могли знать о машине, Совет не очерчивал, полагаясь на то, что профессор сам решит, кому можно доверять.

— И это ты назвал кое-какой аппаратурой?!

— Но ведь машина-то не была готова! — запальчи-

во воскликнул Дэйв. — Даже Борручага не предполагал, сколько времени понадобится на ее доводку.

— Ладно, не кипятись, — примирительно произнес я. — Где сейчас Борручага?

— Ждет нас на Сейшелах, — буркнул Дэйв.

Бот начал снижаться, но едва мы вошли в густое облако, на пульте замигал сигнал тревоги и раздался голос дежурного по нашему отделу:

— Геров и Каллаган, другие сотрудники группы «Перехват», внимательно прослушайте сообщение... Четыре минуты назад на охранный пост бывшего ядерного полигона Невада совершено нападение. Преступники завладели оружием. Шесть человек охранного поста доставлены с телесными повреждениями в госпиталь, двое из них в тяжелом состоянии. Руководство отдела предполагает связь с убийством профессора Батгуула.

Мы с Дэйвом переглянулись и тут же услышали шефа:

— Асен, вы сейчас где?

— На подлете к Сейшелам, — торопливо ответил я.

— Давайте-ка, ребята, в Неваду. Это сейчас важнее.

Он еще не закончил говорить, как я ощутил, что меня вдавило в кресло. Это Дэйв круто рванул бот вверх, и на приборной доске замельтешили цифры набора скорости. Шеф словно почувствовал, что делает с ботом мой заместитель:

— Дэйв, не гони во всю ивановскую... Успеете... Не забывайте, что теперь у них шесть бластеров.

— Владимир Семенович, вы считаете, что это именно они?

Шеф, прежде чем ответить, надолго задумался. Затем послышался горький смешок:

— Кто — «они»?

— Сбежавшие отшельники, — пояснил Дэйв.

— Информацию о них получите в ближайшее время, — не отвечая на вопрос, сказал шеф. — Хотя, думаю, что Веркюрисса Асен не забыл.

Да уж... Мне немало пришлось повозиться с этим типом. На всю жизнь запомнилось его умное сухошащее лицо, ироничный высокий голос:

— Итак, уважаемый сыщик, вы со мной не согласны? Прискорбный случай... А согласиться все равно придется! Выше науки нет ничего! Науки в чистом виде, я не имею в виду так называемую общественную мораль, этику и прочую белиберду, за которой нет никаких объективных законов природы. Все это, мой дорогой, выдумки, и перекраиваются они по несколько раз за столетие... Верить в них — значит, тормозить прогресс... Так что, мешая мне, вы становитесь в ряд отъявленных ретроградов. А признайтесь, не хочется небось выглядеть перед потомками таким держимордой, а?..

— Ты надолго задумался? — голос Дэйва прервал мои воспоминания. — Я хотел бы знать, что представляет собой Веркрюисс.

— Весьма своеобразный тип, — нехотя ответил я. — Когда-то это был довольно крупный ученый, кстати, ученик убитого профессора. Лет десять назад по решению Совета Веркрюиссу было запрещено практическое занятие наукой. Он слишком увлекся собственной особой, считал, что его гению доступно все, требовал разрешения работать с человеческим материалом...

Дэйв покосился на меня, видимо, решил, что ослышался. На его лице было недоумение.

— Да, да, — подтвердил я. — Именно так он и говорил — «человеческий материал». На этой почве и произошел разрыв между ним и профессором, причем Батгуул заявил, что если Веркрюисс не изменит свои концепции, он вынужден будет обратиться к Совету с просьбой отлучить его от науки. Однако себялюбие настолько поглотило Веркрюисса, что он не только не пересмотрел свои взгляды, а, напротив, стал развивать, как он говорил, философские воззрения о праве гения игнорировать все и вся, на этой почве сошелся с отшельниками и после изгнания из науки испросил у Совета для себя их жал-

кие права вместо того, чтобы вести нормальную жизнь землянина.

— Как он оказался на Сейшелах? — спросил Дэйв.

— По разрешению Совета.

— Но ведь там жил Батгуул. Почему этого не учли?

— Совет уступил просьбам профессора, он еще питал надежду вернуть науке заблудшего.

— А слуга Веркрюисса? — спросил Дэйв.

Я пожал плечами:

— Что о нем сказать? По всем данным неплохой человек, но слабовольный, воспитывал с детства Веркрюисса, души в нем не чает. Своего рода добрый дядька. Когда-то на Руси к молодым дворянским отпрыскам приставляли крепостных, которые любили своих воспитанников больше, чем родители...

— Значит, он не опасен?

— Вот за это не поручусь. Он может защищать своего Веркрюисса с отвагой курицы, обороняющей цыплят от коршуна, — возразил я.

В этот момент запел сигнал включения связи.

— Асен? Это Сергей, — зазвучал в динамике знакомый голос, — Владимир Семенович просил передать тебе информацию о Маноло.

— Слушаю, — отозвался я.

— Значит, так... Самый рядовой представитель так называемых частных предпринимателей. Собственно, он лишь унаследовал состояние родителей и довольно успешно проживал его. Попить, поесть, а больше ничего не надо, ну и, конечно, желание иметь втрое больше, чем другие.

— Увлечения есть? — буркнул Дэйв.

— Если можно их так назвать, — усмехнулся Сергей. — Был одним из инициаторов возрождения американского футбола. Интеллектуальные способности весьма ограничены. При этом очень старался прослыть покровителем искусств, таким меценатом. Вообще обожает вертеться рядом с известными людьми. Я думаю, его

подвигнул на «подвиги» Веркрюисс, самому ему вряд ли что-нибудь подобное пришло бы в голову. Кстати, Маноло в последнее время встречался с Веркрюиссом очень часто. Теперь об Айкене — телохранителе Маноло. С ним сложнее. Прекрасно развит физически, способен на дерзкие поступки. Скорее всего расправа с охранниками полигона — его работа.

— Все? — спросил я.

— Пока все, — подтвердил коллега.

— Спасибо. — Я повернулся к Дэйву. — Где мы?

— Иду на снижение, — сообщил мой заместитель, слушавший разговор с Сергеем с хмурым выражением лица. — Нужно поговорить с охраной. Район оцеплен. Не думаю, чтобы преступники сумели скрыться.

— Очевидно, этот горе-ученый придумал в тиши Сейшел какую-то новую аппаратуру, — предположил я. — Странно, что их так долго не могут обнаружить... Да еще эти блоки машины прокола пространства...

— Ученые в один голос утверждают, что до готовности машины еще очень и очень далеко, — ответил Дэйв. — Многие вообще считают, что создать ее невозможно. В предположениях Батгуула очень много спорных моментов.

— Но беглецы могут отсиживаться где-нибудь в горах и потихоньку доводить машину. Надо как-то спугнуть их, заставить заметаться, чтоб им было не до изобретений. Кстати, — спохватился я, — население Земли получило информацию о случившемся?

— Совет считает это излишним.

По голосу Дэйва я понял, что он не согласен с решением Совета, но обсуждать его не намерен.

Помолчав, Дэйв задумчиво постучал по стеклолитовому колпаку и произнес:

— Если Веркрюисс изобрел аппаратуру, позволяющую глушить возможности нашей техники, значит, придется действовать по старинке.

— Да, Дэйв, будем заниматься обыкновенным до-

историческим сыском, для которого нужно совсем немного: уши, глаза, ноги... плюс интуиция и чуть-чуть удачи...

— Как патер Браун, — хмыкнул Дэйв.

Пользуясь предоставленными нам правами, мы не воспользовались общественной посадочной площадкой, а приземлились прямо на лужайке перед госпиталем. Вбежав по ступеням, я сунул свой жетон в щель электронного привратника. Когда эту же операцию проделал Дэйв, дверь перед нами бесшумно распахнулась.

Мы расположились в приемном покое на креслах перед экраном видеотелефона. Вскоре экран вспыхнул, и перед нами предстало изображение главного врача:

— Добрый день. Насколько я понял по вашим жетонам, вы представляете группу «Перехват»?

Дэйв указал на меня:

— Мы не просто представляем. Это начальник группы.

По рыхловатому лицу главного врача блуждало недоумение, и я невольно позавидовал нашим предшественникам. Раньше никому не нужно было пояснять, каковы права и функции служб, обеспечивающих общественный порядок, теперь это приходится делать на каждом шагу. Наверное, в двадцать первом по старому летосчислению веке так смотрели бы на золотаря, вдруг появившегося в городе на лошадке, запряженной в повозку с огромной бочкой, из которой торчит деревянная ручка черпака.

— Мы расследуем обстоятельства, связанные с получением телесных повреждений сотрудниками охранного поста. Они недавно поступили к вам, — сказал я. — Хотелось бы побеседовать с ними.

Главный врач пожевал губами и вздохнул:

— Ничем не могу вам помочь, они нуждаются в отдыхе. Такой стресс не проходит бесследно...

Я смотрел на его картофелеобразный нос и медленно закипал, досадуя на меланхолическую непреклонность этого эскулапа.

— Мы наделены особыми полномочиями, — сухо проговорил Дэйв.

Врач сочувственно закивал:

— Я, как представитель медицины, насколько вам известно, тоже...

— Свяжитесь с ОБИП, — сдерживая раздражение, посоветовал я.

Бесцветные брови эскулапа сошлись к переносице.

— С Отделом по борьбе с искоренением преступности, — пояснил Дэйв.

Пожав плечами, врач протянул руку к пульту, отыскал на нем одну из пяти красных клавиш и утопил ее. Мы нетерпеливо заерзали в креслах, но в этот момент экран погас. Очевидно, главврач счел ненужным наше присутствие при его беседе с шефом.

Вскоре экран снова вспыхнул. Физиономия эскулапа утратила выражение меланхолии, он сердито смотрел на нас. Дэйв незаметно подмигнул мне, дескать, видал, как ему шеф всыпал?!

— Я могу дать вам возможность поговорить только с одним из сотрудников охраны, с Йожефом Сабовчиком. Он пострадал меньше других.

Дэйв уже открыл было рот, чтобы возмутиться, но я, опередив его, поспешно согласился:

— Спасибо, доктор.

— Сейчас подключу к видеотелефону его палату.

Тут я сам не стерпел:

— Нет, так дело не пойдет! Нам нужен личный контакт. Надеюсь, руководство Отдела достаточно красноречиво описало наши полномочия?

Последняя фраза была сказана мной с такой интонацией, что эскулап, недовольно зыркнув глазами, металлическим голосом, словно пользуясь синтезатором речи, произнес:

— Хорошо. Поднимайтесь на двадцать седьмой этаж. Палата двадцать семь дробь шестнадцать.

Миловидная сестра проводила нас до дверей палаты.

— ...Как самочувствие Сабовчика?

Девушка не успела ответить, как дверь уехала в сторону, и мы увидели, что Сабовчик чувствует себя вполне сносно. Он задумчиво стоял посреди гостиной на одной руке, ногами жонглируя футбольным мячом. Юноша так увлекся, что пришел в себя, лишь узрев в полуметре от собственного носа стройные ноги медсестры. Он прыжком поставил себя на ноги, захлопал глазами, под одним из которых была внушительная опухоль багрового цвета.

— Не беспокойтесь, Йожеф, — улыбнулась девушка. — Доктор разрешил вам заниматься чем угодно. Только прошу вас при малейших признаках усталости сообщить мне... А сейчас с вами хотели побеседовать сотрудники группы «Перехват». Познакомьтесь, пожалуйста, — она посмотрела на меня, — начальник группы Асен Геров, — она перевела взгляд на Дэйва, — и его заместитель Қаллаган.

Сабовчик уставился на нас с откровенным любопытством, к которому примешивался восторг:

— Правда?!

— Что? — не понял я.

— Правда, что вы начальник «Перехвата»?

— Так получилось, — развел я руками.

— Всю жизнь мечтал хотя бы одного сотрудника «Перехвата» увидеть! — воскликнул Сабовчик, глядя то на меня, то на Дэйва. — А тут сразу двое!

Я покосился на заместителя, который не сводил глаз с медсестры, и поблагодарил девушку:

— Спасибо, я думаю, у нас не возникнет трудностей при общении с вашим пациентом.

Медсестра кивнула и оставила нас наедине с Сабовчиком. Парень смущенно предложил нам сесть, а сам остался стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Устраивайся, — мотнул головой в сторону кресла Дэйв и язвительно добавил: — Больной ведь.

Йожеф залился краской, но последовал совету, виновато буркнув:

— Какой я больной? Заперли сюда, говорят, надо пройти курс психологического лечения. А что мне лечиться? Синяк вон только.

Дэйв добродушно похлопал его по колену:

— Не переживай. Врачи лучше нас знают, что надо, что не надо.

— Йозеф, расскажи, что там у вас произошло, — попросил я.

Сабовчик отвел глаза:

— Откуда мы знали, что они чокнутые?

— Почему чокнутые?

— А разве нормальный полезет в зараженную местность? Ведь там еще только ведутся работы по обеззараживанию. За последние пятьдесят лет, говорят, никто туда и не пробовал проникнуть.

Дэйв вынул из кармана портативный опознаватель:

— Если чье-либо лицо покажется тебе знакомым, скажешь.

На миниатюрном экране через равные промежутки времени стали появляться портреты самых разных людей: сначала крупным планом, потом в полный рост, затем эти люди начинали двигаться, разговаривать, сердиться, смеяться. Когда на экране возник Айкен, Сабовчик торопливо произнес:

— Он!

— Нажми-ка на эту кнопчку, — предложил Дэйв.

Сабовчик ткнул пальцем, и в левом верхнем углу экрана выплыла красная точка. Потом снова замелькали незнакомые лица. Йозеф безошибочно опознал всех четырех отшельников.

— Теперь давайте по порядку о происшедших событиях, — сказал я.

Йозеф наморщил курносый нос, раздумчиво почесал затылок.

— Мы только что заступили на смену. Начальник караула поехал проверять посты, а мы сели поиграть в шахматы. Вы не подумайте, это у нас разрешается!..

Собственно, играли двое: Ли Зен и Гуго Стадлер, а остальные болели — кто за Ли, кто за Гуго. Слышим, в караулке запищало, значит, какой-то объект на подходе. Игру-то прекратили, но особо не насторожились. Мало ли, может, какой шальной турист завернул к нам? Потом уже визуально стали наблюдать за ботом, попытались выйти с ним на связь — бесполезно, решили, что проверяющие нагрянули. Привели в порядок форму, заняли каждый свою позицию. Подлетает этот самый бот. Гуго — он за старшего остался — как полагается вышел из караулки, хотел выяснить, что к чему. Из бота вылез тот, которого я третьим по счету опознал.

— После опознания на экране была его фамилия, — напомнил я.

Сабовчик закивал:

— Извините, я помню — Веркрюисс. Ну вот, стали они о чем-то с Гуго разговаривать. Вижу, Гуго горячится, ничего доказать этому Веркрюиссу не может, решил прийти ему на подмогу. Конечно же, у меня никаких подозрений не возникло. Подошел. А он убеждает Гуго, что их бот не подвержен воздействию радиации, и просит пропустить через полигон. Вежливо так. Тем временем все наши ребята подошли, давай наперебой уговаривать Веркрюисса, чтобы они обогнули полигон западнее. А им, видно, только этого и надо было. В общем, я только боковым зрением уловил, как бот, мгновенно набрав скорость, несется на нас. Да! Я еще заметил странную реакцию Веркрюисса — он вдруг упал на землю. Другие ребята тоже почуяли недоброе, успели отпрыгнуть, а Гуго замешкался, и бот шибанул его в плечо. Пока мы в себя приходили, выскочил этот — Айкен. Я бросился к нему, но ничего не успел сделать, как он послал меня в нокаут. Вначале под глаз дал, потом в солнечное сплетение...

От обиды на глаза Сабовчика навернулись слезы, и договорил он уже совсем упавшим голосом:

— Очнулся, бластера нет, все наши кто где... Боль-

ше всех досталось Гуго, он только в госпитале пришел в сознание, и Ли, ему этот злодей из бластера скользом руку опалил, теперь, наверное, трансплантацию кожи будут делать...

— М-да, — проронил я.

Сабовчик воскликнул:

— Вы не думайте! Я уже предложил свою кожу!

— Почему никто из вас не применил бластер, ведь инструкция обязывает сделать это в случае экстренных обстоятельств? — без интонации спросил Дэйв.

— По живым людям?! — искренне возмутился Йозеф.

— Теперь у этих «живых людей» шесть бластеров, — подытожил я.

Видимо, врачи снабдили тело Сабовчика датчиками, потому что в дверях появилась медсестра. Ее лицо было строго.

— Простите, я вынуждена прервать вашу беседу, она отрицательно сказывается на состоянии нервной системы больного.

— Какой я больной?! — вспыхнул Йозеф, но тут же поник под мягким, но настойчивым взглядом карих глаз медсестры.

Глазное мы узнали — на пост совершили нападение Веркрюисс и его сообщники. Поэтому не стали больше тревожить ни нервную систему Йозефа, ни его коллег и, поспешно оставив госпиталь, оседлали бот.

Взрыв в небо, мы связались с шефом. Но Владимир Семенович ничем не мог нас порадовать. Беглецы как в воду канули.

— Асен, поговори с Борручагой, он ждет тебя на Сейшелах, — сказал шеф, потом обратился к Каллагану: — Дэйв, закинь его на острова, а сам возвращайся в Неваду, возглавишь операцию по захвату.

— Но, Владимир Семенович, — попытался возразить я.

Шеф язвительно оборвал меня:

— Хочешь сказать, что твой заместитель не справится?..

Этого я не только не хотел сказать, но и не думал ничего подобного. Поэтому согласился с шефом:

— Задача ясна.

— Ну, вот и славно.

Дэйв торопился вернуться в Неваду и гнал бот на предельной скорости. Приземлив его рядом с домом профессора Батгуула, он коротко распрощался со мной, хлопнув колпак, и бот ушел вверх. Навстречу мне вышел высокий брюнет в рубашке навыпуск и коротких шортах.

— Привет, Карл, — сказал я. — Как успехи?

Карл молча развел руками. Я полюбопытствовал, чем занимается другой член моей группы — Алексей.

— Продолжает допрашивать отшельников, — ответил Карл. — А я вот сижу здесь без дела, если не считать десятка партий в настольный теннис с Борручагой.

— Он способен играть после смерти учителя? — удивился я.

— Заставил играть почти в приказном порядке, уж слишком он тяжело все переживает, а так хоть какое-то отвлечение от мыслей.

— Хорошо, ступай на помощь Алексею, а я за тебя посижу без дела.

Карл обрадованно бросился исполнять поручение, а я вошел в дом.

Борручага оказался щуплым смуглолицым человеком с полусевшей до времени головой. Он стоял посреди просторного холла и сосредоточенно крутил в руках ракетку. Моих шагов он даже не расслышал.

— Добрый день, — негромко сказал я.

Услышав рядом с собой незнакомый голос, Борручага вздрогнул, поднял на меня печальные маслянисто-черные глаза. Я представился и спросил:

— Ну, кто побеждает в теннис — Карл или вы?

— Побеждает?.. Не-е знаю...

Сказав еще несколько ничего не значащих фраз, на которые ученик профессора отвечал робко и неуверенно, словно не понимая, о чем с ним говорят, я перешел к делу:

— Рауль, вы часто посещали профессора?

— Н-нет... не очень... Последний раз был, кажется, месяца три назад.

— А с Веркрюиссом вы были знакомы?

— Да, конечно, мы вместе с ним учились в классе профессора, это был любимый ученик Батгуула... Давно был любимым учеником, а потом, потом они...

Я уже знал, что было потом, и спросил:

— Может, в последнее время у них отношения изменились в лучшую сторону?

— Да, да... Вы правы. Профессор, кажется, даже простил его. Они часто беседовали. Веркрюисс, по словам профессора, изменился, с возрастом понял свои заблуждения.

— Профессор знакомил его со своей работой?

— С теоретической частью. Впрочем, я точно не знаю, может, и с практическими разработками... Хотя Веркрюисс и сам был достаточно осведомлен, он ведь когда-то был правой рукой Батгуула.

— Веркрюисс способный ученый?

— Не то слово! Талантливый!

Внезапная запальчивость собеседника немного покорила меня.

— Может, гениальный? — едко осведомился я.

Борручага отрицательно покачал головой:

— Н-нет... Гений — он для всех, а Веркрюисс был для себя...

Мне стало неловко за свою несдержанность, и я погасил смущение вопросом:

— Профессор был доверчивый человек?

— К сожалению... Он был очень добрый, а добрые всегда доверчивы. К тому же он был поглощен наукой, помимо нее, ни о чем не думал.

— Веркрюисс способен довести машину до конца? Взгляд собеседника стал еще более горестным:

— Право, не знаю... Неизвестно, в какой стадии была работа, ведь исчез индивидуальный компьютер профессора, а там все выкладки... Исчезли опытные блоки...

Я посмурнел:

— Сколько понадобится времени на доводку?

Борручага не расслышал вопроса, продолжал развивать свою мысль.

— Самое ужасное то, что у профессора все было в одном экземпляре — и опытные блоки, и расчеты...

— Сколько времени может понадобиться Веркрюиссу? — напомнил я.

— Что?.. А-а-а... времени... Н-не знаю... Если Веркрюиссу было далеко до профессора в области теории, то в реализации практических задач он, пожалуй, на сегодняшний день самый сильный среди ученых...

— Что может ему помешать?

Борручага с надеждой взглянул на меня:

— Только вы...

— Я не об этом. Какие технологические или... научные проблемы могут приостановить работу?

— Право, я затрудняюсь... Последние семь лет я занимался совершенно другой областью знаний... Может, недостаток ирия?

— Извините, — сказал я и, отойдя в сторонку, связался с шефом.

— Все понял, — быстро ответил Владимир Семенович, выслушав мое сообщение. — Сейчас распоряжусь усилить контроль за всеми хранилищами.

Отключив связь, я вернулся к Борручаге:

— А у профессора был запас элемента для проведения экспериментов?

— Да, но, похоже, они до него не добрались. Это единственный блок дома, куда посторонний не может проникнуть, дверь закодирована на появление профессора. Раскодировать ее может только Совет.

— Или маленький ядерный взрыв, — грустно пошутил я, вспомнив о захваченных отшельниками бластерах.

Мы надолго замолчали.

Незаметно наступил вечер. Потом ночь. Никаких обнадеживающих сведений не поступало. Я дал распоряжение Карлу и Алексею отдыхать, а сам вышел прогуляться возле дома. В одной из темных аллеек заметил чей-то силуэт.

— Кто здесь?

— Это я, Борручага.

— Не спится?

— Никак не могу заснуть. Все думаю об этих мерзавцах. Пойти на такое!.. Ведь это страшнее любого убийства. Они уничтожили не только великого человека, они захватили его мысли, плод многолетней работы, уникальное достояние всего человечества! Неизвестно, отыщется ли в ближайшее столетие такой могучий ум, который сможет постигнуть то, чего смог добиться профессор?!

Я хотел еще о чем-то спросить, но индивидуальное устройство связи тревожно пискнуло.

Голос шефа прозвучал необычайно сухо, словно что-то мешало ему говорить:

— Асен, Асен... Совершена попытка проникнуть в хранилище ирия...

Шеф замолчал, и в его молчании было что-то давящее, гнетущее.

— Их не удалось взять? — вышел я из оцепенения.

— Нет...

Я чувствовал, что он что-то недоговаривает.

— Что еще, Владимир Семенович?

— Дэйв преследовал их, хотел прижать бот к земле... Они применили бластер...

Озноб пробежал по моему телу.

— Что с Дэйвом? — не сдержавшись, заорал я.

— Врачи надеются, что будет жить, — с трудом про-

изнес шеф и тоном, дающим понять, что времени для пояснений не остается, добавил: — Не исключено, что они появятся на Сейшелах, приготовьтесь. Совет дал санкцию на уничтожение. Ясно?! Не повторите ошибки Дэйва. Все, не мешаю...

Бот вынырнул из темноты совершенно неожиданно. На вызов автомата диспетчера он не отвечал. Значит, они... Я сжал рукоятку бластера и стал ждать, когда бот приблизится на расстояние, с которого можно безошибочно поразить цель. Бот все увеличивался в размерах, но его то и дело заслоняло лицо Дэйва, смотревшего почему-то на меня как бы сквозь залитое потоками дождя стекло. Однако моя рука все делала верно: поймала в прицел бот и повела ствол бластера, из которого вот-вот должна была вырваться огненная игла плазмы. И когда палец, окончательно успокоившись на спусковой собачке, готов был утопить ее, на руке внезапно повис Борручага:

— Что вы делаете?! Там же бесценные разработки! Компьютер профессора! Его блоки!

Мой мозг не успел дать команду «отбой!», и палец машинально нажал курок. Луч бластера прорезал пространство в нескольких десятках метров от бота и утонул в пространствах космоса. Это выдало наше местонахождение. Пока я пытался освободиться от тонких цепких пальцев Борручаги, с бота хлестнул ответный луч.

Очнулся я от нестерпимой боли в руке. Казалось, ее опустили в котел с кипящим маслом и не дают выдернуть. За спиной горел жилой блок, Борручага, скрючившись, лежал на земле в нескольких шагах от меня. Я машинально осмотрелся в поисках бластера и увидел расплавленный слиток металла — то, что от него осталось.

Усилием воли заставив себя не смотреть на руку, я поднялся и бросился к хранилищу ирия. Дверь была срезана лучом бластера и валялась на земле. Непода-

леку стоял бот, в котором с остекленевшими от страха глазами сидели Маноло и слуга Веркрюисса. Я метнулся в хранилище.

Вероятно, я напоминал пришельца с того света, так как, увидев меня, остолбенел не только Веркрюисс, но и самый решительный из этой четверки — Айкен. Он, забыв про зажатый в руке бластер, пытался в угол. Истошно взвизгнул Веркрюисс и еще крепче обхватил объемистый, но чрезвычайно легкий цилиндр с ирием.

Ошибся Дэйв, ошибся и я. Вместо того, чтобы продолжать играть роль призрака, я громко заявил, морщась от боли:

— Довольно, отдай бластер.

Мои слова привели Айкена в чувство. Правда, нажать на курок он не успел, так как здоровой рукой я вышиб бластер, но при этом потерял равновесие, и Айкен вложил все свои сто пятнадцать килограммов в удар ногой, который пришелся мне под ребра. Падая, я хотел дотянуться до Веркрюисса, понимая, что без него эта четверка никуда не денется, однако тот, сдавленно пискнув, юркнул мимо меня в дверь. Единственное, на что у меня хватило сил, так это мертвой хваткой вцепиться в рукоятку бластера.

...Меня починили через много дней. Мысленно реконструируя дальнейшие события, я понял, что второй удар ногой Айкен нанес мне в голову, третий и четвертый тоже... Самое удивительное, что я не выпустил из рук бластера, хотя, как потом оказалось, у меня были сломаны три пальца. Должно быть, кто-то пытался выдернуть оружие из моей руки.

Консультанты Совета долго ломали голову над происшедшим, но к единому мнению так и не пришли. В реальность машины прокола пространство большинство не поверило. Гораздо проще было допустить, что преступники сумели раствориться в многомиллиардном

человечестве. Не знаю... Известно лишь, что четыре негодяя, а вместе с ними и тайна разработок профессора Батгуула исчезли бесследно...

58. Джеральд Линекер

Теперь все встало на свои места. Или почти все... Во всяком случае, осточертевший вопрос: «Что делать дальше?» — перестал мучить. Мы знали, что где-то находится враг, что его необходимо обезвредить. Знали, как можно вернуться на Терру. Аппарат профессора Батгуула, украденный Веркрюиссом у человечества, позволит нам найти дорогу к дому.

Ночь была на исходе. Чуть ли не силой Юрий заставил нас с Богомилом лечь спать — страшно было потерять хотя бы минуту, хотелось немедленно что-нибудь предпринять, действовать... Спал ли Старадымов, не знаю. Утром он был свеж и бодр, как всегда.

Ярвен и Живущая У Моря летели с нами — ничего другого придумать мы не смогли. Оставлять вождя повстанцев в Атлантиде было опасно. Это могло повлиять на естественное развитие истории, как глубокомысленно изрек Геров. Да и не могли мы так просто бросить этих людей.

Скрытый оптической невидимостью бот приблизился к затерянному среди океана островку, на который накануне были высажены Айкен и Маноло. То, что мы увидели, напоминало картинку из старинного юмористического журнала.

Маноло, бросая вниз трусливые взгляды, пытался вскарабкаться на пальму, где на невероятной для него высоте манящими гроздьями висели желтые кокосовые орехи. Не знаю, сколько времени потратил бывший владыка на преодоление этих трех метров по вертикали, но дело явно продвигалось медленно, поскольку внизу с искаженным от крика лицом бегал Айкен, пытаясь достать толстяка острой палкой.

— Похоже, они уже перераспределили власть, — задумчиво проговорил Геров.

Ярвен посмотрел на Старадымова, в котором он с самого начала безошибочно угадал старшего, что-то спросил. Юрий включил ретранслятор, попросил повторить вопрос.

— Кто эти люди? — указал вниз Ярвен.

— Дети Владыки Океана. Вон тот, пышнотелый, звался у вас Золотым Богом, а второй — что шпынует его дубиной — Серебряным, — смеясь, пояснил я.

Ярвен посмотрел на меня с укоризной, снова взглянул на Юрия. Тот подтвердил справедливость моих слов. И хотя вождь повстанцев был сторонником иных богов, смесь недоверия с недоумением не исчезла с его лица. Пришлось Богомилу рассказать ему, кто такие и откуда пришли в Атлантиду Айкен и Маноло, попутно объясняя азы мироздания. В глазах слушателя появился живой интерес, и мне стало ясно, что он готов внимать несколько дней без остановки.

Юрий аккуратно посадил бот на песчаный берег, откинул крышку. Свергнутые богдыханы тут же прекратили свои упражнения. Маноло сполз по стволу вниз, с облегченным вздохом шлепнулся на песок. Айкен отбросил в сторону палку и угрюмо уставился на нас исподлобья.

— Где Веркрыисс? — резко спросил Старадымов.

Маноло вздрогнул, словно его ударили. Айкен скривился, но ничего не сказал.

— Вы что, не поняли вопрос? — сказал Юрий.

Похоже, толстяк сообразил, что отмолчаться не удастся, потому что лживо улыбнулся и затарахтел:

— Поняли, как не понять! Просто мы удивились, откуда вы знаете об этом мерзавце? Удивились и растерялись. Ведь правда, Пол?

Айкен не шевельнулся. Маноло со злобой посмотрел на него и продолжал:

— Веркрыисс там, — он неопределенно махнул ру-

кой, — на острове. Он оттуда не вылезит. Все что-то делает-делает... Придумывает, одним словом...

— Аппарат Батуула у него? — перебил толстяка Геров.

Ужас мелькнул в глазах Маноло:

— Д-да, он его никому не дает. Все, все у него...

— Что представляет из себя аппарат? — спросил Юрий.

— Ящичек, маленький такой ящичек. Кнопочки на нем. Две, кажется. Правда, Пол? Зелененькая и красненькая. Еще экранчик есть. Смотришь на него и видишь, куда прилетишь. Сбоку от экранчика ручка. Вертишь ее и на экранчике смотришь. Как он засветится, зелененькую кнопку нажать нужно. Правда, Пол?

— Не знаю, — зло буркнул Айкен, — не разбираюсь я в этом.

— Верно, верно, — хихикнул Маноло, — не разбирается Пол в аппаратах, совсем не разбирается! Но я правду говорю, истинную правду. Зелененькая кнопка аппаратик этот включает, красненькая — выключает. Очень все просто. Веркрюисс все восторгался, Батуула хвалил, очень, говорит, умный старик б-был... Не смотрите на меня так, не смотрите! Я этого Батуула и в глаза никогда не видел! Что о нем слышал, то и вам говорю!

Рука Юрия легла на мое плечо. Побледневшее от ужаса лицо Маноло тряслось совсем рядом. Впрочем, ударить его я бы все равно не смог. Ни одно живое существо не вызывало еще у меня такого омерзения, как этот гнусный толстяк. Одна мысль о том, чтоб прикоснуться к нему, вызвала приступ тошноты.

— Чем занимается Веркрюисс? — пересилив себя, спросил я.

— Не знаю, — Маноло молитвенно прижал руки к груди, — честное слово благородного человека, не знаю.

— А зачем ему юноши-атланты?

— Ну, откуда же я могу знать?! — толстяк едва не расплакался. — Он ведь нам не докладывает. Он нас с Айкеном и за людей-то не считает. Такой негодяй! Правда, Пол? Требуется за чем-то и юнцов, и продукты для них, а жрецы отбирают самых здоровых, таких, как ему нужно... Человек триста уж вывез... А нам ничего не дает...

— Ладно, — оборвал его Старадымов, — как называется остров, на котором укрылся Веркьюисс?

— Сейчас, сейчас вспомню, — Маноло весь искрился от желания услужить, — сейчас... Ты не помнишь, Пол? Ну, конечно, не помнишь. А я ведь помнил... На Земле на этом острове один человек жил... Тот, который именем коньяка назвался. Хороший такой коньяк, французский, кажется... Мартель! Нет, не мартель... Вспомнил! Наполеон!

— Остров Святой Елены, — негромко произнес Богомил.

59. Юрий Старадымов

Ярвен вместе со своей подругой изумленными глазами смотрят на раскинувшийся под ними простор океана. Такую водную гладь им никогда не приходилось видеть. Но время не терпит. Прибавляю скорость, и наши новые друзья торопливо отворачиваются. Понимаю их состояние. Бот хотя и не допотопная авиетка, но когда резко набирается скорость, то ощущения у непривычных к полетам людей возникают не очень приятные.

Остров Святой Елены!..

Когда-то на его земном аналоге провел свои последние годы безумец, вознамерившийся стать властителем всего мира. Не удалось. Теперь здесь, на Терре Инкогнита, обосновался его духовный собрат. Неспроста он выбрал для своей резиденции именно этот островок. Правда, в отличие от Наполеона, Веркьюиссу больше по-

везло с климатом. В результате смещения полюсов остров Святой Елены на Терре Инкогнита оказался на экваторе. Живи себе, маразматируй от науки, паразитствуй...

Удар был неожиданным. Бот словно запнулся о невидимое препятствие, ухнул вниз. Глаза Герова обеспокоенно уставились на меня. Джерри ухватился за пульт, наши гости смежили веки.

Все это я заметил за те доли секунды, которые понадобились мне, чтобы вернуть бот к послушанию. Однако выводить его из винтообразного пике я не стал. Пусть те, кто нанес по нам гравитационный удар, думают, что добились своей цели.

Силовое поле легко разрезало поверхность воды, и момент соприкосновения с этой стихией оказался почти незаметным. Просто стало сумрачно. Включать освещение я не стал, осторожно опустил бот на дно и подвел к основанию скалы, очертаниями напоминавшей обросшего водорослями лешего в шляпе.

— Нас хотели уничтожить? — наконец спросил Геров.

Джерри слегка усмехнулся:

— Нет, поприветствовали...

Бот под водой обогнул скалу и стал всплывать. Богомил забеспокоился:

— Юра, кроме нас, тут еще двое молодых людей...

— Веркрюисс наверняка полагает, что мы уже не существуем, — отозвался я, — иначе он нанес бы для уверенности несколько ударов по океану в районе, где мы ушли под воду.

Не понимая, о чем идет речь, атланты смотрели на нас. И если в глазах девушки была робость, то Яарвен глядел прямо и без излишнего подобострастия. Так смотрят на старших товарищей, которых уважают.

Невидимость невидимостью, но для большей безопасности я причалил бот под огромной безжизненной скалой в полусотне метров от берега.

— Никаких строений на поверхности, — обследовав остров с помощью приборов, задумчиво констатировал Джерри.

— Поди, как крот, в землю зарылся, — с отчетливой неприязнью бросил Богомил.

— Да, в скалах есть пустоты, — подтвердил Линекер. — Придется его выкуривать...

— А входы? — подал голос я.

— В том-то и дело, что не могу нащупать.

Ярвен осторожно предложил:

— В скалах могут быть расщелины...

Джерри с уважением взглянул на него:

— Да, есть... и весьма глубокие...

— А бот туда может протиснуться? — спросил Геров.

Линекер отрицательно покачал головой:

— Нет... Приблизиться вплотную и прикрыть вход силовым полем, пожалуй, можно. Но это опасно...

— Выбора все равно нет... — сказал я. — Либо мы обезвредим Веркрюисса, заставим его отдать аппарат Батгуула и вернемся на Терру, либо... Нельзя предсказать, что он еще может натворить. Каждая минута его существования в этой берлоге таит угрозу не только для Терры Инкогнита, но и для Земли, для Терры, для всего, куда он только сможет проникнуть!

Тогда Ярвен тихо, как ученик, боящийся оскорбить слух учителя нелепостью, произнес:

— Разве четверо мужчин могут бояться одного негодяя?

60. Джеральд Линекер

Расщелина вела в глубь скалы и, судя по показаниям локатора, проходила совсем рядом с ходами, проложенными в толще базальта. Пожалуй, по ней можно было добраться до логова таинственного Веркрюисса. Во всяком случае, стоило рискнуть.

— Один ты не пойдешь! — заявил я Юрию, поставившись придать голосу максимальную твердость.

— Ни у кого из вас нет капсулы силовой защиты, — возразил Старадымов.

— А ты уверен, что там придется только защищаться? Или в том, что тебе не понадобится помощь?

— Помощь-то понадобится почти наверняка, — вздохнул Юрий. — Но если для меня эта экскурсия только рискованна, не более, для вас она смертельно опасна.

— И все же логичнее идти вдвоем, — высказал свою точку зрения Богомил, — одному нужно остаться в боте.

— Правильно, — согласился я. — Идем мы с Юрой, а ты будешь прикрывать нас.

— Почему именно я? — Геров отнюдь не был в восторге от моего предложения.

— Просто я, в отличие от тебя, имею навыки спелеологии.

Возразить Богомил не успел, потому что неожиданно заговорил Яарвен:

— Я тоже пойду с вами, Великие, — произнес атлант и быстро добавил: — Если под землей есть люди моей страны, мне проще будет договориться с ними.

Предложение стоило того, чтобы его обдумать. Да и парень он был здоровый, что тоже не помешало бы в случае чего. Но Старадымов неожиданно взорвался:

— Да он раздавит вас, как лягушек!

Сравнение пришлось мне не по душе, и я недовольно пробормотал:

— Так уж, как лягушек...

Старадымов рассмеялся:

— Ну, если тебе больше нравится, как могучих львов!

Его смех несколько снял напряжение. Юрий поспорил еще несколько минут, но довольно вяло, и мы принялись, тщательно взвешивая аргументы, обсуждать

сложившуюся ситуацию и пути проникновения в подземный мир Веркрюисса. Яарвен хорошо знал горы и помогал нам своими подсказками. Его возлюбленная не отрывала глаз от мужественного сосредоточенного лица своего избранника, который на равных говорил если не с богами, то с весьма достойными собеседниками.

У нас со Старадымовым были бластеры, да я захватил с собой пистолет-парализатор — тащить с собой карабин было явно не с руки. Яарвен сбросил гиматий и остался в кожаной набедренной повязке. Комбинезона у нас для него не было, костюм Богомила явно был мал рослому атланту. Ограничились тем, что Юрий плотно перебинтовал ему колени и локти и вручил плазменный тесак, объяснив, как им пользоваться. В руках опытного воина это было грозное оружие.

Старадымов расположил бот так, чтобы поле силовой защиты прикрывало расщелину, и мы выскользнули из бота. Я кивнул напряженно следившему за нами Богомилу, улыбнулся сжавшейся в комочек на заднем сиденье Живущей У Моря и шагнул следом за Юрием в темноту.

Расщелина оказалась довольно просторной, так что поначалу мы шли, почти не сгибаясь. Под ногами масса мелких острых камней, так что передвигаться приходилось очень осторожно. Дневной свет проникал снаружи довольно далеко, и я заметил, как небольшой камень, сорвавшийся с потолка, сначала завис над головой шедшего впереди меня Яарвена, а потом мягко соскользнул к стене. Было ясно, что Старадымов растянул силовую защиту своей капсулы, чтобы прикрыть нас. Я хотел отругать Юрия, толку от такой защиты — ноль, от камешка прикроет, от более серьезной опасности — нет, но передумал — все равно не послушается.

Ход тем временем стал быстро сужаться, и вскоре нам пришлось передвигаться чуть ли не ползком. Для меня эти пещерные лазы не были в новинку —

в свое время пришлось участвовать в охоте на тальцельвурма — полуметровую ядовитую ящерицу, обитающую в пещерах Европы. Там приходилось потруднее. Ребята тоже держались неплохо. Юрий уверенно продвигался впереди. Яарвен от него не отставал, да и меня не задерживал. Я представил себе, что у него творится в голове. Боги, ползущие на четвереньках по грязной трещине! Такого, наверное, ни в одном эпосе не было. Нужно, если не забуду, спросить у Богомила...

Яарвен завозился впереди. Темнота вокруг давно уже стала полная, но я понял, что он перевернулся на спину. Значит, ход совсем сузился. Теперь мы едва ползли, отталкиваясь руками от свода расщелины.

«Если Веркрюисс нападет на нас сейчас, ему достанется легкая добыча», — подумал я, и в это мгновение послышались странные шелкающие звуки.

— Внимание... — донесся до меня чуть слышный шепот Старадымова.

На лицо упал отсвет электрического света. Наверное, он был очень слаб, но на привыкшие к полному мраку глаза подействовал, как удар луча прожектора. Когда же я снова открыл глаза, то, к своему удивлению, не увидел низкого каменного свода расщелины. Словно из узкого окошка, я выглядывал в пробитый в толще скалы тоннель. Юрий и Яарвен уже выбрались в него. Через мгновение я стоял рядом с ними.

Тоннель был достаточно высок и явно сделан руками человека. Вернее, машинами. Странные звуки доносились справа из-за поворота. Туда мы и пошли, повинуясь осторожному жесту Старадымова.

Из стены тоннеля вырывался сноп яркого света. Мы приблизились к этому подобию окна и осторожно заглянули в него. Не знаю, почему в этот момент я вспомнил старую детскую сказку, герои которой также рассматривали через отверстие в скале жизнь неведомой подземной страны. Странная картина предстала перед нами.

Огромная, несомненно естественного происхождения пещера была залита светом мощных прожекторов. В пещере суетились многоножки-роботы, ленты транспортеров с тихим шорохом уносились в отверстия в стенах... Все это здорово напоминало цех земного завода, только непонятно было, что в этом цехе производится. Станным образом уживались здесь поблескивающая глазками вычислительная машина и допотопное деревянное колесо, вращавшееся под напором вырывающейся из скалы водяной струи. Это колесо и издавало настораживавшие нас звуки.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шепнул я Старадымову.

Тот молча пожал плечами. Яарвен, стоящий рядом с ним, сохранял на лице выражение бесстрастной невозмутимости.

Юрий положил руку мне на плечо и, показав глазами на тоннель, пошел дальше. Мы последовали за ним. Редкие лампы, тускло светящиеся под потолком, освещали путь. Вдоль правой стены тоннеля тянулся пучок проводов. Местами по стене стекала вода, там провода были заботливо укрыты влагонепроницаемой пленкой. Перед каждым поворотом Старадымов задерживал нас и продолжал движение лишь после того, как убеждался в отсутствии опасности. Все мы были настороже, но первым услышал невнятный говор Яарвен. Люди говорили где-то совсем близко, за поворотом. Я сделал еще несколько шагов и отчетливо услышал несколько слов, произнесенных на языке Атлантиды.

Юрий осторожно заглянул за угол, взгляделся в полумрак тоннеля и, сделав нам знак рукой, исчез за поворотом. Яарвен, опередив меня, скользнул следом.

Небольшая комнатка, вырубленная в толще скалы, была отгорожена от тоннеля решеткой из толстых металлических прутьев. За решеткой виднелись люди. Это были те самые юноши, которых вывез с крыши Жертенного храма земной бот.

61. Богомил Геров

Нет, разумеется, друзья правы. Самой подходящей фигурой для сидения с девушкой в боте и томительного ожидания был я. Но все равно было чуточку обидно. К тому же я испытывал ощущения, подобные тем, что терзают руководителей Центра управления полетов, когда в Дальний космос уходит разведывательный корабль, а они, сидя в уютных креслах, ничем или почти ничем не могут помочь в случае опасности. Ощущение, надо сказать, прескверное. Уж лучше самому лезть в пекло, чем смотреть, как это делают твои друзья, тем более если это друзья по несчастью.

Когда все сошлись на мнении, что в логово Веркрюисса полезут Старадымов, Линекер и Яарвен, а Богомил и Живущая У Моря останутся в боте, я хотел возмутиться, но сник под твердым взглядом Юрия. Действительно, для боевых операций космодесантник более подходящая фигура, чем учитель, да и отработанная реакция и наблюдательность егеря предпочтительнее моих умствований по поводу и без оногo. Что касается атланта, то тут было отдано предпочтение, с одной стороны, ему, как человеку мужественному, ловкому, а главное — знающему кое-какие особенности горной местности, но, с другой стороны, — мне, поскольку с управлением бота наш новый друг явно бы не справился. Так что по всему выходило — сидеть в боте мне. Хорошо, хоть Живущая У Моря из почтения к нам не претендовала на участие в экспедиции, а то одному мне совсем было бы тоскливо.

Связь работала хорошо, но, кроме напряженного дыхания друзей, я ничего не слышал. Сам тоже молчал, чтобы не мешать им разговорами. Живущая У Моря в волнении теребила подрагивающими пальцами край одежды и во все глаза смотрела на меня, словно сейчас в моих руках находилась жизнь ее возлюбленного. Честно говоря, мы без особой охоты вняли желанию Яарве-

на отправиться в логово, однако он был так настойчив, что стало ясно — оставаться здесь для него равносильно признанию его слабости в глазах любимой.

С помощью локатора я следил за передвижением друзей и видел, что они углубились на порядочное расстояние.

— Юра, как вы себя чувствуете?

— Превосходно, — ответил за него Джерри. — Я тут уже обнаружил несколько великолепных экземпляров улиток.

Я вымученно улыбнулся и вздохнул. Линекер оставался самым собой, несмотря ни на затаившуюся поблизости угрозу, ни на угрюмый мрак подземелья.

Почему-то вспомнились Маноло и Айкен. Наверное, и они когда-то были людьми. А теперь... Их ждет суд Высшего Совета, несмываемое пятно позора и презрение, а они вымаливают жалкие крохи. Нет, Джерри был прав. Как он говорил? «И мы стоим миров двух между...» Может ли человек долго оставаться в такой позиции? Мы не смогли и выбрали свой мир. А Маноло, Веркрюисс и Айкен — свой. Но у нас разные миры. Не выступить против мира Веркрюисса, значит, предать себя...

— Богомил, мы нашли атлантов. Слышишь?

— Слышу, Юра, хорошо слышу.

Живущая У Моря, видимо, поняла больше не смысл сказанного, а то, что нашло отражение на моей физиономии. Она с тревогой прикоснулась ко мне. Однако я ничего не успел ей объяснить, так как понял, что связь прервалась, только мерцание локатора показывало, что друзья продолжают продвигаться внутрь логова.

— Юра, Джерри, отзовитесь, — как можно спокойнее позвал я, но ответом было молчание передатчика.

62. Юрий Старадымов

Джерри быстро и осторожно вырезал несколько прутьев, отгораживающих атлантов от тоннеля. Яарвен скользнул в образовавшийся проход, что-то негромко сказал юношам. Те и так вели себя очень сдержанно, ничем не проявив удивления при нашем внезапном появлении, теперь же за решеткой устанавливается совершеннейшая тишина.

Связи с Богомилом нет. Она оборвалась несколько минут назад. Трудно поверить, что с находящимися под защитой бота Геровым и Живущей У Моря что-то могло случиться. Правда, один раз Богомил уже совершил подобную ошибку, когда попал в лапы к бестиям. Но учитель не похож на человека, который дважды спотыкается на одном месте. Скорее всего в тоннеле установлены устройства, препятствующие прохождению связи. И все равно на душе тревожно. Назад дороги нет. Необходимо искать логово Веркрюисса. Именно там решение всех наших проблем.

— Джерри, — говорю я Линекеру. — Ты останешься здесь вместе с атлантами. Я попытаюсь пройти немного вперед и, если все будет в порядке, позову вас.

— Может быть, юноши знают что-нибудь о Веркрюиссе? — предполагает егерь.

— Не думаю, — сомневаюсь я, но подзываю Яарвена.

Новая проблема. Нет связи с ботом, значит, нет ретрансляторного перевода. Яарвен не понимает меня, я — его. Придется довериться интуиции.

Пожав Джерри руку, я шагнул в коридор. Было тихо. Так тихо, что слышался звук падающих где-то с потолка капель просачивающейся воды.

Я включил поле силовой защиты. Сейчас это можно было сделать. Весь уже пройденный путь капсулой я воспользоваться не мог. Хорош бы я был, окруженный

силовым полем, рядом с беззащитным Джерри и Ярвенем!

Сейчас рисковать было не нужно. Сейчас я разведчик.

Коридор свернул влево. Поворот крутой, почти под прямым углом... Не люблю я таких..

Как и каким образом отделился от потолка этот двухтонный каменный блок, я не заметил. Не заметил, потому что не ожидал опасности со стороны низкого, покрытого каким-то люминесцирующим составом потолка.

Поле защитило меня от мгновенной смерти, но и прижало к полу. Я осторожно прибавил мощности, и камень сполз с моей спины, как если бы был старым ненужным панцирем.

По всей видимости, хозяин острова следил за моим продвижением. Следовало готовиться к сюрпризам. Однако очередные несколько минут пути ничего нового не принесли. Я совсем было решил, что ничего более остроумного, чем падающие на голову камни, Веркрюисс не может придумать, как изменил свое мнение.

Приборы показали, что, если бы не защитная капсула, меня бы пронзил весьма солидный пучок жесткого излучения. После подобной процедуры мало кто из белковых созданий способен передвигаться и даже просто жить.

Хорошо еще, что сохраняется связь с Джерри.

— Как там у тебя, Юра?

Линекер спрашивает негромко, но голос у него обеспокоенный.

— Не выходите из помещения, — говорю я и в двух словах объясняю ситуацию.

— Осторожнее, Юра, — просит Линекер.

— Джерри, — говорю я. — Мне эти штучки не страшны. Прошу тебя не трогаться с места.

— Хорошо, — обещает Джерри, но не очень охотно.

— Джерри...

— Ну, хорошо, хорошо, — повторяет он.

Коридор опускается вниз, причем уклон довольно резок. Я оказываюсь в высокой, похоже, естественной пещере, по дну которой стремительно несется неизвестно откуда и неизвестно куда поток быстрой воды.

— Джерри, кажется, я приближаюсь к логову этого мерзавца, — говорю я.

— Почему ты так думаешь?

— Все эти нападения неспроста.

Мостик, переброшенный через поток, не очень-то внушал доверие, но ничего не оставалось, как ступить на него.

И я ступил.

63. Джеральд Линекер

Больше ждать я не мог. Жестами пояснил Яарвену, чтобы он оставался с соплеменниками, и скользнул в тоннель. По-моему, я не слишком рисковал. Веркрюисс наверняка отвлечен продвижением Старадымова, да и едва ли он станет пробовать на мне методы, оказавшиеся бессильными остановить Юрия. Ведь о том, что защитная капсула есть только у Старадымова, Веркрюисс не знает. Значит, шанс у меня есть.

И все же чувствовал я себя неуютно. Мрак тоннеля, пол, покрытый лужами, в которые то и дело звонко срывались капли воды с потолка, заросшие липкой плесенью стены не способствовали подъему настроения. Нужно было быстрее догнать Старадымова. По моим расчетам, уйти далеко он не мог.

Пещера, в которой я увидел друга, была огромной. Чуть-чуть, может быть, уступала размерами первому залу Ново-Афонского комплекса. Музыка Бетховена, правда, в ней не звучала. Глухо шумел пробежавший через пещеру поток. Юрий осторожно продвигался по жалкому мосту, перекинувшемуся через преграду. Ста-

радымову осталось сделать не больше трех шагов, когда навстречу ему ринулась темная масса. Это был робот, огромный, незнакомой мне конструкции, робот, предназначенный для нападения и разрушения. Удар его многотонной массы, помноженной на скорость движения, был страшен. Видимо, в последнее мгновение Юрий успел сфокусировать защитное силовое поле, и нелепо растопыренная машина, перелетев через спасателя, грохнулась о каменный выступ. Осколки с визгом пронеслись рядом со мной, и в то же мгновение изуродованная машина сползла в подземную реку. Но и Юрий не устоял. Отчаянно взмахнув руками, он пытался устоять на узкой металлической полосе моста, но все кренился, кренился к его краю... Я прыгнул с разбега и успел ударить ладонями в спину спасателя. Тут же сворачивающееся силовое поле капсулы индивидуальной защиты ударило меня. Есть такое выражение: света не взвидел. Что оно значит, пришлось испытать на собственной шкуре.

Очнувшись, я увидел над собой перепуганное лицо Старадымова. Все тело болело, но, к собственному удивлению, на ноги поднялся я довольно уверенно.

— Цел... — облегченно вздохнул Юрий. — Ну, брат...

— Кажется, цел, — подтвердил я. — Хотя сам не пойму, как это я не пробил стену и не оказался прямоком в объятиях Богомила.

— Скажи еще: на орбите, — буркнул Старадымов, но больше ничего говорить не стал, только недовольно покачал головой. То ли учел, что появился я, в общем-то, вовремя, то ли и его в глубине души не особенно радовала перспектива встретиться с Веркрюиссом с глазу на глаз.

Теперь мы шли вдвоем: Юрий — чуть впереди, чтобы в случае опасности прикрыть меня силовой защитой, я — в двух шагах за ним. Было похоже, что Старадымов не ошибся, и мы действительно приближались к логову Веркрюисса. Подземные галереи в этом месте

выглядели более обжитыми, то и дело попадались запертые металлические двери, где-то пощелкивали непонятные механизмы, несколько раз нам попадались допотопные роботы. Признаков агрессивности они не проявляли.

Шаги за поворотом я услышал внезапно. Неторопливые такие шаги, мирные, шаркающие. Юрий тоже услышал их и резко остановился.

— Кто-то идет, — шепнул я и поднял пистолет-парализатор.

Старадымов утвердительно кивнул головой, но ничего не сказал.

Из ответвления коридора медленно вышел сутулый старичок. Его вислый нос, казалось, смотрел в пол, клок седых жидких волос должен был бы придавать его виду бодрости, но не делал этого, а как-то придавливал книзу высокий морщинистый лоб.

64. Юрий Старадымов

Я кашлянул.

Старик поднял глаза, замер в растерянности, подался назад, но поскользнулся, упал.

Мы помогли ему подняться. Старик переводил взгляд с меня на Джерри, в глазах его появились слезы. Дрожащие губы наконец выдохнули:

— Вы с Земли?..

— Да, — подтвердил Линекер.

— Счастье, счастье... — зашептал старик. — Кончились мои мучения... кончились...

— Кто вы? — спросил Джерри.

— Я? — Старик повернулся к нему. — Келлер... Я поддался на его уговоры, ушел с ним... И всю жизнь... всю жизнь...

— Где Веркрюисс? — прервал я стенания старика.

Его брови удивленно поднялись, лоб сморщился:

— О-о! Вы знаете моего хозяина?

Не отвечая на его вопрос, я повторил:

— Где Веркрюисс?

— У себя, у себя, — зачастил старик. — Я провожу вас... Осторожно, там метрах в десяти ловушка — плита уходит из-под ног...

Он зашаркал впереди нас. Плита действительно уходила из-под ног, но старик что-то нажал возле пола, и мы спокойно прошли опасное место.

— Чем занимается... ваш хозяин? — помедлив, заинтересовался Линекер.

— Работает, — удовлетворенно кивнул головой старик, — он всю жизнь работает. Если бы ему удалось воплотить все свои идеи...

— Что же ему мешает? — не удержался Джерри.

Не слушая егеря, старик продолжал говорить:

— У хозяина великие идеи. Великие!.. Ведь что представляет из себя человек? Слабое существо, возмнившее себя венцом творения. Мало кому из людей дана способность гениального предвидения...

— Веркрюиссу, например, — ехидно свернул Линекер.

— Да, — без тени сомнения, подтвердил старик. — Ему — бесспорно. Если бы хозяину не мешали!.. Уже сегодня Землю населяли бы сверхсущества, обладающие такими свойствами, какие людям и не снились!

— Что, что? — растерялся Линекер.

— Не понимаете? — хихикнул старик. — Что ж, немудрено. Это сложно понять и еще сложнее принять. Надеюсь, вы знакомы с законами эволюционного процесса?

Мы с Джерри удивленно переглянулись. Старик проявлял странную для камердинера осведомленность в идеях Веркрюисса. Хотя... Они столько лет провели вместе...

— Любой биологический вид заранее обречен, — продолжал Келлер. — Рано или поздно он вымрет.

Границы генетической изменчивости небеспредельны. Виду гомо сапиенс недолго осталось топтать землю...

— Бред какой-то, — пробормотал Линекер.

Старик не расслышал.

— Каков же выход? — продолжал свои размышления он. — А ведь он есть! В недрах вида может зародиться новый вид. И какой он будет, зависит от нас! Готовить своих потомков! Уже сегодня вести отбор лучших представителей — тех, кто составит основу будущего вида.

— И кто же этим будет заниматься? — не выдержал я.

— Чем? — опешил старик.

— Вести отбор, — пояснил я.

— Те, кому дано видеть дальше, — высокопарно изрек Келлер.

— А что будет с остальными? — зло спросил Линекер.

— Остальные... — Старик пожевал губами. — Они все равно обречены... Выбор невелик: либо человечество навсегда канет в Лету, либо останутся пусть редкие, но ростки будущего. Они сохраняют память о гомо сапиенс. Пусть же и люди отдадут все для этого будущего. Эта проблема уже решена...

Старик, согнувшись, протиснулся в низкий проход. Мы не отставали от него.

— Проблема решена... — снова заговорил Келлер. — Те, кто недостойн создавать вид сверхлюдей, послужат ему. Не раздумывая, не страдая... Они освободят полигон, жизненное пространство для нашего будущего.

— А люди... люди согласятся на это?! — Джерри задыхался от ярости.

— Им будет все равно, — бубнил Келлер, — это просто. Операция... Даже кормить не обязательно... Энергия от ирия...

Неожиданная мысль пришла мне в голову:

— Что Веркрюисс делал на севере Байкала? — преврал я безумного старика.

— Искал ирий, — ответил Келлер. — Без него хозяин не успеет... Ведь он уже далеко не молод. А запасы подошли к концу...

— Что же он его здесь не добывает? — удивился Линекер.

— На этой планете ирия нет, — пояснил старик. — Хозяин предполагает, что его наличие как-то связано с космическим телом, после столкновения которого с Землей и возникла эта параллельность. Какой-то из парадоксов пространства-времени... Все месторождения ирия остались на Земле...

— Значит, аппарат профессора Батгуула исправен? — Я внимательно следил за реакцией камердинера.

Келлер растерянно посмотрел на нас, пожал плечами, потом неуверенно кивнул.

— На Земле почему-то не разрабатываются даже крупнейшие месторождения ирия, — недоуменно сказал он. — Хозяин был очень удивлен.

«Твой хозяин попал не на Землю, а на Терру, о существовании которой, очевидно, и не догадывается, — подумал я. — Впрочем, и на Земле он увидел бы похожую картину».

Но сказал другое:

— Ученые Земли давно научились получать ирий искусственным путем.

— Вот как, — прошептал Келлер. — Великое открытие... Если бы тайна его стала известна... хозяину...

— Зачем он оставил киборгов охранять место прокола пространства? — спросил я. — Боялся, что люди найдут дорогу к его убежищу?

— Это не киборги, — похоже, старик думал о чем-то своем, — это те, кому предстоит служить представителям сверхвида будущего.

— Эти бестии были людьми?! — ужаснулся Лине-

кер. — Так вот зачем Веркрюиссу требовались юноши-атланты!

— Дикари, — бормотал Келлер. — Они никогда не поднялись бы даже до уровня среднего серого человека... А теперь они послужат, принесут пользу...

Неожиданно он резко остановился.

— Если вы поможете хозяину, — негромко заговорил Келлер, пытливо глядя на нас, — расскажете ему, как получать ирий, или хотя бы поможете пополнить его запасы, он ничего не пожалеет. Ваши потомки будут гордиться вами, ваши имена будут стоять в истории сверхлюдей рядом с именем Веркрюисса...

— Хватит болтать! — вспыхнул Джерри. — Долго мы еще будем бродить по этому гнусному подземелью?!

Старик внимательно посмотрел на Линекера и сник.

— Уже пришли. — Он показал на массивную плиту, выполнявшую, по всей видимости, функцию двери.

Я отстранил Джерри, собравшегося было войти первым, посмотрел на Келлера:

— Как открывается?

— Изнутри, — качнул он головой.

— Отойдите подальше, — сказал я.

Они отошли. Половины мощности моего защитного поля оказалось достаточно, чтобы плита-дверь отлетела в сторону, а я, влетев в помещение бункера, крикнул дремавшему за столом человеку:

— Сдавайтесь, Веркрюисс!

Он не пошевелился.

Уже догадываясь, что к чему, я медленно подошел. Стол оказался пультом управления. Сделан он был небрежно, провода свисали, экраны локатора и видеофора были покрыты слоем пыли. Конечно, пропылишься, если не пускать к себе даже камердинера. На экране видеофора были видны те места коридора, от которых у меня остались неизгладимые воспоминания.

Видимо, камеры были установлены в местах лову-

шек, чтобы хозяин бункера имел возможность насладиться зрелищем гибели жертвы — либо под каменной плитой, либо под гамма-лучами.

Приподняв голову человека, я окончательно убедился, что он мертв. Об этом свидетельствовала и аккуратненькая дырочка в его виске. Отверстие в старческой коже совсем не казалось чем-либо ужасным, отчего может наступить смерть. Но предки не зря изобретали такое оружие, как пистолет. Он лежал тут же, на полу, под расслабленно повисшей рукой...

— Самоубийство, — констатировал я.

— Что? — встревоженный тишиной, Джерри заглядывал через развороченный мною порог.

— Он покончил с собой, — сказал я.

Из-за спины Линекера появился старый камердинер, подошел к своему хозяину, с опаской, но и с каким-то удовлетворением посмотрел на него, хихикнул коротко.

— Я здесь не останусь... — сказал он. — Заберите меня, я хочу на Землю... Он держал меня здесь, не выпускал... Вы меня возьмете с собой?

Меня покорило равнодушное отношение старика к смерти Веркрюисса. Особенно после тех дифирамбов, которые он пел покойнику. Но вопрос был задан, поэтому я ответил:

— Да, — и тут же спросил: — Где аппарат Батгуула?

— В покоях хозяина, — ответил Келлер. — Это недалеко. По поверхности недалеко. Под землей идти долго и трудно.

Мы прошли относительно сухим, быстро поднимающимся переходом. И тут я сообразил, что Яарвен и юноши-атланты останутся где-то под землей. Правда, им ничего уже не грозит. И тем не менее нужно вернуться за ними...

Но старик уже повернул какой-то рычаг, спрятанный в стене, и огромная каменная глыба начала с хрустом

и скрипом поворачиваться. В щель ворвался солнечный свет и свежий морской ветер, пахнувший солью и водорослями.

65. Богомил Геров

Живущая У Моря молчала, но из ее глаз одна за другой вытекали крупные слезы, и она уже не вытирала их рукой. Я несколько раз принимался убеждать девушку, что все идет своим чередом, но, вероятно, мой голос звучал не очень убедительно, потому что я сам не мог найти себе места. То мне хотелось сломя голову кинуться по следам друзей, то израсходовать остатки энергии и взорвать скалу, как говаривали наши предки, к чертовой бабушке, поскольку мерцание локатора свидетельствовало лишь о пути продвижения друзей, но не о том, что с ними все в порядке. В голове бродили предположения одно ужаснее другого: Веркрюисс захватил наших спутников и, измываясь над пленниками, показывает им свои владения; Веркрюисс умертвил их и с восторгом безумца возит трупы на какой-нибудь тележке, не зная, где их пристроить. Я то и дело давал себе зарок подождать еще четверть часа, еще пять минут, еще четыре минуты, и все время медлил с решительными действиями. Меня удерживали опасения за судьбу Живущей У Моря и строжайший приказ Юрия ни в коем случае ничего не предпринимать, пока кто-нибудь из них не подаст сигнал тревоги или опасность не станет очевидной. Как ни болела моя душа, разум подсказывал, что оснований вступать в развитие событий нет. Нет.

Внезапно Живущая У Моря привстала, слезы разом высохли на ее щеках, которые из мелово-бледных мгновенно превратились в пунцовые.

— Они! — только и смогла выдохнуть девушка.

Это восклицание окончательно привело меня в чувство, и я понял, что передатчик заработал.

— Юра! — заорал я в микрофон.

— Все нормально, — спокойно отозвался Стародымов.

Он не кричал, не ликовал, скорее говорил устало, но я не мог ошибиться: все было великолепно!

— Юра! Мы можем выйти из бота?!

— Теперь можете.

— Только не споткнитесь, — радостно добавил Джерри.

Его слова застали меня уже на берегу. Громадный камень медленно сдвинулся с места, в открывшемся проходе показались фигуры друзей. Живущая У Моря оказалась рядом со мной. Мы скакали с валуна на валун, как дети, которым после долгого урока разрешили побыть наедине с природой. Остров теперь не казался мрачным и угрюмым. Я видел и сверкающее в вышине солнце, и изумрудный океан, накатывающий на берег ласковые, ворчливые волны.

Я уже раскрыл объятия, чтобы броситься навстречу появившимся из темного провала Джерри и Юрию, но взгляд мой остановился на сгорбленной фигуре старичка с вислым носом и жиденьким коком седых волос на самой макушке, под высоким лбом которого в мелких морщинах прятались пронизательные глаза.

Старичок остановился и тоже уставился на меня. В его постепенно выкатывающихся глазах появился животный ужас, словно он увидел не учителя с вполне заурядной внешностью, а медузу Горгону, которая грозила превратить его взглядом в камень. Я прикоснулся к волосам, как бы желая убедиться, что там нет ничего похожего на скользких гадов. И в эту минуту старичок, издав нечеловеческий вопль, метнулся назад. До сих пор удивляюсь, откуда в этом немощем теле было столько сил. Он кричал так, что подумалось, вот-вот загрохочут от детонации, посыплются со всех сторон глыбы, лежавшие тысячелетиями.

— А-а-а-а! Ты?! Опять ты?! Проклятый!!! Всю жизнь ты преследуешь меня!!!

Он бежал к своей подземной норе, но внезапно на ее пороге выросли фигуры юных атлантов во главе с Яарвен. Старик задергался, схватился за голову скрюченными руками, будто хотел освободить ее из безжалостных тисков, потом рухнул на камни и забился в конвульсиях.

Я рванулся назад к боту, на ходу впрыгнул в него, мгновенно переместил бот к еще вздрагивающему телу, подключил нашего эскулапа...

Если бы вместо электронного врача, этой бездушной коробочки, у нас был добрый кибер, он наверняка бы горестно и безутешно развел руками. Киберу было бы ясно одно — не стало человека. О том, какого человека не стало, он бы не задумался. Для него Веркрюисс, а это, несомненно, был он, оставался просто человеком.

Но я не мог думать об умершем такими простыми категориями, и мне было неловко, что я не испытываю обычного опустошения, которое всякий раз преследует, когда уходит в небытие близкий по разуму. Близкий ли?

Чувство, что я все-таки причастен к смерти живого существа, шершавой ладонью прошло по сердцу.

— А все-таки он нас перехитрил, — проронил Джерри.

— Не нас, а себя, — поправил Юрий и положил руку мне на плечо: — Богомил, не казись, просто ты, наверное, очень похож на своего деда, Последнего Опера.

Я вздохнул, поднял взгляд.

В нескольких шагах от нас стояли Живущая У Моря и Яарвен. Она положила голову ему на грудь и о чем-то тихо говорила на непонятном нам языке.

66. Джеральд Линекер

Задерживаться на острове мы не стали. Юрий без особого труда разобрался в системе управления хозяйством Веркрюисса. Механизмы были отключены, программа действия роботов заблокирована... Там же, в центральном пульте управления, мы нашли и аппарат профессора Батгуула — Маноло описал его довольно точно. Подземный лабиринт оказался не таким уж большим, скорее он поражал своей хаотичностью и запутанностью. Кстати, именно этим и объяснялось появление атлантов — Веркрюисс провел нас совсем рядом с их клеткой-темницей. Это не укрылось от зорких глаз Яарвена, и он без труда нашел дорогу на поверхность.

Почему Веркрюисс оставил попытки уничтожить нас и рискнул на встречу? Не знаю... Может быть, решил таким образом получить необходимую информацию. Не исключено, что он искренне пытался найти в нас единомышленников. А может, просто испугался — он-то ведь не знал, что мы попали на Терру Инкогнита случайно и вовсе не являемся авангардом сильного и хорошо подготовленного отряда исследователей...

В одном из подземных залов-пещер мы долго стояли молча. Здесь находились жертвы бесчеловечной идеи Веркрюисса. В анабиозных ваннах лежали сотни бывших людей — тех самых бестий, что столь неласково встретили нас недалеко от Байкала. Мы смотрели на юношей, которых жестокий маньяк хладнокровно лишил всего, что даровано человеку. Удастся ли ученым Земли исцелить их, вернуть к нормальной жизни? Ответить на этот вопрос нам было не под силу...

В анабиозной ванне нашел свое последнее пристанище и сам Веркрюисс, так нелепо и страшно растративший свой талант. Он до конца прошел путь, который сам для себя определил. Стремясь стать сверхчеловеком, потерял родину, друзей, даже право человеческого об-

щения... Фактически как человек он давным-давно умер, хотя и продолжал существовать на этом никому не известном острове. Смутные воспоминания об идеях, близких тем, которые он нам излагал, хранились в моей памяти. Что-то подобное я когда-то читал — Веркрюисс не был первопроходцем. Имен его идейных предшественников я не помнил. Уверен, что и Веркрюисса ждет полное забвение. Что же касается его теории... Как биолог, я не мог не согласиться с тем, что исторически время существования каждого вида ограничено. Но человек давно включен в законы своей биологической эволюции, закономерности иного рода — социальные. Значит, и история вида гомо сапиенс будет иной, а какой именно — это зависит от нас самих...

В другую анабиозную ванну мы положили тело старого слуги. Скорее всего его убил Веркрюисс. Видимо, решив спрятаться под личиной старого безобидного камердинера, он побоялся, что Келлер его выдаст. А человеческая жизнь давно перестала быть для Веркрюисса ценностью...

Мы решили вернуться на Терру в том же месте, где исчезли с нее. Юноши-атланты оставались на острове — бота Веркрюисса мы найти не смогли, а наш был слишком мал для всех. Запасы продовольствия в подземной берлоге имелись, так что за судьбу крепких молодых людей на те несколько дней, которые пройдут до появления здесь посланцев Земли, можно было не беспокоиться. Ярвен и Живущая У Моря летели с нами.

...За время нашего отсутствия ничего не изменилось в месте, с которого Терра Инкогнита начала открывать свои тайны. Так же шумела тайга, поблескивал информационный кристалл, закрепленный Юрием на ветке сосны... Разве что весна все решительнее предъявляла свои права на природу. Мы стояли у бота, вдыхая прогретый воздух, вслушиваясь в гомон птичьих стай, стремящихся к северу. Я не прощался с Террой Инкогнита, знал, что вернусь сюда, вернусь очень скоро. Похоже,

что нечто подобное думали и мои друзья, потому что Юрий улыбнулся и сказал:

— Ручаюсь, что Богсмил представляет, как будет набирать в свой класс любопытных маленьких атлантов.

— Почему только атлантов? -- широко улыбнулся в ответ Геров. — Я бы с превеликим удовольствием поработал с тем бойким мальчишкой, который так рассердил старого шамана!

Юрий повернул верньер прибора прокола пространства, отрегулировал изображение на засветившемся экране... Картина, которая предстала перед нами, была настолько знакома мне, что дыхание перехватило.

— Терра! — выдохнул я.

— Ты в этом уверен? — засомневался Богомил. — Вдруг еще какая-нибудь параллельность?

Я хотел отшутиться, но не смог и, проглотив подкатившийся к горлу комок, указал на экран:

— Эти вешки в болоте я ставил собственными руками...

67. Юрий Старадымов

Аппарат профессора Батгуула не подвел. Мы вышли точно в том районе, который видели на экране. И сразу оживший передатчик бота загудел от доброго десятка взволнованно перебивавших друг друга голосов. А через мгновение до меня донеслись слова безуспешно старавшегося казаться спокойным Намшиева:

— Всем освободить линию связи! Спасатель-шесть! Вас вызывает Главная Диспетчерская!

Тогда я нажал клавишу на пульте и негромко сказал в микрофон:

— Я Спасатель-шесть. Спасатель Старадымов слушает Главную Диспетчерскую...

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

Рассказ

1

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Воздушные массы перебираются через высокую стену синеющей вдалеке горной гряды и с силой обрушиваются на равнину. Столетия назад ветер вздымал в воздух тучи песка, закручивал черные смерчи, перекачивал с места на место желтые волны барханов... Потом в долину пришли люди. Пустыня отступила на многие сотни километров, и теперь ветер, долетая до космодрома, приносит с собой ароматы садов да терпкий запах горной полыни. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, врывается в открывающиеся люки кораблей, и прикосновение ветра кажется истосковавшимся по Земле космонавтам не терпеливой лаской родной планеты.

До очередного рейса оставалось чуть больше двух недель. Обычный разведывательный полет, стандартная программа... Таких рейсов сотни, в них участвуют многие экипажи, работа, давно ставшая будничной. Поэтому вызов в Центр космических исследований удивил Андрея. Других ощущений не было: работа остается работой, даже если ты находишься в отпуске, который, честно говоря, стал уже поднадоедать.

Бесшумный лифт вознес Андрея на девятый этаж.

Слабо фосфоресцирующий номер на двери подтверждал — все правильно, тебе нужно именно сюда. Войдя в комнату, Андрей коротко представился — отрапортовал о прибытии.

— Садитесь, Андрей Васильевич, — хозяин комнаты, незнакомый, сравнительно молодой человек, приветливо повел рукой в сторону кресла и еще раз повторил: — Садитесь. Очень рад вас видеть.

Сам устроился в кресле напротив и только потом представился:

— Мыслин, Олег Петрович Мыслин.

Эта фамилия ничего не говорила Андрею, и он промолчал, ожидая разъяснений.

— Вас рекомендовало командование Космодесантной службы, — продолжил Мыслин, — а я хочу предложить вам принять участие в одном несколько необычном эксперименте...

Он замолчал, словно подбирая слова, потом снова заговорил:

— Вы знаете, Андрей Васильевич, как много делается на планете для укрепления здоровья человека, продления его жизни и сокращения числа различных несчастных случаев. Но, увы, все предусмотреть, к сожалению, пока не удастся, и люди продолжают гибнуть и в космосе, и здесь, на Земле. Смерть любого человека — трагедия, особенно смерть внезапная, а порою и попросту нелепая. И особенно остро переживают эту трагедию родные и близкие погибшего. Сегодня самые трудные случаи для медиков планеты связаны именно с устранением последствий шока, причиной которого служат несчастные случаи. Главным врагом врачей в таких случаях выступает, как бы это нелепо ни звучало, память. Да-да, та самая память, которой законно гордится и человечество в целом, и каждый конкретный человек. Именно память снова и снова бередит, казалось бы, уже затянувшиеся раны... Впрочем, что об этом

говорить, ведь и вам приходилось переживать и наблюдать нечто подобное.

Андрей молча кивнул. «Разведчик-18», в экипаже которого он уходил в свой первый рейс к поясу астероидов, потерпел аварию на Дионе. Там погиб Удо Эдберг. На всю жизнь сохранил Андрей чувство боли и жгучего стыда, которые он испытал уже здесь, на Земле, встретившись глазами с женой Удо. Казалось, они кричали: «Почему, почему он?! И где были вы, такие сильные и здоровые, в ту страшную минуту?!» Что он мог ответить этой мгновенно постаревшей женщине? То, что Удо спас их всех? Или то, что каждый из них готов сделать все, чтобы поменяться с ним местами, только бы не видеть этого скорбного, безмолвно обвиняющего взгляда, вот только изменить уже ничего нельзя... А мать Эдберга врачи тогда так и не сумели спасти...

С неожиданной неприязнью Андрей взглянул на Мыслина, из-за которого он вновь пережил эти тяжелые минуты. Тот вздохнул, устало провел рукой по воспаленным глазам, и Андрей вдруг явственно понял, как нелегко дается этот разговор его собеседнику.

— Я слушаю вас, Олег Петрович, — прервал неловкое молчание космодесантник.

— Да, — встрепенулся Мыслин. — Так вот. Нашим институтом разработан, м-м, прибор, который, как считают некоторые исследователи, способен снизить негативные последствия случаев, о которых мы говорили, до минимума.

— То есть? — недоуменно поднял брови Андрей.

— Это сложно объяснить, Андрей Васильевич. Механизм процесса до конца не выяснен. Ну, представьте себе, что перед вами лежит чертеж, сделанный по старинке — карандашом. Вы берете резинку и проводите ею по начертанным линиям. Совсем стереть их вам не удастся, но ослабить, сделать едва заметными — нетрудно. Примерно так же действует наш прибор, снижающий остроту негативных переживаний.

Андрей ошеломленно посмотрел на собеседника:

— Но ведь это попросту жестоко! Лишать людей самого дорогого, что у них есть, — памяти...

Резкая формулировка словно ударила Мыслина. Тем не менее он ответил:

— Не вы один так считаете, Андрей Васильевич. Честно говоря, я и сам не знаю, какое из зол считать в данном случае наименьшим. Страшно забвение, но и безучастно смотреть на мучения людей мы не можем... Кроме того, разве имеющиеся лекарственные вещества, по сути своей, не делают то же самое, что и наш прибор? Только гораздо медленнее и менее эффективно. Да и память об ушедших под воздействием прибора сохраняется у людей полностью. Снижается острота воспоминаний, как будто прошло много лет. Время ведь тоже лечит...

— Так вот о каком эксперименте шла речь... — произнес Андрей.

— Да, — утвердительно кивнул головой Мыслин. — Уже около года мы испытываем прибор. Пока здесь, на планете. Поймите, Андрей Васильевич, по-иному поступить мы не можем. Что представляет из себя наше изобретение: зло или благо, — покажет только время. Здоровью экспериментатора это никак не вредит.

Он отогнул рукав куртки и показал Андрею неширокий браслет, очень похожий на браслет средства индивидуальной связи. Только огонек на нем светился не рубиновым, а бирюзовым светом.

— Если со мной что-нибудь случится, огонек погаснет, — просто пояснил Мыслин. — Ну и тогда, тогда мои товарищи займутся обработкой полученных материалов.

— Но я, знаете ли, как-то не планирую, что бы со мной «что-нибудь случилось», — несколько резко, чем следовало бы, ответил Андрей.

— Я тоже, — вымученно улыбнулся Мыслин. — Вы меня не совсем поняли, Андрей Васильевич. Никто из

участников эксперимента не лезет очертя голову навстречу опасности и тем более не ищет смерти. Перед нами стоит еще одна проблема. Очень важно знать, как влияет знание о наличии прибора и последствиях этого наличия на психику самих экспериментаторов, на их поведение в сложных ситуациях...

Андрей встал и подошел к огромному, во всю стену, окну. До самого горизонта уходили серебрящиеся ковыльные степи. Далеко-далеко темнела полоска кустарника, за ним проблескивала поверхность реки. Андрей почти физически ощутил тяжесть, которую нес на своих плечах Мыслин и которую предлагалось принять на себя ему. Почему возникла именно его кандидатура, в общем-то, было ясно. Семьи у Андрея не было, родители ушли в составе Первой Звездной экспедиции в далекий космос. Их корабль и сейчас разрезал темноту пространства за миллионы километров от Земли. До цели путешествия им еще лететь лет пятьдесят. Провести жизнь в металлической коробке, чтобы добраться до звезды, на которой уже десять лет назад побывали люди... Открытие Ивана Бентли, подарившее людям просторы Вселенной, было сделано через двенадцать лет после отлета Первой Звездной и через три года после старта Второй экспедиции. В открытом космосе корабли не перехватишь, не догонишь... А что предстоит пережить людям, которые в конце пути узнают, что они опоздали, что добытые ими знания давно известны, а жертвы были напрасны... Кто и как возьмется объяснить им все это? Здесь и прибор Мыслина не поможет, нет у первопроходцев Дальнего космоса такого прибора...

— Вы можете отказаться, Андрей Васильевич, — раздался за его спиной голос Мыслина. — Вы можете отказаться. Мы все поймем правильно.

— Я принимаю ваше предложение, Олег Петрович, — неожиданно для себя произнес Андрей. — Когда и что нужно делать?

Жаркие лучи Солнца пробивались сквозь плотно прикрытые веки, создавая багровую завесу перед глазами. Попавший под бок сучок неприятно колот кожу. Андрей на ощупь разыскал его и лениво отбросил в кусты. До отлета еще восемь дней. Делать нечего и спешить некуда. Он никогда не умел отдыхать. Особенно вот так — бездумно. Растительная жизнь. Андрей вздохнул, рывком встал на ноги и решительно направился к реке. Глинистый берег был скользким, и он осторожно, балансируя руками, спустился к урезу воды. Мелкие рыбешки, крутившиеся вокруг пучка жестких водорослей, испуганно метнулись в сторону.

Андрей давно хотел выбраться в небольшой древний городок-музей с певучим русским именем Звенигород. Можно было сделать это и раньше, да все как-то не случалось. Сегодня, расставаясь с Мыслиным, решил твердо — поеду. Зачем — и сам не знал, да и не пытался разобраться в своих ощущениях. Побродил по территории окруженного деревьями монастыря, осторожно пристроился к экскурсии африканских школьников, внимательно слушавших учителя, а потом пошел сам не зная куда по заросшей травой полосе асфальта, до которой почему-то еще не добрались вездесущие ассенизаторы из ведомства по реставрации природы. Дорога то пряталась в прохладе лесных зарослей, уже заславших на растрескавшуюся полосу десант из молодой поросли березок и сосен, то вырывалась на простор одуряюще пахнущих лугов. Потом слева, под горой, показалось непонятное сооружение, и Андрей по обожженному солнцем косоугру спустился к Москве-реке. Слегка покачивая широкие листья кувшинок, она неспешно текла к своей вековечной цели. Сооружение, на которое обратил внимание Андрей, оказалось мостом, древним подвесным мостом, перекинувшимся с берега на берег.

Висел он тут, похоже, лет двести, но выглядел неплохо — видно, за мостом следили. Выше по кособокому виднелся обомшелый сруб колодца, но ведро, аккуратно поставленное на край сруба, было совсем новым — тонкие деревянные плашки, любовно связанные затейливой вязкой, янтарно светились. Андрей осторожно опустил ведро в колодец, вращая за ручку деревянный ворот, вытащил его обратно, напился. Немного подумав, умылся ледяной водой. Тонкие ручейки пролитой влаги сбежали по пыльной, быстро впитывающей их тропинке, собрались в маленькую, исчезающую на глазах лужицу. Невесть откуда прилетел толстый бархатный шмель, загудел басовито, кружась над влажной землей. Андрей рассмеялся, быстро пробежал по закачавшемуся под его тяжестью мосту и, свернув направо, пошел вверх по течению реки.

Вскоре среди подступившего к самой воде ельника засветились какие-то строения. По звонким голосам Андрей догадался, что это скорее всего школьный городок, и прибавил шаг. Если неугомонные ребята узнают, что перед ними космодесантник, так просто от них не отделаешься. В том, что мальчишки быстро разберутся, с кем имеют дело, Андрей не сомневался. Но метров через четыреста едва заметная тропинка, по которой шел космодесантник, неожиданно отшатнулась от берега, карабкаясь на увенчанный могучими соснами обрыв. Уходить от реки не хотелось, берег был пустынен. И вот уже третий час Андрей загорал на облюбованном месте, слушал звонкую переключку неугомонных кузнечиков да следил за черным коршуном, деловито описывающим широкие круги в выгоревшей синеве.

Река здесь была неширокой — камень перекинешь — и мелкой. Андрей дошел уже до середины, а вода едва поднялась до колен. Но у левого берега под зарослями

кувшинок угадывались омутки. В три гребка Андрей пересек глубокое место и выбрался на заросший травой берег. Отцепил длинный стебель, зацепившийся за браслет с горящим бирюзовым огоньком. Где-то недалеко отсюда в реку впадал прозрачный ручеек — Андрей заметил его, проходя по ставшему теперь противоположным берегу, и тогда еще решил разыскать.

Звонкая струйка воды перепрыгивала по ложу, устеленному плоскими ржавыми камнями. Холод обжег ноги — где-то в верховьях ручья били родники. Вода пахла травами и лесной прохладой, и Андрей, наклонившись над ручьем, сделал несколько жадных глотков, от которых заломило зубы. Неожиданно на воду упала чья-то тень. Андрей поднял голову и увидел легкую весельную лодку, уткнувшуюся носом в песчаную отмель, намытую ручейком при впадении в реку. Рядом с лодкой стояла девушка.

Позднее Андрей не раз спрашивал себя, как могло случиться, что дни, проведенные им с Цветаной, растянулись до бесконечности, почему он без труда может вспомнить до слова их разговоры, а каждый жест, улыбка намертво отложились в памяти? И почему те же дни сжались в бесконечно малые, промелькнувшие мгновения и сама Земля показалась необычно маленькой? Предки говорили в таких случаях: «Судьба!»

Они очень торопились, словно каждая уходившая минута была последней, и страшно было оставить ее полупустой, ненаполненной. Легкий флаер сменялся авиеткой, север — югом, потаенные и ничем не приметные уголки планеты говорили ярче самых красивых слов. Так бывает — хочется вернуться в место, куда однажды забросила судьба или случай, но вернуться не одному, а с человеком близким и дорогим, вернуться, чтобы вновь ощутить непонятную легкость и радость,

ощутить и поделиться ими... И одновременно страшно — вдруг не поймут, и тогда что-то надломится, хрустнет в душе, как первый осенний ледок под тяжелой подошвой...

...Северная тундра расстилала перед ними зеленое сукно, испещренное синими разводьями рек. Когда-то давно — в детстве — Андрею попалась на глаза фотография северной реки, сделанная с борта самолета. «Специально, что ли, такую испетлявшуюся искали?» — удивлялся по молодости лет будущий космодесантник. Позднее, попав на экскурсию в таймырскую тундру, понял — реки здесь все испетлялись. Причудливые извивы русла порой так тесно прижимаются друг к другу, что кажется, вот-вот сольются в непрерывное кружево, а река потечет в обратную сторону. Казалось бы, убежала вода уже за десятки километров, а нет! Неведомая сила изогнула реку огромной окружностью, и вернулась река — то ли посмотреться в свои воды, то ли собираясь начать путь сначала... А в этих петлях и петельках, окаймленных остроконечными листовниками, притаились озера, озерца, старицы — бесчисленная россыпь синевы на зелени тундры. Матово белела так и не поддавшаяся летнему солнцу снежная осыпь, отливала сединой пена вокруг камня, преградившего дорогу бурной речушке, сверкало крыло чайки, кружащей над озером, — и опять перед глазами зелень и синева... А когда флаер снижался к разноцветным — синим, желтым, красным — панцирям льда, лежащего на крупных озерах, в прибрежной полосе темной воды било живое серебро рыбьих стай...

...Вечерний лес, дышащий свежестью после мимолетного дождя, прижимался к дороге. Узкая лента отшатывалась от наступающих деревьев, но заросли прижимались с другой стороны, вынуждая дорогу делать новый

поворот. Сумрак, затаившийся в кронах деревьев, казалось, ждал, когда дороги достигнет волна мрака, выползшая из ущелий высокой горы, на которой когда-то, если верить легендам, жил разбойник (добрый, конечно, добрый, разве в прекрасных сказках встречаются злые волшебники?). А лес все придвигался и придвигался вплотную к дороге, черные листья смыкались над головой, ночные насекомые зажигали слабые огоньки своих фонариков...

...Слабо фосфоресцировали накатывающиеся на берег волны, освещенные немигающим светом молодого месяца, подвешенного вверх рожками в ночном небе. Маленькие крабы беззвучными тенями скользили по песку.

— Тебе не кажется, что он живой? — шепнула Цветана.

— Кажется, — тоже шепотом отозвался Андрей.

Океан дышал словно огромное доброе животное. Близость его очищала, заставляла еще и еще раз проверить свои мысли и поступки и одновременно навевала горчинку предстоящей разлуки...

3

Планета, обращавшаяся вокруг ярко-оранжевого светила, оказалась безжизненной и малопривлекательной на вид. Темно-багровые каменные пустыни, раздирающие серое небо острые позвонки скал... Ночами недобро светились жерла вулканов, огненные языки лавы нащупывали проходы среди хаоса циклопических глыб. Отличное место для размещения легендарного ада. Правда, от Земли далековато — душам грешников, если они не овладели секретом нуль-перехода, долгонько пришлось бы добираться до узилища. Впрочем, богу — бо-

гово, а человеку... Человеку прежде всего необходимо выполнять то, что от него ждут другие — очень далекие и стоящие рядом на чуть подрагивающей от подземного гула каменной плите.

Андрей еще раз осмотрелся вокруг и шагнул вниз по склону. Двое молча последовали за десантником. Шестой разведывочный. Пять предыдущих принесли удовлетворение разве что геологу Карпову. На этой планете для него рай. Недаром электронный мозг занят в основном обработкой геологических трофеев. Десантникам, впрочем, пока тоже грех жаловаться. Происшествий нет, имеются в виду неприятные происшествия. А это для десантников главное. А вот Варга недоволен. Скучно здесь биологу. Нет жизни. Ни в каком проявлении. Правда, многочисленные гейзеры выбрасывают вместе с какой-то сложной неорганической дрянью небольшое количество водяных паров. Но до той поры, пока в них заведется какая-никакая живность, нужно ждать, и ждать долго — несколько миллионов лет. Варгу такая перспектива не устраивает. Но и без биолога выходить нельзя — космос уже подбрасывал загадки. В том числе и на таких неблагоустроенных планетах...

Андрей внимательно осмотрел ровную площадку, на которую падала тень от острого камня, торчащего, словно обломанный клык, метрах в десяти от него. Пора отдохнуть, а потом и возвращаться к кораблю. Маршрут мы, конечно, изменим: два раза проходить одним и тем же путем — непозволительная роскошь. Сначала доберемся до тех неприветливых каменных грибов, потом на юг — где-то там километрах в трех какое-то непонятное озерцо, наполненное неведь чем, — его вчера обнаружила группа Лемье, а там посмотрим...

Десантник еще раз осмотрел облюбованное место, тяжело опустился на жесткий камень.

— Отдых. Сорок минут. Я подежурю, — коротко по-

яснил он подошедшим спутникам. Карпов и Варга устроились рядом.

— Экая все-таки неласковая планета, — услышал Андрей голос биолога. — Даже скафандры усиленной защиты не до конца помогают. Кровь так и пульсирует в висках. словно невидимые часы тикают.

Так же звучали их с Цветаной шаги в тот — последний вечер. Андрей отвез ее в Прагу, хотя до начала занятий оставалось около месяца, Цветана решила вернуться в университет. Они шли темными переходами Старого Города, и шаги гулко отдавались в сплетении улочек. Утром перед расставанием Андрей и защелкнул на ее запястье браслет с ярко мерцающим бирюзовым огоньком. Объяснять ничего не стал — отшутился: «Пока хочешь помнить — носи...»

Он помнил все. В день знакомства они поднялись далеко вверх по течению Москвы-реки. Лодка легко преодолевала слабое сопротивление реки, и Андрей развернул ее, лишь когда они добрались до границ природоохранной зоны, и над левым берегом повисла искусственная радуга поливального агрегата. Оттягивая время возвращения, он чуть пошевеливал веслом, предоставив реке возможность самой нести яркую посудинку. Когда успела испортиться погода, ни Андрей, ни Цветана не заметили. Свежий ветер напористо подул навстречу, погнал с низовьев зыбкую волну. Пришлось приналечь на весла. Упругая стена ветра упорно сопротивлялась, лодка еле двигалась. Андрей с тревогой поглядывал на темную тучу, закрывавшую уже полнеба, и ругал себя за то, что не удосужился уточнить прогноз погоды. А Цветана смеялась. Ветер отбрасывал за спину светлые пряди ее волос, относил в сторону слова, но Андрей угадывал их по движению губ:

— Как хорошо! Люблю ветер! И чтобы не в спину, не попутный, а вот такой, как сейчас — в лицо. Он настоящий, честный, уносит все ненужное, злое! Да здравствует встречный ветер! Ты понимаешь меня, Андрей?!

Андрей скрипнул зубами. Неужели воспоминания об этом мгновении да и о самой Цветане могут быть легко и просто стерты из его памяти? Стереть одно, другое, что же тогда у него останется?! Проклятый прибор! Но вдруг перед глазами снова встали скорбные глаза Ольги Эдберг — жены, нет, вдовы погибшего на Дионе Удо. Если пережить такое доведется и Цветане?! Это еще страшнее, пусть уж лучше забудет...

Запищал будильник. Прошли сорок минут. Подъем, ребята, впереди еще долгий путь. И хватит лирики. Смотри в оба, десантник, ведь именно тебе доверена жизнь товарищей.

Оранжевое светило наткнулось на горную гряду и, помедлив мгновение, стало заваливаться за острые вершины. Люди так и не придумали для него имени. Конечно, в Звездном Атласе светило как-то называлось. Но запомнить эту невообразимую мешанину букв и цифр способны только астрономы, да и то...

Додумать Андрей не успел, потому что камни провалились под ногами идущего впереди Карпова. Глухо вскрикнул Варга. Андрей рванулся вперед и каким-то чудом успел дотянуться до геолога. Из воронки пахло жаром, обжигающим даже через термостойкую ткань скафандра. Десантник сумел задержать падение, и из всех сил подтолкнул оказавшегося почему-то сверху Карпова к краю воронки — откуда тянул руку Варга. Рубчатые подошвы ботинок геолога мелькнули над головой, и через мгновение Карпов лежал рядом с Варгой, и оба они пытались дотянуться до неуклонно съезжавшего в какую-то бездну Андрея.

«Худо дело», — успел подумать десантник, и в этот момент опора ушла у него из-под ног...

Андрей открыл глаза. Над ним склонилось знакомое безбровое лицо. Глаза часто-часто помаргивали.

«Флорес, — узнал десантник. — Похоже, что-то со мной стряслось. И достаточно серьезное. Уж очень наш Айболит встревожен...»

— Очнулся? — не скрывая облегчения, заговорил врач. — Ну, брат!.. И перепугал же ты меня...

Андрей вспомнил расширившиеся глаза Карпова, гримасу боли на лице Варги...

— Все в порядке, — словно угадал его мысли Флорес. — Ребята в порядке, корабль в порядке. Одного тебя помяло. Задал ты мне задачку! Семьдесят восемь часов клинической смерти, почти четыре месяца беспмятства в анабиозе! Я уж думал, до самой Земли не очнешься.

Привстав на локтях, Андрей испуганно посмотрел на врача, потом медленно поднес к глазам левое запястье. Бирюзовый огонек браслета не светился.

4

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, и прикосновение его сухой ладони кажется истосковавшимся по Земле космонавтам нетерпеливой лаской родной планеты...

Андрей последним спустился по трапу. Разведчиков давно не встречают официальные комиссии. Командир отряда, бригада механиков и, конечно, родные и близкие люди. Его не будет встречать никто. Андрей шел чуть в стороне от оживленных товарищей, сбивая ногами засыхающие шарики соцветий полыни. Что ж, Мыслин может быть доволен. Эксперимент удался на славу... И винить в этом некого...

Андрей поднял голову. Неподалеку, напряженно глядя ему в лицо, стаяла Цветана. Ее волосы пахли полынью и ветром, а он все прижимался к ним губами,

боясь оторваться, и в голове неотступно билась одна и та же мысль: «Как же так? Как?»

Олег Петрович стоял у окна, постукивая длинными пальцами по прозрачному стеклу.

Андрей закончил свой рассказ-отчет и, помолчав немного, спросил:

— Выходит, подвел ваш прибор? Не удался эксперимент? И простите, если мои слова прозвучат жестоко, но меня эта неудача только радует.

Мыслин оторвался от окна и повернулся к десантнику. С удивлением Андрей увидел улыбку на его лице.

— Меня тоже радует, Андрей Васильевич. Тем более что вы не правы. Эксперимент удался. Удался на все сто процентов и даже больше. Вот вы сегодня упомянули встречный ветер. А мне подумалось, что время, река времени — ведь это тоже встречный ветер для человечества. Оно очищает от скверны, уносит все лишнее, наносное, оставляет лишь те качества, что и позволяют называться нам Человеком. Человеком с большой буквы. Прибор прекрасно сработал. Но, оказывается, чтобы что-либо стерлось из памяти, нужно, чтобы сам человек хотел или был готовым об этом забыть. Понимаете — сам хотел! Все, что нам дорого, — навсегда останется с нами. И любой ветер здесь бессилен.

«КОЛОБОК»

Юмореска

Замаскировавшийся под НЛО звездолет неспешно накручивал обороты вокруг Третьей планеты. На исходе шестой части суточного времени кибернетический мозг переварил первую порцию привезенных разведчиками данных и выдал свои соображения Капитану. Еще через три десятых суточной части экипаж собрался в кают-компанию.

— Друзья, — Капитан выдержал многозначительную паузу, — кибермозг обработал сведения, содержащиеся в первом из документов, найденных доблестным Разведчиком. — Капитан слегка поклонился в сторону покрасневшего от смущения Разведчика. — Я имею в виду так называемый «Колобок». По мнению кибермозга, этот документ позволяет сделать бесспорный вывод: Третья планета населена киборгами!

По кают-компании пронесся удивленный шепот.

— Да-да, дорогие друзья! Беспочвенный, казалось бы, вымысел фантастов на этой планете стал реальностью! Прошу обратить внимание на то, что обитатели Третьей планеты крайне специализированы. В их именах — Дед, Бабка, Волк, Медведь — Центральный Мозг Звездолета не сумел найти никакого фонетического смысла, никакой связи друг с другом! Судя по описанию, правда, очень неконкретному, жители этого мира

резко отличаются и по внешнему облику. Жизнедеятельность они поддерживают путем включения в состав собственного тела кибернетических устройств, называющихся здесь «колобками». Привезенный Разведчиком документ позволяет полностью проанализировать процесс изготовления и внедрения в состав тела аборигенов этого киберустройства. — Капитан потряс в воздухе листками бумаги.

«Некий обитатель планеты, по имени Дед, почувствовал необходимость обновления киберустройства. Он поручил другому аборигену — Бабке, несомненно, мастеру высокой квалификации, изготовить новый «колобок». Но Третья планета находится на краю сырьевой катастрофы. Во всяком случае, Бабка сумел достать сырье, необходимое для изготовления киберустройства, лишь после получения от заказчика дополнительной информации. Нам трудно понять, что послужило причиной, но изготовленный робот нарушил заложенную в него программу и отказался повиноваться и мастеру, и заказчику. Попытки других обитателей планеты усмирить взбунтовавшегося кибера долгое время не давали результатов. Кстати, эти встречи, подробно описанные в документе, позволили сделать вывод, что сырьевой кризис носит затяжной и глубокий характер и оказывает пагубное влияние на моральный облик аборигенов. Во всяком случае, ни один из обитателей планеты, пытавшихся подчинить себе поломанное киберустройство, не пытался вернуть «колобок» законному хозяину, а, наоборот, старался включить его в состав собственного тела, что и удалось в конце концов аборигену Лисе, сумевшему устранить возникшие неполадки».

Вот те выводы, которые сумел сделать кибермозг, ознакомившись с содержанием этого необычайно интересного документа. Есть ли желающие высказаться?

Обсуждение заняло четыре суточных части времени.

Капитан с интересом посмотрел на сидящего перед ним Конструктора.

— Привлекательный вариант, очень привлекательный, но...

— Капитан, вы посмотрите, — заволновался Конструктор, — в этом документе досконально описан процесс контакта между аборигенами и готовым киберустройством. Диалоги между «колобком» и различными обитателями планеты абсолютно идентичны. Смотрите, первая фраза: «Колобок, колобок, я тебя съем!» — это фраза-пароль. Абориген сигнализирует о готовности контакта с киберустройством. В ответ робот немедленно сообщает свои тактико-технические данные: «Я колобок, колобок, на сметане мешен...» И так далее.

— А что такое «сметана»? — вступил в разговор Врач.

— «Сметана»... — Конструктор на мгновение запнулся. — По мнению Центрального Мозга, это сырье, получаемое выжиманием из «коровы» — существа, близкого биологически к разумным обитателям планеты.

— Ужас какой-то, — тихо пробормотал Врач.

— Но не это сейчас главное, — продолжал Конструктор. — Важно, что все, без исключения, аборигены используют абсолютно одинаковые «колобки». Ведь от контакта с кибером ни один из них не отказался! Поэтому я предлагаю сделать копию «колобка» и внедрить ее в организм какого-нибудь аборигена!

— Но насколько это этично? — колебался Капитан.

— Капитан! Ведь они киборги! Вступать в контакт мы не уполномочены. Наша задача — изучить обитателей этой планеты, изучить досконально!

— Хорошо! — И Капитан хлопнул по столу первым шупальцем.

«Колобок» был готов через двое суток. Врач клялся, что введенный в тело аборигена кибер не причинит здоровью обитателя планеты ни малейшего вреда. Еще

через сутки Разведчик, не отходивший от экрана визора, доложил, что объект внедрения «колобка» найден. В течение каких-нибудь трех частей суточного времени один из жителей планеты шесть раз ссылаясь на острую необходимость «дозаправиться». Весь экипаж с волнением изучал на экране визора поведение страдающего от недостатка энергии объекта.

— Ты вот что, — говорил энергетически обедненный абориген другому, — ты отдай мне рубль двадцать три копейки. Так. И еще восемьдесят копеек, которые дал вот он. А свой рубль держи.

— Ты чё, ты чё? — испуганно спрашивал собеседник. — Раздумал, чё ли?

— Нет, не раздумал. Только не пойму, где ты стоишь?

— Как где? Вон за дедом!

— То за дедом, то за бабкой! (Наблюдатели торжествующе переглянулись, услышав знакомые имена.) Крутишь ты что-то!

— Ну, ты чё? Не веришь, сам вставай. Разве ж я корешей обману? Давай деньги-то...

— Ладно, держи. — Абориген облизнул пересохшие губы. — Ух, заправиться нужно.

Капитан щелкнул выключателем, изображение исчезло.

— Что ж, все ясно, — сказал он.

— А мне лично не все, — возразил Врач. — Что такое «деньги», «корешки»?

— Ах, да ведь не это же главное, — вмешался Конструктор. — Главное, ему заправиться нужно!

— Все, — констатировал Капитан, — выпускаем «колобка»!

Ветер нес по земле желтые листья, а под защитой бетонной стены гаража было сухо и тепло. Аборигены негромко переговаривались.

— У, моя — змея! Чуть что, шипит: «Алкаши, забулдыги проклятые! Тебе любой — друг, лишь бы водку с тобой пил!» — жаловался один.

— А вы бы ей возразили. Научно, — посоветовал второй. — Так, мол, и так, существование нашего коллектива объективно обосновано. Конечно, бытие каждой отдельно взятой бутылки субъективно ограничено, ее объем конечен. Поэтому, после того, как она будет выпита, мы разойдемся. Но существование вина, как формы материи, объективно и неисчерпаемо! Значит, мы встретимся вновь, и эта встреча закономерно обусловлена. Конечно, субъективные особенности коллектива могут варьироваться в зависимости от конкретных условий, но его объективная сущность глубоко неизменна.

— Во дает! — восхитился третий — абориген, стремившийся заправиться. — Эх, боюсь только, моя не поймет. У нее одна песня: «Чтоб ты захлебнулся ею!» Она еще и ребенка учит. Представляете, говорит сегодня родная дочь: «Чтоб тебя, папка Колобков (это фамилие мое Колобков), чтоб тебя, папка Колобков, волк съел!»

Притаившийся в кустах кибер услышал командное сочетание «колобок... съел». Он переместился поближе к аборигенам и затянул:

— Я колобок, колобок, на сметане мешен...

— Мужики! — дернулся первый абориген. — Это чего?

— Тут зоопарк напротив, — испуганно выдохнул другой, — гад буду, если эта тварь не оттуда сбежала!

— С-содержащиеся в зоопарке существа не обладают даром членораздельной речи! С-скорее это какое-нибудь новое научное изобретение!

— Точно, изобретение! Милиция небось придумала! Щас «воронок» подкатит, вытрезвилочки не миновать!

И «объективно сложившийся коллектив» дружно

рванул мимо «колобка» в темноту кустов и сваленных в кучу труб.

— Ничего не понимаю. — Капитан, откинувшись в кресле, растерянно оглядел кают-компанию.

— И я не понял, — поддержал его Врач, — что такое «воронок», «вытрезвилка»?

— Господи, да ведь не это же главное! — с отчаянием воскликнул Конструктор. — Что-то мы не учли, все сорвалось!

Все смотрели на Капитана.

— Ладно, — первое щупальце пристукнуло по столу, — не будем впадать в панику! Сегодня кибермозг выдал свои соображения по второму документу, доставленному доблестным Разведчиком. Используем вариант «Кощей Бессмертный»!

ВЗЯТКА

Юмореска

«Восторг Калифорнии» пошел на посадку. На информационном табло загорелась соответствующая надпись, а потом в салоне появилась длинноногая стюардесса и на правильном до отвращения интерлинге поздравила «уважаемых пассажиров» с окончанием пути и прибытием на планету Зор.

Бесс проводил глазами стройную фигурку и вздохнул. Вздохнул просто так, на всякий случай, поскольку прекрасно знал, что стюардесса — всего-навсего оптический робот, и ее внешний вид полностью зависит от того, что хочет увидеть тот, кто на нее смотрит. Вполне вероятно, что кристаллическому кубу с Лингемы стюардесса представлялась идеально правильным параллелепипедом. Во всяком случае, Бесс готов был поклясться, что куб тоже вздохнул.

О том, что на сей раз придумал Эд Паркинс, Бесс старался не думать. Человек, хотя бы немного знавший Эда, просто не стал бы ломать над этим голову, а уж Бесс-то своего компаньона знал!

Месяц назад Паркинс исчез из Майами-бич, где приятели просаживали скудную стоимость совместно реализованной идеи. От Эда осталась невнятная записка, в которой Паркинс ругал Бесса и приказывал ему сидеть в Майами и ждать вестей. Чего ради взбеленился приятель, Бесс решительно не мог понять. Прав-

да, он ночи четыре не был в отеле, но что там делать? Идей все равно нет, да и зачем идеи, если в кармане еще лежит упругая пачка кредиток?

Объявился Паркинс недели через три. Старый Хенк, вынырнувший из какой-то космической дыры, передал Бессу записку компаньона: «Планета Зор. Срочно вези комбайн». Пояснений не было. Пришлось тащиться на окраину Галактики да вдобавок волочь с собой груды металлолома.

Паркинса Бесс увидел сразу. Эд нетерпеливо переступал с ноги на ногу в паре шагов позади таможенного поста. Над головой Паркинса висело табло, извещавшее, между прочим, что посторонним вход в зону таможенного контроля запрещен.

Бесс направился было к приятелю, но ласково журчащий что-то тип в униформе вежливо увлек его к небольшой кабинке. Похоже, на этой планетке все еще серьезно играли в таможенный досмотр.

Минут через десять ошарашенный Бесс добрался-таки до Эда.

— Привез? — Паркинс явно не собирался тратить времени на приветствия.

— Привез...

— Показывай!

— Видишь ли, он пока там...

— Где это там?

Бесс неопределенно махнул рукой в сторону таможенного пункта.

— Ты что, оставил комбайн таможенникам?

Бесс моментально окрысился:

— Оставил?.. Поди заberi! Ты не мог узнать, что любая вещь при ввозе на этот огрызок яблока должна пройти карантин? Я до сих пор не верю, что и меня-то выпустили.

Он яростно процитировал:

— «Субъект или объект, представляющий опасность для общественного строя, экономики, культуры или здоровья населения планеты Зор, подлежит уничтожению в помещении таможенного пункта. Субъекты и объекты неизвестного предназначения должны подвергаться карантину, причем плата за содержание вышеуказанных субъектов и объектов в помещении карантинного пункта взимается с лиц, ответственных за их ввоз на планету Зор».

— Но ведь меня-то никто не осматривал!! — воскликнул Эд.

— В том-то и дело! Стоило мне пойти не через таможню, а, скажем, через товарные ворота, и никто не проверял бы ни меня, ни мой багаж! Ты что, не мог об этом заранее узнать?!

— Кто же знал, что ты шляпа, — огрызнулся Паркинс, но было видно, что он смущен. А Бесс продолжал бушевать:

— По-твоему, легко было разыскать эти дурацкие комбайны? Картофелеуборочный я нашел на свалке, за угольным пришлось лезть в заброшенную шахту в Пенсильвании, музыкальный выменял у какого-то ненормального за ту пластинку, где ты поешь голосом Карузо, а комбайн для уборки зеленого горошка...

— Святые астероиды! Да сколько их у тебя?! — испуганно закричал Паркинс.

— Одиннадцать! Думаешь, легко было добиться разрешения на вывоз с Земли всего этого хлама? Сначала потребовали, чтобы я представил справку из Психиатрического центра, потом свидетельство из Интерпола. Только когда я принес диплом полномочного представителя Ассоциации «Гуманных девственников», власти капитулировали...

— Какой Ассоциации?

— «Гуманных девственников». Я ее член-учредитель.

А все эти комбайны — безвозмездный дар Ассоциации голодающим феррофагам *, с Альфы Центавра. Не мог же я платить за перевоз этой груды железа из своего кармана! А рисковать было нельзя. Ты ведь не соизволил написать, какой именно комбайн нужен!

— Надеюсь, среди этих одиннадцати механических покойников найдется простой зерноуборочный комбайн? — смиренно спросил Эд.

— О, за этот пришлось платить наличными. Я нашел его в Айове у одного старого мухомора. Он долго тархтел, что это единственная память о прадедушке. И чем больше я на него нажимал, тем больше он повышал цену. А сам все болтает о том, какой этот прадедушка был доблестный семьянин, как все, даже негры, его любили, да как уважали его местные куклуксклановцы, аж противно слушать. Пришлось припугнуть, что обойдусь без его телеги. Старикан тут же сдался, а после того, как получил кредитки, заявил, что прадедушка был бы очень горд, если бы узнал, что память о нем пущена в оборот так успешно. Если прадед был таким же прохиндеем, правнук найдет его в раю, потому что в ад их никто не пустит. А зачем тебе понадобился именно этот комбайн?

— В музей.

— Какой еще музей?

— Музей расточительности. Когда его директор узнал, что на Земле была машина, которая работала три недели в году, а остальное время стояла, он так заверещал от восторга, что лингафон сломался. Ладно, пойдем выручать из цепких лап таможенников будущий музейный экспонат, а остальные комбайны пускай достаются голодающим феррофагам, если их когда-нибудь откроют.

---

* Феррофаги — существа, питающиеся железом,

Бесс сидел на открытой веранде и потягивал через соломинку холодный коктейль. Сиреневое светило лениво опускалось в плоскую лужу, заменявшую здесь океан. Впрочем, Бессу было на это наплевать. В местном отделении засыхающей на корню земной фирмы по перевозке туристов он встретил очень миленькую секретаршу и, естественно, познакомился. Кредитки пока были, и Бесса не заботили ни безнадежно застрявший в карантинном пункте комбайн, ни гнев Паркинса. По его подсчетам, можно было не волноваться еще недели две.

Зато Эд не успокаивался даже во сне. Вот и сейчас он так яростно чертыхнулся, что обратил на себя внимание коренастого лузанина, терпеливо дожидавшегося у стойки исчезнувшего куда-то бармена. Лузанин внимательно посмотрел на взбешенного Паркинса и неожиданно улыбнулся Бессу. Бесс кивнул в ответ. Он знал этого лузанина, во всяком случае, ежедневно видел его в баре. Видимо, инопланетянин принял кивок за приглашение, потому что медленно растворился в воздухе и через секунду возник за столиком землян.

— Похоже, мы — товарищи по несчастью? — Лингафон лузанина работал в актерском диапазоне, и во фразе прозвучали непередаваемо трагические интонации.

— У вас тоже что-нибудь задержали на таможне? — спросил Бесс, чтобы хоть что-то сказать.

— В том-то и дело! Видите ли, я приехал навестить приятеля, а его, как на грех, нет на планете. Вот и сижу...

— Вот и ехали бы себе, — буркнул Эд.

— Не могу! Сначала меня не пускали на планету под предлогом, что у меня есть багаж, а теперь не выпускают отсюда, потому что багаж лежит в карантин-

ном пункте. Ну а таможенники говорят одно и то же: «Зайдите завтра» да «Позвоните через несколько часов!» Да что там! Вы ведь это тоже каждый день слышите...

— А что у вас за багаж? — поинтересовался Бесс.

— Пространство.

— Что, что?

— Свернутое пространство. Видите ли, у нас, на Лузане, давно работают над проблемой свертывания пространства. Мне удалось кое-чего добиться.

Эд приподнял голову, в его глазах что-то мелькнуло:

— Послушайте, м-м-м, коллега, а оно не развернется?

— Вы знаете, именно это и интересно! Еще никто никогда не хранил так долго пространство в свернутом виде! Саморазвертывание теоретически допустимо.

— А чем оно сопровождается? — Бесс понял причину интереса приятеля.

— Не знаю! — добродушно улыбнулся лузанин. — Этого никто не знает. Возможно, никто ничего не заметит. Но не исключен и катаклизм. Впрочем, это-то и интересно. Не правда ли... коллеги?

— Да, да, — промычал вежливый Бесс.

В этот момент бармен наконец-то появился за стойкой, и лузанин с извинениями растаял в воздухе.

— Все. — Паркинс тяжело дышал. — Нужны решительные действия. Пора уносить ноги. Пока оно не развернулось!

— Что же делать? — Бесс преданно смотрел на компаньона.

— Действовать! Ты заметил, что таможенник — женщина?

— Естественно, раз уж все население этого шарика проходит женскую стадию развития.

— А как у нее подкрашены глаза, заметил?

— Одна пара зеленым, вторая, кажется красным, третья... Да зачем тебе это нужно?

— Затем, что это говорит о многом. Например, о широте натуры таможенницы! Ее нужно ублажить!

— К-как? — поперхнулся Бесс.

— Естественно, не так, как ты ублажаешь свою тощую Мери. Нужно дать ей в лапу...

— Какую лапу?

— Господи! И в кого ты такой тупой? В обезьяну, что ли? Взятку ей нужно дать, взятку!

— Но я никогда не давал взятки инопланетянам! Даже не знаю, как это сделать... Да и что мы ей дадим? Кредиток-то ведь почти не осталось. На серьезную взятку не хватит.

Паркинс выдержал многозначительную паузу.

— Взятки на всех планетах дают одинаково. Покажи, что у тебя в кармане.

Палец Эда повелительно ткнулся в пиджак приятеля. В кармане Бесса лежал косметический набор, предназначенный для Мери.

— Вот он и сыграет роль взятки, — довольным тоном закончил Паркинс. — Видел, как эта чиновная зануда уставилась на твой набор, когда ты достал его в таможене?

— Не дам! — Бесса такой оборот дела не устраивал.

— Ты хочешь сказать, что поцелуй Мери эквивалент миллиону кредиток? А может, хочешь дождаться, пока пространство раззернется? — холодно осведомился Эд.

Бесс переменял точку зрения.

* * *

Ласковые волны Атлантики белой пеной расслабленно подкатывались к ногам Бесса. Зеленым взрывом рвались в лазурное небо листья пальмы. Бесс наслаждался жизнью.

— Молодчина ты, Эд, — растроганно произнес он.

Мокрая голова Паркинса слегка приподнялась с шезлонга.

— Еще бы, — Эд самодовольно улыбнулся, — миллион кредиток на дороге не валяется. А все потому, что я сумел дать взятку! Таможенница, конечно, сделала вид, что ничего не заметила, а комбайн через пару часов отдала. Красит сейчас все свои восемь глаз! Ха-ха-ха!

Бесс охотно присоединился к радостному смеху приятеля.

Хорошо! Деньги есть, запах океана кружил голову, стройная мулатка кокетливо поглядывала на Бесса. Идиллию нарушал только почтовый робот, топтавшийся у шезлонга.

— Чего тебе? — Паркинс тоже заметил служителя Гермеса.

— Мистер Паркинс? — осведомился робот.

— Да, я.

— Вам бандероль.

Эд вскрыл аккуратный пакет, и на его ладонь выскользнул хорошо знакомый обоим косметический набор.

— Ничего не понимаю... — Паркинс растерянно уставился на Бесса.

— Может быть, ей не понравилось?

Эд раздраженно передернул плечами.

— Черт возьми, — смятенно пробормотал он, — а что, если она ничего не поняла, если она не знает, что такое «взятка»?

— Сэр, — робот совал Эду какую-то книгу, — вам надлежит расписаться в получении...

Паркинс приложил к книге большой палец правой руки. Робот не уходил.

— Чего тебе еще? — спросил Бесс.

— Сэр, планета Зор, с которой прислана забытая вами вещь, не входит в Галактический почтовый Союз. Все отправления с нее идут как доплатные. Вам надлежит заплатить за пересылку вашей вещи. Вот квитанция.

Бесс взглянул в остановившиеся глаза Паркинса, перевел взгляд на протянутую роботом бумагу, на сумму почтового сбора, вытянувшуюся поперек квитанции длинной цифрой с шестью нулями, и медленно опустил на мокрый песок.

ОБ АВТОРЕ

Виталий Иванович Пищенко родился в Новосибирске в 1952 году. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, по специальности зоотехник. Работал преподавателем вуза, был на комсомольской работе (секретарь комитета ВЛКСМ института, комсорг ЦК ВЛКСМ по Сибирскому отделению ВАСХНИЛ). В 1987—1988 годах — ответственный секретарь журнала «Сибирские огни».

Автор книг для детей «Как хлеб на поле вырастили» (Новосибирск, 1984), «Братья — комбайны» (Новосибирск, 1987), книги очерков «Верны призванию» (Новосибирск, 1986). Печатался в журналах «Сибирские огни», «Молодой коммунист», «USRS», сборниках.

С 1980 года посещал литобъединение «Амальтея» при Новосибирской писательской организации (руководитель М. П. Михеев), участник ряда Всесоюзных и региональных семинаров молодых писателей. Фантастические произведения печатались в сборниках «Собеседник» (Новосибирск, 1985), «Фантастика-86», «Фантастика-87» (М., «М. Г.»), «Румбы фантастики» (Новосибирск, 1988), «Миров двух между» (М., 1988, «М. Г.»), книга «НЛО из Гравевки» (Новосибирск, 1988, в соавторстве), в журнале «Galaktika».

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВ ДВУХ МЕЖДУ...	5
БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ	239
«КОЛОБОК»	254
ВЗЯТКА	260
Об авторе	269

Пищенко В. И.

П 36 Баллада о встречном ветре. — М. Мол. гвардия, 1989. — 269 [3]. с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00512-0

В книге сибирского прозаика Виталия Пищенко представлены разноплановые произведения: здесь и приключенческая фантастика, и попытка приоткрыть внутренний мир космолетчика будущего, и юморески.

П 4702010201—186
078(02)—89 — 146—89

ББК 84Р7

ИБ № 6074

Пищенко Виталий Иванович

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

Заведующий редакцией В. Щербанов

Редактор В. Родинов

Рецензент Л. Пospelов

Художник С. Астраханцев

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Прохорова

Корректоры В. Назарова, Н. Хасаия

Сдано в набор 27.02.88. Подписано в печать 03.04.89.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-
отт. 12,25. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 30 к.
Заказ 2870.

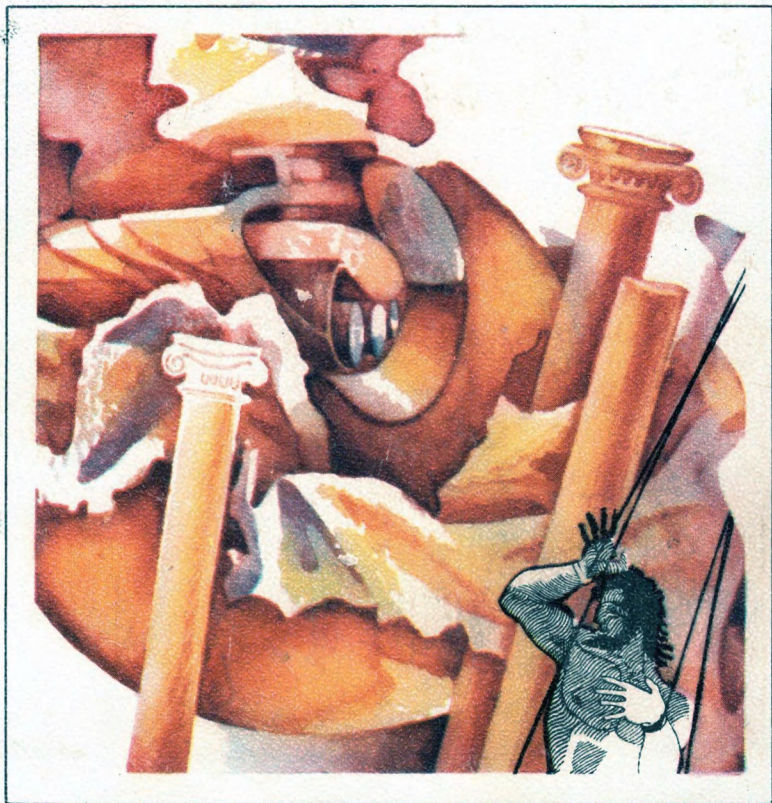
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-00512-0

1 р. 30 к.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

В. ПИЩЕНКО БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

